ИСТОРИЯ ПРОТЕСТАНТИЗМА

2

ШЕСТНАДЦАТОГО ВЕКА

Copyright © 2024. Издательская Компания «Свет мира».

Все права защищены. Никакая часть этой книги не может быть воспроизведена или передана в любой форме или любыми средствами без письменного разрешения автора, за исключением кратких цитат, воплощенных в критических статьях и обзорах. Пожалуйста, передайте все соответствующие вопросы издателю.

Все права защищены. Никакая часть этой книги не может быть воспроизведена или передана в любой форме или любыми средствами, электронными или механическими, включая фотокопирование, запись, или с помощью системы хранения и поиска информации - за исключением рецензента, который может цитировать краткие отрывки в обзоре, который будет напечатан в журнале или газете - без разрешения издателя в письменной форме.

ISBN: 277-2-85933-777-9

Каталог данных

Редактирование : Издательская Компания «Свет мира».

Воспроизведено в: Турин, Италия.

Опубликовано:

Light of the World Publications Company Ltd

P.O. Box 144, Piazza Statuto, Turin, Italy

Издательская Компания «Свет мира».

П.О. Box 144, Площадь Статуто, Турин, Италия

"Lux Lucet in Tenebris"

Свет сияет во Тьме

Light of the World Publication Company Limited

Свет Мира

P.O. Box 144 Piazza Statuto, Turin, Italy

Email: newnessoflife70@gmail.com

ИСТОРИЯ

ПРОТЕСТАНТИЗМ

ШЕСТНАДЦАТЫЙ ВЕК

ВТОРОЙ ТОМ

EDINBURGH:

PUBLISHED BY OLIVER & BOYD

Эта страница была умышленно оставлена пустой.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Данного издания позже было переиздано свет Мира издательская компания лимитед...Книга проливает свет на актуальные вопросы, отражающиеся в нестихающих спорах и многочисленных моральных дилеммах. Повествование и иллюстрации специально подобраны и представлены для ознакомления читателя с событиями, имеющими отношение к исторической, научной, философской, образовательной, религиозно-политической, социально-экономической, правовой и духовной аспектам. Кроме того прослеживаются ясные и неоспоримые закономерности и взаимосвязи, в которых можно усмотреть сплетение, взаимодействие и пересечение противоположных, однако гармоничных школ мысли.

Долгий путь обуздания, конфликтов и компромисов на земле подготовил почву для возникновения новой эры. Горячие вопросы сопутствуют пришествию приближающейся новой эры, сопровождаемой суперструктурами, системами правления, основанными на правах режимами и идеалами свободы и счастья. Отражающая периоды иллюзий, стратегических подавлений и задач нового миропорядка, эта электронная книга соединяет точки между современными реалиями, духовными таинствами и пророческими откровениями. Она прослеживает хронологический путь от упадка нации к мировому господству, от разрушения старой системы к становлению новой, кратко освещая любовь, человеческую природу, а также сверхчеловеческое вмешательство.

Снова и снова знаменательные события формировали жизненный путь и историю, предвосхищая будущее. Живя во времена волнений и неопределенности, будущее с трудом поддавалось осмыслению. Благодаря этой книге читателю раскрывается панорамное видение прошлого и будущего, выдвигая на первый план критические моменты времени, которые открылись в исполнении пророчеств.

Несмотря на рождение в неутешительных условиях и страдания от суровых испытаний, группа людей в твердой решимости и сохраняя добродетель, исповедывали свою веру, оставляя неизгладимый след. Их вклад сформировал современность и проложил путь к чудесной кульминации и грядущим переменам. Поэтому эта литература служит как вдохновлением, так и практическим пособием для проникновенного и глубокого понимания скрытого за завесой социальных вопросов, религии и политики. Каждая глава повествует о состоянии как общества, так и отдельного индивида, пребывающего во тьме, готового к острым конфликтам и побужденного зловещими и тайными замыслами и скрытыми мотивами. Здесь они бесстыдно выставлены на всеобщее обозрение. Однако, не смотря на это, каждая страница также излучает сверкающие лучи мужества, избавления и надежды.

В конце концов, наше горячее желание - заставить каждого читателя испытать и начать любить, а также принять правду. В мире, пропитанном ложью, двусмысленностью и манипуляциями, истина навечно останется квинтэссенционным стремлением души. Истина рождает жизнь, красоту, мудрость и благодать, приводя к возрожденной цели, энергии и искренней и личностной трансформации в будущее и жизни.

Ольга Крубер-Федорова

История протестантизма. Дж. Э. Уайли

Книга третья. Ян Гус и гуситские войны.

Оглавление

Книга третья. Ян Гус и гуситские войны. 4
Глава 1 - Происхождение, образование и первые труды Гуса. 4
Глава 2 - Гус начинает войну против Римской церкви. 11
Глава 3 - Растущее сопротивление Гуса Риму. 18
Глава 4 - Подготовка к собору в Констанце. 22
Глава 5 - Свержение с престола противоборствующих Пап. 28
Глава 6 - Заключение и допрос Гуса. 33
Глава 7 - Осуждение и мученическая смерть Гуса. 40
Глава 8 - Сравнение богословия, характеров и трудов Уиклиффа и Гуса. 44
Глава 9 - Суд и искушения Иеронима. 47
Глава 10 - Суд над Иеронимом. 50
Глава 11 - Осуждение и сожжение Иеронима. 54
Глава 12 - Гус, Иероним, или три первых Свидетеля Современного христианства. 56
Глава 13 - Гуситские войны. 59
Глава 14 - Начало гусистских войн. 66
Глава 15 - Гений Жижки как полководца. 71
Глава 16 - Второй крестовый поход против Богемии. 73
Глава 17 - Блестящие успехи гуситов. 81
Глава 18 - Собор в Базеле. 88
Глава 19 - Последние события чешской реформации. 93
Книги четвертая и пят. Христианство в начале шестнадцатого столетия. 99
Глава 1 - Протестантизм и средневековье. 100
Глава 2 - Империя. 103
Глава 3 - Папство или христианство под тиарой. 110
Книга пятая. История протестантизма в Германии до дебатов в Лейпциге в 1519 году. 116
Глава 1- Происхождение, детство и школьные годы Лютера. 117
Глава 2 - Университетская жизнь Лютера. 124

Глава 3 - Жизнь Лютера в монастыре. 128
Глава 4 - Монах Лютер становится Лютером реформатором. 133
Глава 5 - Лютер – священник, профессор и проповедник. 137
Глава 6 - Путешествие Лютера в Рим. 141
Глава 7 - Лютер в Риме. 147
Глава 8 -Тетцель проповедует индульгенции. 151
Глава 9 - Тезисы. 158
Глава 10 - На Лютера нападают Тетцель, Приеро и Экк. 165
Глава 11 - Поездка Лютера в Аугсбург. 172
Глава 12 - Появление Лютера перед кардиналом Каэтаном. 178
Глава 13 - Возвращение Лютера в Виттенберг и его труды. 185
Глава 14 - Милтиц, Карлштадт и д-р Екк. 192
Глава 15 - Лейпцигский диспут. 200

Книга третья. Ян Гус и гуситские войны.

Глава 1 - Происхождение, образование и первые труды Гуса.

Богемия – Появление Евангелия – Труды Уиклиффа – Пионеры – Милич, Штитный, Янович – Крал IV – Гус – Происхождение, образование – Прага – Вифлеемская часовня

Весной земледелец начинает готовиться к урожаю. Он распахивает плугом поле за полем, и когда все готово для следующего действия, он возвращается к началу, разбрасывая драгоценные семена в открытые борозды. Далее он заботится о необходимой прополке. Все это время то солнце, то дождь способствуют зарождению и росту растений. Земледелец приходит в третий раз, и вот! Все поле в волнах желтой спелой пшеницы. Это урожай.

Так было и с Небесным Земледельцем, когда он начал подготовку к сбору урожая в христианском мире. Относительно веков, которые предшествовали реформации, она была весной, а по отношению к векам до нее, она была временем сбора урожая.

Мы видели Великого Земледельца за вспашкой одного из полей, а именно Англии, еще в четырнадцатом веке. Война, разразившаяся в то время во Франции, политические конфликты, в которые была втянута эта страна папством, появление университетов с последующим духовным брожением, взрыхлили землю. На вспаханную землю Земледелец послал умелого и трудолюбивого слугу, чтобы сеять в борозды семена переведенной Библии. Работа продвинулась до этих пор, на этом она остановилась, или так казалось. Увы! Вся работа пропала, воскликнем мы. Нет. Работник ушел, но семя осталось. Оно лежит в земле; и пока оно тихо прорастает, час за часом идет своим путем к урожаю, Земледелец переходит в другое место, пашет и сеет на других полях. Давайте окинем взглядом весь большой христианский мир. Что мы увидим? Вон там на далеком востоке начался тот же подготовительный процесс, который мы уже наблюдали в Англии. Действительно, Земледелец очень занят. В Богемии плуг за работой, и уже вышли сеятели и начали разбрасывать семена.

Отправляясь в Богемию, мы не меняем тему, а только страну. Такая же великая драма, но под другим небом. Конечно, зима прошла, пришло великое время весны, когда в землях, лежащих так далеко друг от друга, как мы видим, начинают появляться цветы и бить родники.

Мы читаем в книге Гонения на Чешскую церковь: «В 1400 году н.э. Иероним Пражский вернулся из Англии, привезя с собой рукописи Уиклиффа». Таборит-хронист пятнадцатого века Николас фон Пельримов свидетельствует, что книги евангельского богослова, профессора Джона Уиклиффа, открыли глаза профессору

Яну Гусу; как было известно нескольким надежным людям с его собственных слов, он читал и перечитывал их вместе со своими последователями.

Такое вот звено связывает Чешское королевство (Богемию) с Англией. Протестантизм уже свидетельствует о своей кафоличности. Океаны не могут остановить его распространение. Государственные границы не могут ограничить его триумф. Ему предназначено процветать по всей земле, он найдет последователей среди людей разных языков. Духовно мертвые, находившиеся в могилах, стали слышать голос Уиклиффа, вернее Христа, говорившего через Уиклиффа, и идти вперед. Первая драма протестантизма разыгралась в Богемии, прежде чем началась в Германии. Вторая драма настолько изобиловала трагическими моментами и героическими натурами, что она заслуживает бо;льшего внимания, чем ей было оказано до сих пор. Она длилась не долго, но за это время излила удивительный свет на маленькую Богемию. Он превратил ее людей в народ героев. Он сделал их мудрость предметом восхищения Европы, а их отвагу на полях сражений ужасом для соседних государств. Более того, он показал уровень, до которого может подняться человеческая личность и славу, которую приобретает история в то время, когда протестантизм начинает распространять живительное влияние на еще большие области, чем те, которыми он раньше был ограничен.

Вероятно, христианство впервые пришло в Богемию вслед за армией Карла Великого. Но западные миссионеры, не знавшие славянского языка, могли добиться лишь немногого, номинального обращения в христианство чешского народа. Так, мы находим короля Моравии, страны, чье религиозное состояние было точно такое же, как и в Богемии, писавшим греческому императору в 863 году следующее: «Наша страна крестилась, но у нас нет учителей, чтобы наставлять и перевести для нас Святое Писание. Пошли нам учителей, которые бы могли объяснить нам Библию». Послали Мефодия и Кирилла; Библия была переведена, и введено богослужение на славянском языке.

Богослужения, как в Моравии, так и в Богемии, совершались по обряду Восточной церкви, откуда пришли миссионеры. Мефодий перевел Библию, чтобы она разошлась по всей Богемии. За этим последовал большой урожай обращенных, много знатных семей крестилось, везде появлялись церкви и церковные школы.

Хотя богослужения совершались по восточному обряду, чешская церковь оставалась под юрисдикцией Рима; так как великий раскол между Восточной и Западной церковью еще не закончился. Греческая литургия, как можно представить, не нравилась Папе, и он задумал ее отменить. Постепенно вводился латинский обряд, а греческий в той же пропорции исчезал. Наконец, в 1079 году Григорий VII (Гильдебрант) издал буллу, запрещавшую восточный обряд и богослужения на языке страны. Причины, выдвинутые понтификом для использования языка

непонятного людям для обращения к Всесильному, были такие, которые не приходят на ум нормальным людям. Он говорит своему «дорогому сыну», королю Богемии, что после долгого изучения Слова Божьего, ему стало понятно, что Вседержителю нравится, когда богослужения совершаются на незнакомом языке, и что много зол и ересей возникло из-за несоблюдения этого правила.

Это послание фактически закрыло все церкви, все Библии и оставило чехов, в отношении просвещения, в полной темноте. Христианство в этой стране погибло бы от такого удара, если бы не еще один случай движения сопротивления, произошедший вскоре. Именно тогда вальденсы и альбигойцы, убежавшие от меча преследования из Италии и Франции, пришли в Богемию. Таунус сообщает, что сам Пьер Вальдо был среди нескольких евангельских беженцев.

Рейнерий, говоря о середине тринадцатого века, писал: « Вряд ли найдется какая-нибудь страна, где не было бы этой секты». Если письмо Григория было подобно суховею для богемской церкви, то вальденские беженцы были сокровенной росой, для ее возрождения. Они расселились небольшими колониями по всем славянским странам, включая Польшу, а их штаб-квартира находилась в Праге. Они были ревностными евангелистами; не смея проповедовать открыто, они учили по частным домам, и хранили истину в течение двух столетий, которые должны были пройти до появления Гуса.

Нелегко было осуществлять папские приказы в Богемии, находившейся так далеко от Рима. Во многих местах богослужения продолжали проходить на родном языке, а Евхаристия совершалась под обоими видами. Во многих случаях влиятельная знать защищала вальденсов и местных христиан; и за эти услуги они получали в десять раз больше, имея порядок и процветание, царившие там, где жили знатоки Евангелького учения. Весь четырнадцатый век вальденсы-изгнанники продолжали сеять семена чистого христианства в чешскую землю.

Все великие перемены предвозвещают о себе. Революции, происходящие в политической сфере, всегда дают знать о своем приходе. Разве не замечательно, что в каждой христианской стране были люди, предсказывавшие приближение великой нравственной революции? В Богемии было трое людей, предшественников Гуса, которые в более или менее простых выражениях предсказали появление более сильного борца. Первым был Ян Милич, архидьякон и канонник епископальной церкви в Градчанах, в Праге. Он был человеком редкой образованности, чистой жизни и красноречия. Когда он появлялся за кафедрой собора, самая внимательная публика наполняла величественное строение. Он скорее обличал злоупотребления духовенства, чем ложные доктрины церкви, советовал причащаться под обоими видами. Однажды он поехал в Рим в надежде найти там, в посте и слезах, успокоение для души. Но, увы, прегрешения в Праге, против которых он обрушивался с кафедры

Градчан, забылись при виде чудовищных прегрешений в городе понтифика. Потрясенный тем, что увидел в Риме, он написал на дверях одного из кардиналов: «Антихрист пришел и сидит в этой церкви», а потом уехал. Папа Григорий XI послал вслед за ним буллу, адресованную архиепископу Пражскому, приказав схватить и посадить в тюрьму смелого священника, который оскорбил Папу у него в столице, у самых врат Ватикана.

Не успел Милич вернуться домой, как архиепископ приступил к выполнению папского приказа. Но среди народа возникло недовольство, боясь народного возмущения, архиепископ открыл двери тюрьмы, и Милич после короткого заключения был освобожден. Он прожил до восьмидесяти лет и спокойно умер в 1374 году.

Его сослуживец, Конрад Штитный, человек такого же темперамента и красноречия, в чью церковь приходило столько народа, что он был вынужден выходить на улицу и проповедовать под отрытым небом, умер до него. Его преемником был Матвей из Яновы, который не только громил с церковной кафедры преступления Церкви, но и ездил по всей Богемии, проповедуя о беззаконии того времени. Это привлекло к нему взоры Рима. По наущению Папы началось преследование исповедников Богемии. Они не могли открыто совершать причастие под обоими видами, поэтому те, кто хотел причащаться из «чаши», мог сделать это только в частных домах, или еще более секретно, в лесах и пещерах. Им приходилось трудно, когда их убежища обнаруживались вооруженными отрядами, посланными по их следу. Тех, которым не удавалось бежать, поражали мечом, или бросали в реку. Наконец, было принято решение сжигать на костре (1376г.) всех, кто уклонялся от установленных обрядов. Гонения продолжались до дней Гуса. Матвей, «который учил, что спасение можно обрести по вере только в распятом Спасителе», умирая (1394г.), утешал друзей, что непременно наступят лучшие времена. «Яростные враги истины – говорил он – сейчас одерживают победу над нами, но так будет не всегда; из простых людей восстанет один человек без меча и власти, и его они не смогут победить».

Богемия готовилась к своей великой роли и в сфере политики. Карл I, больше известный в западной Европе, как Карл IV, император Германии и автор Золотой Буллы, незадолго до этого взошел на трон. Он был просвещенным правителем-патриотом. Друг Петрарки и защитник Матвея из Яновы, он настолько пропитался духом великого поэта и Богемского пастора, что захотел реформировать церковную собственность, особенно в связи с огромным богатством и растущей властью духовенства. Однако в этом он ничего не смог добиться, напротив, Рим сумел добиться его согласия на гонения. Он был более успешен в улучшении политического и материального положения страны, обуздал неистовство знати;

очистил проезжие дороги от наводнявших их разбойников; и теперь земледелец мог сеять и жать в мире, а купец безопасно мог ездить из города в город, страна стала процветать. На этом труды суверена не остановились. Он расширил права городов, основал университет в Праге в 1347 году по образу университетов в Болонье и Париже, призвав на его кафедры выдающихся ученых и обеспечив его обширными фондами. Он особенно покровительствовал авторам, писавшим на чешском языке, считая, что нет лучшего способа для укрепления национального интеллекта, чем развитие родного языка и литературы. Таким образом, когда в других странах реформация помогла очистить и облагородить родной язык, сделав его проводником высочайших истин, в Богемии этот процесс имел обратный ход: развитие чешского языка подготовило приход протестантизма.

Хотя правление Карла IV было мирным, и его усилия были в основном направлены на духовное и материальное процветание Богемии, он заботился, чтобы воинственный дух подданных не угас; и, таким образом, когда в начале пятнадцатого века разразилась буря, и папские анафемы поддержали армии Германии, чехи не были неподготовленны к этой грандиозной битве, которую им пришлось вести за свои политические и религиозные права.

Перед подробным описанием этой борьбы мы должны кратко коснуться судьбы человека, который так энергично способствовал возникновению в груди соотечественников неустрашимого духа, ведшего их к победе в войне. Ян Гус родился 6 июня 1373 года в торговом городке Гусинец у кромки Богемского леса, недалеко от истока реки Молдау, на границе с Баварией. Он взял фамилию по месту своего рождения. Его родители были бедными, но уважаемыми людьми. Отец умер молодым. Его мать, по окончанию им сельской школы, отвезла его в Прагу для поступления в университет. Она везла ректору подарок, но так случилось, что потеряла его по дороге, и, огорчившись этой неприятностью, она встала на колени рядом с сыном, и попросила у Всесильного благословения для него. Молитвы матери были услышаны, хотя ответ пришел таким образом, что ранил бы ее сердце, если бы она дожила до этого.

Университетский путь молодого студента, чьи таланты развивались день ото дня, был одним из самых блестящих. У него было бледное и тонкое лицо; всепоглощающая страсть к знаниям; он был приятным и приветливым в общении; завоевывал всех, кто общался с ним. Он получил степень бакалавра свободных искусств в 1393 году, бакалавра богословия в 1394 году, магистра свободных искусств в 1396 году, он никогда не был доктором богословия, как и Меланхтон. Спустя два года после получения степени магистра свободных искусств, он начал читать лекции в университете. Окончив университетский курс, стал служить в церкви, где быстро нашел признание. Постепенно слава о нем дошла до двора

Вацлава, который унаследовал трон после своего отца Карла IV. Его жена, королева София Баварская, выбрала Гуса своим исповедником.

В то время он был убежденным приверженцем папства. Он уже был знаком с философскими трудами Уиклиффа и внимательно изучал их, но еще не видел его богословские трактаты. Он был исполнен безграничной преданностью к римской церкви за ее милости; он писал, что ездил на юбилей Праги в 1393 году на исповедь в собор св.Петра, отдал исповеднику последние четыре гроша, принял участие в церковной процессии, чтобы получить отпущение грехов; такова была его исключительная преданность, в которой он потом раскаивался с церковной кафедры.

Настоящий путь Яна Гуса начался в 1402 году, когда его назначили проповедником в Вифлеемскую часовню. Она была основана в 1392 году гражданином Праги по имени Кржиж, который придавал большое значение проповеди Божьего Слова на родном языке. По смерти или уходе первого пастора Стефана из Колони, Гуса избирают его преемником. Его проповеди были целой эпохой для Праги. Нравственное состояние столицы было тогда плачевным. Согласно Каменского все слои общества погрязли в самых отвратительных грехах. Король, знать, прелаты, духовенство и простые граждане предавались безудержной алчности, превозношению, пьянству, похоти и разврату. Посреди тонущего общества стоял Гус, как воплощенная совесть. Тогда он выпустил огненные стрелы против прелатов, против знати, против рядовых священников. Проповеди служили во благо, как проповеднику, так и слушателям, так как во время подготовки к ним и выступления, Гус сам внутренне пробуждался. Поднялось возмущение. Но королева и архиепископ защищали Гуса, и он продолжал проповедовать с неутомимым рвением, во всем основываясь на Писании, и так часто обращаясь к Нему, что с уверенностью можно было сказать о возвращении через него Слова Божьего соотечественникам.

Служитель Вифлеемской часовни был обязан служить каждый церковный день утром и вечером (в рождественский пост и другие постные дни только утром) прихожанам на родном языке. Обязанный изучать Слово Божие, и освобожденный от совершения литургии и пасторских обязанностей, Гус быстро возрастал в познании Писания, и глубоко проникся его Духом. Пока вокруг него ежедневно росла преданная община, он сам возрастал в вере. К тому времени он познакомился с богословскими трудами Уиклиффа, которые внимательно изучал, начал восхищаться праведностью автора, и не был уже так резко настроен против предлагаемого им плана реформации.

Гус начал движение, истинный характер которого он еще не понял, и исход которого лишь немного представлял. Он поместил Библию выше авторитета папы или собора, и, таким образом, вступил, не зная этого, на путь протестантизма. Но

пока он не хотел порывать с римской церковью; он не отступил ни от одной из ее догм, так как любое расхождение с ними было исключено; но он сделал один шаг, который, если не отступит, уведет его в свое время от общения с римской церковью.

Эхо голоса, который был ранее слышан в Англии, но сейчас уже молчал, достигло далекой Богемии. Мы рассказывали о молодом студенте, который приехал в Прагу из Англии с рукописями трудов великого английского ересиарха. Были и другие причины, благоприятствовавшие появлению трудов Уиклиффа. Одной из них была женитьба Ричарда II, короля Англии, на Анне, сестре Богемского короля, и последующее сотрудничество двух стран. После смерти королевы, фрейлины ее двора, возвратившсь на родину, привезли с собой рукописи великого реформатора, чьей последовательницей была их госпожа. Университет сделал Прагу сосредоточием света и прибежищем людей науки. Итак, несмотря на порочность высших сословий, была подготовлена почва для принятия и распространения взглядов настоятеля Люттерворта, которые вошли за стены столицы Богемии.

Глава 2 - Гус начинает войну против Римской церкви.

Две фрески. – Пражский университет. – Ссылка Гуса. – Возвращение. – Приезд Иеронима. – Два соратника. – Папы-конкуренты и пр.

Случай, который, как говорят, произошел в это время, способствовал углублению взглядов Гуса, и укреплению движения, начатого им в Богемии. В Прагу приехали два английских богослова, Джеймс и Конрад из Кентерберийского диоцеза. Выпускники Оксфорда и последователи Евангелия, они пересекли море, чтобы распространять на берегах Молдау учение, которое получили в Айсисе (Оксфорд). Они планировали проводить публичные диспуты, и, выбрав своей темой, примат Папы, бросили вызов его сторонникам. Страна, вряд ли, созрела для такой борьбы, и когда об этом услышали власти, они быстро положили конец этим дискуссиям. Остановленные в своей работе, двое приезжих изыскивали другие пути для осуществления своей миссии. Они напомнили, что изучали свободные искусства, кроме богословия, и могли взяться за кисть. Воспользовавшись отъездом хозяина, они проявили свое искусство, нарисовав на одной стене скромный вход в Иерусалим Христа, «кроткого, верхом на осле». А на другой стене царственное великолепие кавалькады понтифика. На ней был изображен Папа в тиаре, одетый в расшитые золотом ризы, сверкавшие драгоценными камнями. Он гордо восседал на лошади под богатой попоной, трубачи возвещали о его появлении, а на заднем фоне стояла яркая толпа кардиналов и епископов.

В то время, когда печать еще не была известна, также как и благовестие, это явилось красноречивой и наглядной проповедью. Многие приходили посмотреть, и видели контраст между скромным положением Основателя церкви и непомерным высокомерием и надменностью мнимого наместника. Город пришел в движение, и волнение дошло до такой степени, что англичане благоразумно решили удалиться. Но мысли, которые они возбудили, продолжали будоражить умы горожан.

Среди тех, кто пришел посмотреть на антитезу Христа и Антихриста, был Ян Гус, и это должно было привести его к более тщательному изучению трудов Уиклиффа. Сначала он не мог согласиться с выводами английского реформатора. Как сильный свет, бьющий неожиданно по слабым глазам, смелые взгляды Уиклиффа, предложенные им решительные меры реформации, встревожили и потрясли Гуса. Чешский проповедник обратился к Библии, но он не склонился перед ней с абсолютной и решительной покорностью английского пастора. Чтобы свергнуть церковную иерархию, и заменить ее служением Слову; чтобы убрать все традиционные учения и поставить на их место учение Нового Завета, нужна была революция, хотя и отмеченная простотой и возвышенностью, к которой Гус не был

готов. Есть сомнение, были ли взгляды Гуса, даже когда он стоял на костре, такими же глубокими и ясными, как взгляды Уиклиффа.

Ложные чудеса помогли Гусу открыть глаза еще шире, и помочь его развитию. В церкви Вильснак, в нижнем течении Эльбы, находилась мнимая святыня крови Христа. Сообщалось о многих чудесных исцелениях от этой святой крови. Люди стекались туда не только из соседних стран, но и из таких дальних, как Польша, Венгрия, и даже Скандинавия. В самой Богемии не было недостатка в многочисленных паломниках, посещавших Вильснак, чтобы увидеть чудесную святыню. Многие сомневались в силе этой крови. Архиепископ Пражский назначил комиссию из трех магистров, среди которых был Гус, чтобы исследовать это дело, и узнать правду о чудесах, совершенных этой святыней. Обследование людей, над которыми совершались мнимые чудеса, показало, что это был просто обман. Говорили, что у мальчика исцелилась больная нога от крови из Вильснака, но при обследовании оказалось, что нога стала хуже прежнего. Говорили, что к двум слепым женщинам вернулось зрение благодаря крови, но когда их расспросили, они рассказали, что у них было плохое зрение, но они никогда не были слепы; так было и с другими мнимыми исцелениями. В результате исследования архиепископ издал рескрипт летом 1405 года, в котором предписывалось всем проповедникам, по крайней мере, раз в месяц, оглашать в своих общинах запрещение епископа совершать паломничество в Вильснак к крови, под страхом отлучения от церкви.

Гус вскоре после этого (1409г.) смог оказать еще одну услугу своей стране, которая с увеличением его известности и влияния среди чехов, проложила дорогу для его великой работы. Толпы иностранной молодежи стекались в Пражский университет, и их большая численность позволила им монополизировать вознаграждения и славу за частичным исключением чешских студентов. Согласно первоначальному уставу университета чехи владели тремя голосами, а другие национальности только одним. С течением времени все изменилось; немцы захватили три голоса из четырех, а оставшийся один был оставлен местной молодежи. Гус протестовал против такого нарушения и добился исправления ситуации. Был принят указ, давший три голоса богемцам, и только один немцам. Как только этот указ был оглашен, немецкие профессора и студенты в количестве, как пишут одни, 40 000, но согласно современнику Энею Сильвиу, 5000 покинули Прагу, скрепив этот шаг клятвой, за нарушение которой следовало отрубить указательный и средний пальцы на правой руке. Среди этих студентов не было никого, кого бы коснулись через Гуса первые лучи божественного знания, и которые были бы орудием распространения этого света в Германии. Став ректором университета, Гус, благодаря еще большей популярности и высокому положению, мог, как никогда ранее, распространять свое учение.

То, что происходило в Праге, не могло долго оставаться неизвестным в Риме. Осведомленный о событиях в Богемской столице, папа Александр V издал буллу, в которой приказал архиепископу Пражскому Збынеку принять меры против тех, кто проповедовал в домашних часовнях, читал труды или учил взглядам Уиклиффа. Последовало аутодафе, но не людям, а книгам. Свыше 200 томов, красиво написанных, изящно переплетенных и украшенных драгоценными камнями были сложены в кучу на одной из пражских улиц и публично сожжены по приказу Збынека. Их красивое и богатое оформление говорило, что их владельцами были люди высокого положения, а их количество, собранное только в одном городе, свидетельствовало о том, как широко распространились труды английского реформатора по Европе.

Этот акт еще больше воспламенил ревность Гуса. В своих проповедях он нападал на индульгенции, а также на злоупотребления иерархии. Из Рима прибыл второй указ. Папа вызывал его, чтобы дать ответ за свое учение лично. Подчиниться этому вызову было все равно, что идти навстречу своей могиле. Король, королева, университет и многие влиятельные люди Богемии послали посольство, прося папу освободить Гуса от личного присутствия, а заслушать его адвоката. Папа отказался выслушать это прошение. Он продолжил разбирательство дела, осудил Гуса в его отсутствие и наложил интердикт на Прагу.

Столица Богемии была ввергнута в недоумение и тревогу. На каждом шагу были видны признаки, которым воображение придавало ужасное значение. Прага была похожа на город, охваченный неожиданной и страшной эпидемией. Закрытые двери церквей, погасшие свечи алтарей, покойники, ждавшие погребения на обочинах дорог, статуи, которые освящали и охраняли улицы, стояли, покрытые мешковиной, или лежали на земле, как будто умоляя за страну, чьи дети своими прегрешениями призвали на нее ужасное проклятие, и молчаливо предупреждая, что с каждым часом граждане, укрывавшие в своих стенах человека, осмелившегося не подчиниться вызову Папы, усугубляли свою вину и отмщение в Судный День. Давайте выдадим бунтовщика, кричали многие, чтобы нам не погибнуть.

Волнения готовы были нарушить покой и обагрить улицы Праги кровью. Что Гусу было делать? Бежать от бури, покинуть город, где было много друзей и немало последователей? Что сказал Господь? «Наемник бежит, потому что он наемник, и не радеет об овцах». Это, казалось, запрещало его отъезд. Его терзали сомнения. Но, разве не Господь приказывал: «Когда вас гонят в одном городе, бегите в другой»? Его присутствие только навлечет бедствия на его друзей, и, покинув Прагу, он уехал в родной Гусинец.

Здесь Гус был под покровительством местного правителя, бывшего его другом. Он, прежде всего, думал о тех, кто остался в Праге, возлюбленной пастве, которой

он служил в Вифлеемской часовне. «Я уехал, – писал он им – не для того, чтобы отступить от истины, за которую я готов умереть, но потому что нечестивые священники запрещают проповедовать о ней». Искренность его признания подтверждалась трудами. Подражая Христу, он ходил по всей прилегающей области, проповедуя в городах и деревнях. За ним следовали толпы народа, ждавшие его слов и пораженные его простотой и не меньшей мужественностью и красноречием. «Церковь объявила – говорили его слушатели – этого человека еретиком и дьяволом, хотя его жизнь свята, а его учение чисто и возвышено».

Разум Гуса на этом этапе его пути был местом действия мучительных противоречий. Хотя церковь старалась поразить его своими молниями, он не отвергал ее авторитета. Римская церковь пока была для него невестой Христа, а Папа представителем и наместником Бога. Гус вел войну против злоупотреблений ее власти, но не против ее догм. Это создало конфликт между убеждениями его разума и требованиями совести. Если эта власть была справедливой и непогрешимой, как он мог ослушаться ее? Он понимал, что подчиниться значило согрешить; но почему послушание непогрешимой церкви вело к такому результату? Эту проблему он не мог решить, сомнения терзали его ежечасно. Наиболее близким к решению этого вопроса было предположение, что, как и раньше, во времена Спасителя, священники храма стали грешниками и пользовались законной властью для беззаконных целей. Это привело его к принятию для своего руководства и проповедования другие принципы заповедей Писания, которые после понимания их должны руководить сознанием; другими словами, Бог, говорящий через Библию, а не через церковь, говорящей через священников, является единственным непогрешимым наставником людей. Надо было принять фундаментальный принцип протестантизма, от которого Гус, возможно, отошел бы, если знал в тот час, чем это закончится для него. Топор, который он взял, был предназначен подрубить принцип человеческого превосходства в вопросах общественного сознания, но оковы на руках не позволили нанести такие же удары, какие были сделаны борцами после него, и кому принадлежала честь искоренения этого горького корня, плодами которого были разложение церкви и порабощение общества.

Постепенно в Праге все успокоилось, но как оказалось, спокойствие было только на поверхности. Гус очень хотел опять очутиться в Вифлеемской часовне, где он одержал много побед, и его желание исполнилось. Еще раз он стоял за старой кафедрой, еще раз его окружала возлюбленная паства. С рвением, усиленным ссылкой, он как никогда мужественно громил тиранию священства, запрещавшего свободное проповедование Евангелия. Чем больше люди возрастали в познании, - пишет Фокс – тем больше они «жаловались на папскую курию и епископскую консисторию, которые собирали с Христовых овец шерсть и молоко, но не питали их ни словом Божьим, ни хорошими примерами».

Великая революция готовилась в Богемии, но она не могла войти в мир, не вызвав бурю. Гус был, возможно, единственным спокойным человеком в стране. Против него создавалась мощная группировка, состоявшая из богословов университета и священников. Ее возглавляли два священника, Палич и Михаил de Causis, которые раньше были его друзьями, но потом стали злейшими врагами. Эта группировка быстро бы заставила его замолчать и закрыла Вифлеемскую часовню, если бы они не боялись народа. С каждым днем росло народное возмущение против священства. С каждым днем последователи и защитники реформатора становились смелее, и теперь вокруг него было много влиятельных людей. Королева была на его стороне; благородный характер и яркий талант Гуса завоевали ее уважение. Многие знатные люди поддерживали его, одни из-за того, что чувствовали Божественную силу доктрин, которым он учил, другие в надежде взять часть трофеев, которые, как они предполагали, будут постепенно собраться в результате этого движения. Большая часть граждан была настроена дружелюбно. Захваченные его красноречием, и наученные чистым и возвышенным доктринам, они научились испытывать отвращение к высокомерию, разврату и алчности священников, и приминать участие в человеке, которого пытались уничтожить властные и порочные структуры.

Гус был один, у него не было товарища, и он иногда испытывал одиночество и меланхолию. Соратник одного с ним духа и преданности великому делу был бы для Гуса большей поддержкой и лучшим утешением, чем все другие друзья, окружавшие его. Бог смилостивился и дал ему такого товарища, который принес в их дело разум огромной проницательности и пылкое красноречие, сочетавшиеся с бесстрашием и преданностью. Этим другом был Иероним Фаульфиш, чешский рыцарь, который незадолго до этого вернулся из Оксфорда, впитав взгляды Уиклиффа. Проезжая через Париж и Вену, он вызывал ученых людей их университетов на дебаты по вопросам веры; но положения, которые он отстаивал с блестящей логикой, считались еретическими, и его бросили в тюрьму. Убежав, однако, он вернулся в Богемию, где начал распространять с энтузиазмом, присущим его характеру, и блестящим красноречием, доктрины английского реформатора.

С тех пор имя Иеронима было крепко связано с именем Гуса. Похожие по характеру и целям, они, однако, немного отличались, чтобы дополнять друг друга. У Гуса был более решительный характер, а Иероним был более красноречив. Будучи, более духовным и одаренным, Иероним, тем не менее, относился к Гусу, как ученик. Прекрасный пример христианского смирения. Союз этих двух людей дал делу хороший толчок. Пока Иероним дискутировал в учебных заведениях и гремел на открытых собраниях, Гус объяснял Писание в своей часовне и трудился пером над опровержением какого-нибудь манифеста университетских богословов или буллы Ватикана. Их привязанность друг к другу росла с каждым днем и оставалась

нерушимой, пока смерть не поставила на ней печать и объединила их узами вечной дружбы.

Трагедия более не ограничивалась пределами Богемии. События подняли Гуса и Иеронима на такую сцену, где они должны были выступать перед всем христианским миром. Давайте окинем взглядом и рассмотрим положение Европы. В то время в христианском мире правили три Папы. Итальянцы выбрали Бальтазара Коса, который как Иоанн XXIII восседал на престоле в Болонье. Французы выбрали Анжело Корарио, который жил в Ремини как Григорий XII; а испанцы выбрали Педро де Луне (Бенедикт XIII), чья резиденция была в Арагоне. Каждый объявлял себя законным преемником Петра, истинным наместником Бога, каждый пытался отстоять свое право, посылая злобные и гневные проклятия своим соперникам. Христианский мир разделился, каждая страна, естественно, поддерживала своего Папу. Раскол вызывал вопросы, на которые не просто было ответить. «Если мы должны подчиняться, - говорил Гус и его сторонники – то кому? Бальтазар Коса, называемый Иоанном XXIII – в Болонье; Анжело Корарио, называемый Григорием XII – в Римини; Педро де Луне, который называет себя Бенедиктом XIII – в Арагоне. Если все трое непогрешимы, то почему их доводы не совпадают? Если только один из них Святейший отец, то почему мы не можем отличить его от других»? Бесполезно было получить ответ на этот вопрос у них самих. Если спрашивали Иоанна XXIII, то он говорил, что Григорий XII – «еретик, дьявол и Антихрист»; такой же довод приводил Григорий XII относительно Иоанна XXIII; и оба, Григорий и Иоанн, объединившись, в той же манере восхваляли Бенедикта XIII и клеймили его «как самозванца и схизматика», в то время как Бенедикт щедро возвращал комплименты двум соперникам. Если им верить, то вместо трех Пап в христианстве было три Антихриста; а если им не верить, то где была непогрешимость, и что было апостольской преемственностью?

Хронисты того времени потрудились описать раздоры, катастрофы и бедствия, вызванные расколом. Европа погрузилась в анархию; все маленькие государства, стали театром военных действий и грабежа. Противоборствующие папы пытались сокрушить друг друга не только духовными стрелами, но и плотским оружием. Они вышли на рынок, чтобы купить мечи и нанять солдат; и так как этого нельзя было сделать без денег, они открыли скандальную торговлю духовными вещами для обеспечения себя необходимым золотом. Прощения, разрешения и места в раю были выставлены на продажу, чтобы получить средства для обеспечения армии на полях сражений. Епископы и низшее духовенство, быстро научившиеся у Папы, обогащались за счет симонии. Иногда они сами вели войны, возглавляя вооруженные банды, нападавшие на территории соперников по церкви или замки баронов. Недавно назначенный епископ Хильдешайма, попросив показать ему библиотеку своих предшественников, был отведен в арсенал, где были свалены все

виды оружия. «Это – книги, - сказали провожатые – которыми пользовались для защиты церкви, подражайте их примеру». Как не похожи слова св. Амвросия! «Мое оружие – сказал он, когда готы приблизились к его городу – мои слезы, другим оружием я не посмею сражаться».

Печально останавливаться на этой горестной картине. Из практики благочестия ничего не осталось, кроме нескольких суеверных обрядов. Среди людей не было правды, справедливости и порядка, во всем властителем была сила, и ничего не было слышно, кроме бряцания оружия и вздохов угнетенных народов, а над раздорами гремели яростные голоса соперничавших Пап, неистово посылавших анафемы друг на друга. Это было, истинно, скорбным препятствием, но оно было необходимо, чтобы зло достигло предела и глаза людей открылись и они увидели «горечь» в том, что оставили «легкое бремя» Евангелия и подчинились безгранично агрессивной власти, которая присвоив себе привилегии Бога, вела войну за уничтожение всех прав человека.

Глава 3 - Растущее сопротивление Гуса Риму.

«Шесть заблуждений». – Папская булла против венгерского короля. – Гус об индульгенциях и крестовых походах. – Пророческие слова. – Гус заканчивает свою деятельность в Праге.

Страшная картина, которую представляло тогда общество, очень повлияла на Гуса. Он читал Библию, изучал ранних отцов, сравнивал это с печальными событиями, происходившими перед его глазами, и с каждым днем все яснее понимал, что «церковь» далеко ушла от своего раннего образца, не только в практике, но и в учении. Немного ранее мы видели, что он наносил удары по злоупотреблениям, а сейчас видим, что ударяет по корню, из которого они росли, и, возможно, он мог бы уничтожить ветки вместе с корнями.

Именно в это время, он написал трактат «О церкви», который позволяет нам проследить процесс его освобождения от оков авторитетов. В нем он провозглашает принцип, согласно которому истинная церковь Христа не должна иметь внешнего устройства, а только общение с невидимой Главой, Господом Иисусом Христом; и что вселенская церковь является собранием всех избранных верующих.

За этим трактатом последовал другой трактат под названием «Шесть заблуждений». Первое заблуждение заключалось в том, что священники хвалились сотворением тела Христа во время мессы, являясь творцами своего Творца. Вторым заблуждением было признание, требовавшееся от всех членов церкви – «Я верю в Папу и святых» - в противоположность тому, что люди должны верить только в Бога, как учил Гус. Третьим заблуждением было право священников прощать вину и наказывать за грех. Четвертым заблуждением было полное подчинение приказаниям церковной верхушке. Пятым заблуждением было отсутствие различий между действительным отлучением и отлучением, которое таковым не являлось. Шестым заблуждением являлась симония. Гус объявил ее ересью, и полагал, что вряд ли найдется священник не виновный в ней.

Список заблуждений был вывешен на дверях Вифлеемской часовни. Брошюра, в которой они были изложены, распространялась повсюду, и произвелала огромное впечатление на всю Богемию.

Еще одно событие, случившееся в то время, помогло углубить впечатление, произведенное трактатом «Шесть заблуждений». Иоанн XXIII издал буллу, отлучившую короля Венгрии Ладислава и его детей до третьего поколения. Оскорбление, навлекшее на Ладислава гнев понтифика, было нанесено поддержкой, оказанной им Григорию XII, одному из противников Иоанна. Папа приказал всем императорам, королям, принцам и людям всех сословий, через окропление кровью

Иисуса Христа, поднять оружие против Лалислава и полностью уничтожить его и его сторонников; он обещал всем, кто примет участие в крестовом походе, будет призывать к нему или собирать средства для него, прощение всех грехов и место в раю, в случае их гибели в войне; короче, те же индульгенции, даровавшиеся тем, кто с оружием освобождал Святую Землю. Огонь протеста охватил Богемию; Гус ухватился за возможность направить взоры соотечественников на явный и поразительный контраст между наместником Христа и Самим Христом, между разрушителем и Спасителем, между приказами буллы, провозглашавшей войну и евангельскими заповедями, благовествовавшие мир.

Несколько отрывков из опровержения папской буллы позволят увидеть развитие Гуса в евангельских настроениях, и свет, который через него, воссиял над Богемией. «Если ученикам Иисуса Христа – писал он – не было позволено защищать Того, Кто был Главой церкви, от тех, кто хотел схватить Его, то еще более непозволительно епископу принимать участие в войне за светское господство и земные богатства». «Как светские власти, - продолжал он – которым подобает плотское оружие, не могут обращаться с духовным оружием, так и священники должны довольствоваться духовным мечом, а не орудовать плотским. Это прямо противоречило официальному утверждению папского престола, дававшее церкви право на оба меча.

Осудив крестовые походы, чудовищная резня которых совершалась руками священников, Гус затем напал на индульгенции. Они были оскорблением евангельской благодати. «Бог Один имеет право прощать грехи по Своей неограниченной власти». «Оправдание Иисусом Христом – пишет он – должно предварять оправдание священником, другими словами, священник, который отпускает или осуждает, должен быть уверен, что в данном случае Христос уже отпустил или осудил». Это подразумевает, что власть ключей является ограниченной и условной, другими словами, священник не прощает, а только провозглашает Божие прощение кающемуся. «Если – пишет он снова – Папа пользуется своей властью согласно Божьим постановлениям, то противясь ему, мы противимся Богу; но если он злоупотребляет властью, приказывая то, что противоречит Божественному закону, тогда необходимо восстать против него, как и против бледного коня из Апокалипсиса, дракона, зверя и левиафана».

Становясь смелее по мере углубления своих взглядов, он продолжал клеймить многие обряды римской церкви, как не имевшие основания, и как глупые и суеверные. Он отрицал пользу поста, высмеивал легковерность легенд, раболепное суеверное поклонение мощам, почитание изображений и мертвых. «Они щедры - писал он относительно последних, святых во славе, которые ни в чем не нуждаются. Они одевают их кости в шелк, золото и серебро, и помещают их на величественное место; но они отказывают в одежде и гостеприимстве бедным членам церкви Иисуса

Христа, которые находятся среди них, за чей счет они едят до пресыщения и пьют до опьянения». Он, как и Уиклифф, не любил монахов нищенствующих орденов, о чем можно судить по трактату, написанному в то время, и называвшемуся «Мерзость монахов», и по другому трактату, написанному вслед за этим, вряд ли более лестному по отношению к Папе и его курии, назвавшему их слугами Антихриста.

Речь Гуса становилась проще и смелее с каждым днем; яростнее становились его обличения и осуждения. Скандалы, множившиеся вокруг него, усиливали, несомненно, его возмущение, и претерпеваемые им гонения подогревали его пыл. Он видел, как Папа Иоанн XXIII (никогда не было более печально известного обладателя тиары) заявлял об открытии и закрытии райских врат, и рассылал симонические прощения по всей Европе, чтобы разжечь огонь войны и утопить соперника в реках христианской крови. Нельзя было спокойно смотреть на это. На самом деле, папская булла о крестовом походе разделила Богемию и довела положение страны до крайности. Король и священники были против Ладислава Венгерского, и, соответственно, поддерживали Иоанна XXIII, защищая, как только могли, индульгенции и симонии. С другой стороны влиятельные люди и большинство простого народа были на стороне Ладислава и осуждали крестовый поход, к которому Папа призывал, а также все постыдные средства, с помощью которых он продвигал его. Они обвиняли духовенство в потоках крови, готовых пролиться. Люди не сдерживались в высказываниях о священниках. Последние дрожали за свою жизнь. Архиепископ вмешался, но не с тем, чтобы произнести пустой звук. Он наложил интердикт на Прагу и угрожал продолжением наказания, пока Гус оставался в городе. Архиепископ был убежден, что если Гус уйдет, то движение пойдет на убыль, и война между группировками сменится миром. Он ошибся. В тот момент управлять или остановить это движение было не во власти человека, даже Гуса. Боролись два времени, старое и новое. Однако, реформатор, боясь, что его присутствие в Праге может навредить его друзьям, вновь уехал в родную деревню Гусинец.

Во время ссылки он написал несколько писем своим друзьям в Прагу. Письма раскрывают сознание, исполненное мужественного спокойствия, источником которого является вера в Бога; в них мы впервые находим пророческие слова, которые Гус не раз повторял в своей жизни, и каждый раз пророчество обретало более четкую и определенную форму. «Если гусь (его имя по-чешски значит гусь), который является домашней птицей и не умеет высоко летать, разорвет оковы, то сможет потом стать орлом, и, взвившись высоко в небо, привлечет за собой всех других птиц». Он также писал: «Свойство истины заключается в том, что чем больше ее затеняют, тем ярче она становится».

Гус завершил одну часть пути, и немного отдыхал перед тем, как вступить на вторую, более высокую его часть. Приятно было удалиться от раздоров и волнений Праги на тихую родину. Здесь он мог успокоить свой ум внимательным прочтением Богодухновенных страниц, и укрепить душу общением с Богом. За себя он не боялся. Он жил под сенью Всемогущего. Наученный Словом и Духом, он чудесно освободился от тьмы заблуждений. Его родная Богемия через него также частично освободилась от этой тьмы. Ее реформация не была завершена и не продвинулась далее, пока остальной христианский мир не смог подняться на ее уровень духовного просвещения. Итак, реформатора убрали. Никогда больше его голоса не услышат в его любимой Вифлеемской часовне. Никогда больше его животворящие слова не возбудят сердца соотечественников. Гусу остается сделать еще один шаг, самый великий и бессмертный из всех. Как проповедник Вифлеемской часовни, он в значительной степени способствовал освобождению Богемии; как мученик Констанца он в значительной степени способствовал освобождению христианского мира.

Глава 4 - Подготовка к собору в Констанце.

Картина Европы. – Император Сигизмунд. – Папа Иоанн XXIII. – Будет ли созван собор? – Собор в Констанце. – Приезд Папы. – Появление Гуса. – Прибытие императора.

Перед нами сейчас более широкое место действия, чем Богемия. Шел год 1413. Сигизмунд, чьему имени предназначено упоминаться потомками вместе с именем Гуса, но не в его славе, незадолго до этого взошел на императорский трон. Куда бы ни обращал свой взор новый император, он видел только огорчавшие его зрелища. Христианский мир был поражен тяжелым расколом. Было три папы, чей личный разврат и официальные преступления являлись постыдным фактом в христианстве, главным учителем которого каждый себя провозглашал, и были карой для той церкви, в которой они объявляли себя верховным пастором. Самое святое было положено на весы, и являлось предметом торговли симонии. Узы милосердия были расторгнуты, народ шел войной на народ; везде были распри, и текла кровь. Папы и рыцари тевтонского ордена вели войну, которая бушевала с еще большей яростью, а религия была лишь предлогом. Богемия была на грани распада из-за постоянных гражданских волнений; Германию сотрясали конвульсии; в Италии все правители были тиранами; Франция была раздираема фракциями, а Испания была втянута в махинации Бенедикта XIII, чьи претензии она поддерживала. В довершении беспорядка мусульманские войска, вдохновленные разногласиями, собрались на границе Европы и угрожали вторгнуться и подавить беспорядки, подчинив христианство под иго Пророка. К бедам раскола, войны, турецкой оккупации добавилась еще одна большая беда ереси, как, несомненно, считал Сигизмунд. Как истинный приверженец, он был тронут до слез зрелищем христианского мира, обесчещенного и раздираемого Папами, расшатываемого и опороченного еретиками. Император думал только на том, как избавиться от этого зла. Прием, который он выбрал, был, конечно, не нов, это было типичное средство, но оно обладало определенной благовидностью, привлекавшей людей, и поэтому Сигизмунд решил попробовать; это был вселенский собор.

Этот план был опробован в Пизе, но провалился. Вторая попытка не обещала ничего хорошего, но неудача была приписана тому факту, что митра и империя находились в состоянии войны, тогда как Папа и император готовы были действовать в согласии. При более благоприятных обстоятельствах Сигизмунд решил собрать всю церковь, всех патриархов, кардиналов, епископов и правителей, и вызвать на это почетное собрание трех Пап и глав новых движений, не сомневаясь, что вселенский собор будет достаточно авторитетным, особенно поддерживаемый императорской властью, чтобы заставить пап урегулировать спорные требования, и

заставить еретиков замолчать. Перед императором стояли две цели: исцелить раскол и уничтожить ересь.

Сигизмунд начал переговоры с Иоанном XXIII. Для Папы идея собора была особо тревожной. Неудивительно, ведь на его совести было в два раза больше преступлений, чем об этом пишут историки. Но он не посмел отказать императору. Крестовый поход против Ладислава не состоялся. Венгерский король со своей армией вошел в Рим, Папа был вынужден бежать в Болонью. Как не ужасен был для Папы Иоанна собор, он согласился, чтобы не обидеть императора, в чьей помощи он нуждался для борьбы с человеком, чей гнев он умышленно спровоцировал буллой о крестовом походе, и от чьего победного оружия он был вынужден искать избавления. Папу Иоанна обвиняли в том, что он открыл себе путь к тиаре, убив своего предшественника Александра V. Он жил в постоянном страхе, что может быть свергнут с престола таким же ужасным способом, с помощью которого он взошел на него. Наконец решили, что собор соберется 1 ноября 1414 года в городе Констанце.

Наступил день, когда собор собрался. Из каждого королевства, государства и почти из каждого европейского города приехали делегаты, чтобы принять участие в этом великом собрании. Все эти люди, правители, высшее духовенство и люди науки могли бы сделать его знаменитым, способствовать славе собора в Констанце. Тридцать кардиналов, двадцать архиепископов, сто пятьдесят епископов и столько же прелатов, большое число аббатов и богословов, тысяча восемьсот священников послушно явились по совместному вызову императора и Папы.

Среди правителей были принц Палатинский, курфюрсты Майнца и Саксонии, герцог Австрийский, Баварский и Силезский. Маркграфам, графам и баронам не было числа. Но были трое, которые превосходили других в этом блестящем собрании, хотя каждый по-своему. Этими тремя были император Сигизмунд, Папа Иоанн XXIII и последний и самый великий из них – Ян Гус.

Два анти-Папы были приглашены на собор. Они явились, но не лично, а через посланников, некоторые из которых были в звании кардиналов. Это вызвало весьма важный вопрос, могут ли они быть приняты в красных шапочках. Принять посланников со знаками отличия их сана означало молчаливое согласие собора на претензии их господ, которые оба были низложены Пизанским собором, но ради спокойствия было решено принять обоих посланников в обычном кардинальском облачении. На этом соборе был известный ученый Поджио, знаменитый Фиэрри де Ниэн, секретарь нескольких Пап, «и кого, как говорят, Провидение ставит у источника многих прегрешений, чтобы разоблачать и клеймить их»; Эней Сильвий Пиколомини, известный больше, как историк, чем владелец тиары; Мануэль Хризолор, который открыл миру Демосфена и Цицирона; почти еретик Джон Чарльз

Герсон; блестящий полемист Петр д'Айльи, кардинал Камбрейский, которого называли «орлом Франции» и много других.

Из-за собора туда явилось большое число паломников со всех концов христианского мира. Люди Альпийских и Пиренейских гор смешивались с выходцами Венгерских и Богемских равнин. В Констанце не хватало места для такого множества людей; палатки и деревянные строения возникали за стенами города. Театральные представления и религиозные процессии проходили одновременно. Толпа гуляк была занята кружками и увеселениями. Группы монахов в капюшонах набожно перебирали четки. Молитвы монахов и посох Бахуса сплелись в одно целое. Такой значительный прирост маленького городка (предположительно население увеличилось до 100000 душ) требовало соответственного увеличения продовольствия. Все дороги, ведущие в Констанц, были запружены повозками с провизией и деликатесами: винами из Франции, хлебобулочными изделиями из Ломбардии, медом и маслом из Швейцарии, олениной с Альп и рыбой из их озер, сыром из Голландии и сладостями из Парижа и Лондона.

Император и Папа только и думали, чтобы перехитрить друг друга на соборе. Сигизмунд предложил считать Иоанна XXIII истинным владельцем тиары; тем не менее, у него был тайный замысел заставить его отказаться от тиары. И Папа, в свою очередь, сделал вид, что он очень радушно относится к деятельности собора, но имея твердое намерение распустить его сразу же после созыва, если прощупав его пульс, он обнаружит собор недружелюбным по отношению к себе. Он выехал из Болоньи с большим количеством драгоценностей и денег 1 октября. Чем-то он собирался подкупить в виде подарков, а чем-то надеялся ослепить великолепием своей курии. Все говорили, что он отправился в поездку против желания, что в пути сердце предвещало ему беду тысячу раз. Продвигаясь вперед, он позаботился, чтобы путь для безопасного возвращения назад был открыт. Когда он проезжал через Тироль, он заключил секретный договор с Фредериком, австрийским герцогом, о том, что один из укрепленных замков будет в его распоряжении, если ему придется уехать из Констанца. Он также подружился с Иоанном, графом Нассау, курфюрстом Майнца. Когда он был на расстоянии одного лье от Констанца, он предусмотрительно расположил к себе аббата св. Ульрика, наградив его митрой. Это было особый правом Папы, о чем епископы имели повод жаловаться. Иоанн не делал ни шага, чтобы не принять меры о своей безопасности, тем не менее, по дороге с ним произошли несколько случаев, которые он из-за страха принял как плохие предзнаменования. Когда они проезжали через Трент его шут сказал ему: «Папы, проезжающие через Трент, погибают». Спускаясь с Тирольских гор, в том месте, где открывается дорога на Констанц, окруженный озерами и равнинами, экипаж перевернулся. Понтифик выпал и покатился по дороге, он совсем не ушибся, но от падения он сильно покраснел. Слуги собрались вокруг него, тревожно спрашивая,

не ушибся ли он. «Черт побери, - сказал он – я упал; лучше бы я остался в Болонье»; и, бросив подозрительный взгляд на город внизу, сказал: «Я понимаю, что это – яма, в которую попались лисы».

Иоанн XXIII въехал в Констанц верхом 28 октября в сопровождении девяти кардиналов, нескольких архиепископов, епископов, прелатов и многочисленных придворных. Его встречали у ворот с большой пышностью. «Все духовенство – пишет Ленфан – вышло встречать его торжественной процессией, неся мощи святых. Все ордена города также собрались, чтобы отдать ему честь; и его сопровождало в епископский дворец великое множество людей. Четыре главных бургомистра ехали верхом рядом, держа балдахин из шитой золотом ткани, а граф Радольф де Монфор и граф Бертольд де Урсин вели под уздцы его лошадь. Перед ним на белой подушечке несли хостию, с надетым на нее колокольчиком; за хостией несли большой желто-красный головной убор с вышитым золотом ангелом на ленте. Все кардиналы шли, одетые в мантии и красные шапочки. Райхенталь, который описывал эту церемонию, говорит, что был спор между служителями Папы, хотевшими забрать лошадь, но Генрих Ульмский прекратил его, сказав, что лошадь принадлежит ему на правах бургомистра города, и он поставит ее в свою конюшню. Город преподнес Папе подарки, как было принято в таком случае; он подарил серебряную чашу весом в пять марок (около 1кг), четыре бочонка итальянского вина, четыре больших сосуда Алсанского вина, восемь больших сосудов местного вина и сорок мер овса; все подарки сопровождались пышными церемониями. Генрих Ульмский вез чашу верхом на лошади в сопровождении шести верховых советников. Когда Папа увидел их перед дворцом, он послал аудитора узнать, что происходит. Узнав, что это подарки Папе от города, аудитор ввел их и Генрих подарил чашу от имени города. В свою очередь Папа распорядился подарить посланнику ризу из черного шелка».

Пока Папа подъезжал к Констанцу с одной стороны, Гус подъезжал с другой. Он понимал риск появления перед таким судом. В этом процессе были его судьи. Питал ли он надежду, что они будут беспристрастно проверять его по Писанию, к которому он обращался? Где бы они были, если бы позволили говорить такому авторитету? Он должен был явиться; Сигизмунд написал королю Вацлаву письмо с просьбой прислать его сюда; и, уверенный в своей невиновности и правоте дела, он пошел.

Предвидя опасность, он перед отправлением получил охранную грамоту от своего сюзерена; а также свидетельство о принадлежности к традиционной церкви от Николая, епископа Назаретского, инквизитора веры в Богемии; и документ, составленный нотариусом и подписанный свидетелями, в котором говорилось, что он предлагал очистить себя от ереси перед Пражским Синодом, но ему отказали в

аудиенции. После этого он добился, чтобы на дверях всех церквей и дворцов Праги были прикреплены объявления, извещающие о его отъезде и приглашающие всех, кто готов свидетельствовать в его защиту или осуждение, в Констанц. Он прикрепил такое извещение даже к дверям королевского дворца, в котором обращался «к королю, королеве и всему двору». Он сделал так, что такие сообщения были помещены в каждом пункте его следования. В имперском городе Нюрнберге он выступил публично, заявив, что едет на собор, чтобы дать отчет в своей вере, и приглашал всех, обвинявших его, встретиться там. Он начал не с Праги, а с Краловиц. Перед выездом он попрощался с друзьями, так как с ними не суждено было снова встретиться. Он ожидал увидеть на соборе больше врагов, чем Иисус Христос видел в Иерусалиме; но он решился перенести все испытания до последнего, но не предать Евангелия из-за трусости. Первые предчувствия не покидали его всю дорогу. Он чувствовал, что эта была дорога на костер.

В каждой деревне и городе на своем пути его встречали признаки силы, связанной с его именем, и интереса, пробудившегося к его делу. Жители выходили, чтобы приветствовать его. Несколько сельских священников были особенно дружелюбны; он вел борьбу не только за себя, но и за них, и они желали ему успеха. В Нюрнберге и других городах, через которые он проходил, магистраты образовали почетный караул и сопровождали его, когда он шел по улицам, заполненным желающими взглянуть на человека, который начал движение, всколыхнувшее весь христианский мир. Его поездка была похожа на триумфальную процессию. С каждым шагом росло число его последователей, и укреплялись его духовные силы. Он прибыл в Констанц 3 ноября и поселился в доме бедной вдовы, которую сравнивал с вдовой из Сарепты.

Император прибыл в Констанц к Рождеству. Его появление внесло новое оживление в мелодраматический спектакль, развернувшийся в маленьком городке. Папа ознаменовал события папской мессой, в которой император сослужил, облаченный в далматик дьякона, и читал Евангелие: «Вышел указ от Цезаря Августа, чтобы весь мир…» Иоанн XXIII закончил службу тем, что подарил меч Сигизмунду, призвав того, в чьи руки он вкладывал меч, к решительному его использованию против врагов церкви, Папа, несомненно, прежде всего, имел в виду Гуса. Меньше всего он думал, что первый удар будет предназначен ему.

Императору Сигизмунду, чье присутствие придало больший блеск торжеству и более высокое положение собору, было сорок семь лет. Это был человек благородной внешности, статный, с изящными манерами, умевший добиться расположения. У него была длинная борода, соломенно-желтые волосы, кудрями спускавшиеся на плечи. Его узкое мышление развилось в процессе обучения, и он достиг совершенства не по возрасту. Он свободно говорил на нескольких языках, и

был покровителем ученых. Обсуждая однажды вопрос о знатности с одним ученым, который хотел лучше быть дворянином, чем доктором наук, Сигизмунд посмеялся над ним и сказал, что «он может в один день сделать тысячу дворян, но не мог бы сделать и одного ученого за тысячу лет». Перемена в более зрелых годах охладила пылкий и страстный дух его молодости. Он совершил ошибку, обычную для почти всех правителей его возраста, полагая, что, для того чтобы править, нужно притворяться, и что это умение должно быть неотъемлемой частью политики. Он был искренне верующим; но, что касается церкви, его, ужасали и огорчали пороки священников. Ему стоило больших трудов собрать этот собор, но все возможное было предпринято, чтобы созвать этот собор в надежде, что христианский мир сможет исцелиться от раскола и положить конец, растущим вокруг него скандалам.

Имя Сигизмунда вошло в последующие поколения с нестираемым пятном. Как такая тьма окружила имя человека, которое кроме того рокового действия, могло быть незапятнанным, и даже прославленным, мы сейчас покажем. Давайте опишем в общих чертах процедуру открытия собора, которая была подготовкой к великой трагедии, предназначенной его завершить.

Глава 5 - Свержение с престола противоборствующих Пап.

Канонизация св. Бригитты. – Собор выше папы. – Труды Уиклиффа осуждены. – Суд над Папой Иоанном. – Обвинение против него. – Он убегает из Констанца. – Его низложение. – Низложение двух анти-Пап. – Гус оправдан заранее.

Первым действием собора после установления порядка голосования, по странам или поименно, было причисление к святым св. Бригитты. Эта благочестивая дама, чья набожность была засвидетельствована многими паломническими путешествиями и чудесами, приписывавшимся ей, принадлежала к королевскому роду Швеции, и была основательницей ордена Св.Спасителя, названный так, потому что Сам Христос, как она утверждала, продиктовал ей устав. Впервые она была канонизирована Бонифацием IX (1391г.); но это было во время раскола, и законность этого акта подвергалась сомнениям. Чтобы титул св. Бригитты был законным, она была канонизирована по просьбе шведов вторично Иоанном XXIII. Но, к несчастью, Иоанн был сам низложен вскоре после этого, и святость Бригитты опять была под сомнением; и поэтому она была канонизирована в третий раз Мартином V (1419г.), чтобы защитить ее от бедствия, постигшего ее покровителя, и чтобы ее не исключили из списков небожителей, как Иоанн был исключен из списков понтификов.

Пока Папа отводил другим место на небесах, его собственное положение на земле стало ненадежным. Деятельность, начавшаяся на соборе, означала для Папы путь к свержению с престола. На четвертой и пятой сессиях было торжественно провозглашено, что вселенский собор выше Папы. «Синод собирается в Духе Святом, – говорилось в указе – наделяя вселенский собор, представляющий всю воинствующую вселенскую церковь, силой Христа, которой все, независимо от положения и достоинства, включая самого Папу, должны подчиняться во всем, что касается общей реформации церкви, как верхушки, так и ее членов». Собор этим указом отстаивал свою абсолютную и верховную власть, и утверждал зависимость Папы в вопросах веры, а также его действий от решений соборов.

На восьмой сессии (4 мая 1415года) Джона Уиклиффа вызвали с места его упокоения на собор и потребовали дать ответ за свои земные труды. Сорок пять положений, предварительно выбранных из его сочинений, были осуждены; и за этим решением последовал указ, присуждавший автора к сожжению. Сам Уиклифф был вне их досягаемости, тогда его кости согласно приговору были выкопаны и сожжены. Следующей задачей собора было забрать чашу у мирян, оставив им причастие только под видом хлеба. Такой запрет был принят под страхом отлучения.

Когда с этими делами справились, или были в процессе выполнения, собор перешел к более сложному делу о Папе Иоанне XXIII. Было очевидно, что вопрос о

низложении Папы был решен заранее императором и большинством членов собора. На тайном заседании против него был составлен обвинительный акт. «Он содержал – как пишет его секретарь, Терри де Ним, - все смертные грехи, а также много других, не соответствовавших его званию». Более сорока трех тяжких и отвратительных преступлений были выдвинуты и доказаны против него: что он нанял врача Марцилла Перменса, чтобы отравить своего предшественника Александра V. Более того, что он был еретиком, приверженцем симонии, лжецом, лицемером, убийцей, колдуном, игроком и блудником; короче, было ли такое преступление, в котором он не был повинен? Когда понтифик услышал эти обвинения, его охватил ужас, и он заговорил об отставке; но оправившись от паники, он снова крепко ухватился за тиару, готовую упасть, и начал бороться за нее с императором и собором. Узнав обо всем через своих шпионов, он проводил ночные совещания со своими друзьями, подкупленными кардиналами, и старался посеять разделение между странами, принимавшими участие в соборе. Но все было тщетно. Противники твердо держались своей цели. Хотя они и не осмелились открыто провозгласить обвинительный акт против Папы, чтобы не опорочить весь понтификат, и не дать победу Уиклиффу и Гусу; но сознание ничтожных людей поддерживало их обвинителей. Папа пообещал отречься, но раскаявшись в своем обещании, хитростью покинул город и уехал в Шлаффхаузен.

Мы видели, с какой помпой Иоанн XXIII въезжал в Констанц. Ярким контрастом к этому показному въезду была вульгарная маскировка, с которой он старался скрыть свой отъезд. Побег был устроен заранее им самим и его лучшим другом и преданным покровителем, герцогом Австрийским. Герцог в определенный день должен был устроить турнир. Состязание было назначено ближе к вечеру; и пока весь город присутствовал на этом торжестве, рыцари сражались на арене, а горожане наблюдали за мнимой войной, Папа, не обращая ни на что внимание, покинул и Констанц, и собор.

Герцог выбрал для турнира 20 марта, канун праздника св. Бенедикта. Город опустел, так как жители с шумным одобрением высыпали посмотреть на сражения и победителей. Когда сумерки уже спускались на озеро, равнину и Тирольские горы вдалеке, Иоанн, переодевшись в конюха или форейтора, верхом на худой кляче проехал через толпы в направлении к югу. Грубая серая свободная накидка висела на его плечах, а к седлу был прикреплен арбалет. Никто не догадывался, что этой скромной фигурой на бедной лошади, мог быть кто-то кроме крестьянина с гор, привозившего продукты на рынок и возвращавшегося назад. Герцог Австрийский был в тот момент на турнире, когда слуга подошел к нему и на ухо сообщил о случившемся. Герцог продолжал турнир, как будто ничего не произошло, а беглец продолжал свой путь, пока не добрался до Шлаффхауза, где он считал себя в

безопасности, так как город принадлежал герцогу. Сюда же вслед за ним приехал и сам герцог.

Когда о бегстве Папы стало известно, в Констанце поднялась тревога. Собор закрылся, как все думали; за бегством Папы должен был последовать отъезд королей и императора; купцы закрыли лавки и убрали товар, надеясь, что могут избежать мародерства со стороны беззаконной толпы, в чьи руки теперь, как они думали, попал город. После первых моментов оцепенения, однако, волнения утихли. Император верхом на лошади объехал весь город, объявив, что он защитит собор, и будет поддерживать порядок и спокойствие; поэтому жизнь в Констанце вернулась в прежнее русло.

Все же бегство Папы было неожиданным событием. Оно грозило разрушить планы императора по преодолению раскола и восстановлению мира в христианстве. Сигизмунд понимал, что труды многих лет могли пропасть. Он поспешно собрал правителей и послов собора, и с возмущением объявил им, что поставил себе целью покорить герцога Австрийского с помощью оружия и вернуть беглеца. Когда Папа узнал о том, что собирается буря, которая может настичь его в Тироле, он написал письмо императору в просительном тоне, принеся извинения за бегство, говоря, что он уехал в Шлаффхаузен из-за свежего воздуха, и что воздух Констанца ему не подходит; более того, таким тихим и независимым отъездом он хотел показать миру как независимо он может поступать, исполняя обещание отречься от престола.

Однако Иоанн не торопился, даже на чистом воздухе и полной свободе Шлаффхаузена, складывать тиару. Он мешкал и маневрировал, каждые несколько дней удалялся все дальше в поисках, как он сообщал, более чистого воздуха, хотя его враги намекали на то, что нездоровье Папы было связано не с дурным воздухом, а с дурным характером. Он думал, что его побег будет сигналом для окончания собора, и что, таким образом, он поставит Сигизмунду и шах, и мат и избежит унижения свержения с престола. Но императора нельзя было проигнорировать. Он выдвинул войска против герцога Австрийского, а собор, поддерживая Сигизмунда духовным оружием, вырвал у Папы непогрешимость, и взял это мощное орудие в свои руки. «Это решение собора – говорил знаменитый галльский священник Герсон в своей проповеди – должно быть запечатлено в самых известных местах и во всех церквях мира как основной закон для сокрушения чудовища тщеславия, и, чтобы заткнуть рты всем льстецам, которые прикрываясь внешним блеском, нагло заявляют, не опираясь на Писание, что Папа неподотчетен вселенскому собору, и не может быть им судим».

Так как путь был уже подготовлен, собор приступил к суду над Папой. Городские глашатаи с паперти призывали Иоанна XXIII явиться и ответить на все обвинения, выдвинутые против него. Зря тратили свое дыхание глашатаи, Иоанн был по другую

сторону Тирольских гор; и даже, если он находился бы на таком расстоянии, что мог услышать, он бы не подчинился вызову в суд. Двадцать три специальных уполномоченных были назначены для опроса свидетелей. Обвинительный акт содержал семьдесят обвинений, но только пятьдесят из них были зачитаны на соборе; остальные были скрыты, чтобы не опорочить понтификат, как оказалось, было, излишней заботой, после того, на что уже был пролит свет. Было опрошено тридцать семь свидетелей, одним из пунктов, по которым они давали показания, но который собор скрыл, было отравление Иоанном его предшественника Александра V. Обвинения были доказаны, и на двенадцатой сессии (29 мая 1415г.) собор вынес решение, лишавшее Иоанна XXIII папства, и освобождавшее всех христиан от клятвы подчинения ему.

Когда удар обрушился, Папа был так же малодушен, как раньше был высокомерен. Он признавал справедливость этого решения, оплакивая тот день, когда он взошел на папский престол, и просительно писал императору о возможности сохранения его несчастной жизни, хотя никто, между прочим, не думал отнимать ее.

Дело с другими Папами было проще, их легче было низложить. Они были уже раньше осуждены Пизанским собором, который выдвинул ранее собора в Констанце суждение о высшей власти собора, и его праве рассматривать пап еретиков и виновных в симонии. Анджело Корарио, Григорий XII добровольно принял в отставку, Пьер де Люне, Бенедикт XIII был низложен; Отта де Колонна, единодушно избранный кардиналами, стал управлять церковью под именем Мартина V.

Перед тем, перейдя к более трагичной странице истории собора, нужно отметить, что Отцы собора, казалось, хотели воздвигнуть памятник невиновности Яну Гусу и своей виновности в ужасной судьбе, которую они собирались ему предназначить. Преступление, за которые они осудили Вальтазара Коса, Иоанна XXIII, были такие же, и еще более ужасные, и мерзкие, чем те, за которые Гус осуждал священников, и требовал реформации. Осуждение Папы Иоанна было подтверждением Гуса, несмотря на то, признавал это собор или нет. «Когда участники собора разлетятся по всему миру как аисты, - писал Гус своему другу в то время – они узнают, когда придет зима, что они делали летом. Представьте себе, они посчитали, что их глава, Папа, достоин смерти за ужасные преступления. Ответьте на это, учителя, которые проповедуют, что Папа – бог на земле; что он может продавать и распоряжаться святынями по своему усмотрению; что он является главой всей святой церкви и хорошо ей управляет; что он является сердцем церкви и оживотворяет ее духовно; что он источник, из которого истекают добродетели и благость; что он есть солнце церкви и безопасное прибежище для всех христиан. Теперь представьте, что глава отсекается мечом; земного бога связывают цепью; его грехи обнажаются; этот

непогрешимый источник пересыхает; божественное солнце меркнет; вырывается сердце, предназначенное к вечному проклятию, и никто не должен искать в нем прибежища».

Глава 6 - Заключение и допрос Гуса.

Охранная грамота императора. – Заключение Гуса в тюрьму. – Огонь в Богемии. – Еретикам не верить. – Папа и Гус – в одной тюрьме. – Гус перед собором. – Его второе появление. – Затмение солнца. – Богословские взгляды Гуса. – Протестант в душе. – Он отказывается отречься. – Его мечта.

Когда Ян Гус отправился на собор, он захватил с собой несколько важных документов. Самой важной их всех грамот Гуса была охранная грамота от императора Сигизмунда. Без нее он вряд ли бы отправился в путешествие. Мы цитируем ее полностью, так как она является одним из величайших документов истории. Она была адресована «всем церковным и светским правителям, и всем нашим подданным» «Мы рекомендуем вам с полной симпатией, всем в общем, и в частности, уважаемого профессора Яна Гуса, бакалавра богословия и магистра свободных искусств, предъявителя сего документа, путешествующего из Богемии на собор в Констанце, которого мы взяли под свое покровительство и охрану по всей империи, предписывая вам сердечно принимать его, обеспечивая всем необходимым для быстрого и безопасного путешествия по воде или по суше, не требуя от него платы ни при входе, ни при выходе, и ни за какие-нибудь услуги; и призываем вам позволять ему проходить, временно проживать, останавливаться или возвращаться беспрепятственно и безопасно, предоставляя ему, если нужно, надежные документы, почет и уважение императорского величества. Выдана в Шпейере 18 октября 1414 года, в третий год нашего правления в Венгрии и в пятый год нашего правления в Римской империи». Вышеприведенным документом император обещал свое покровительство и покровительство империи Яну Гусу. Он должен был поехать и вернуться, и никто не смел, досаждать ему. Ни одно обещание не было таким надежным, никакая защита такой совершенной. Как это обещание было выполнено, мы вскоре увидим.

Однако, вера Гуса была в Того, Кто сильнее земных царей. «Я всецело полагаюсь – писал он одному из своих друзей – на Всесильного Бога, моего Спасителя, Он дарует мне Духа Святого, чтобы укрепить в истине и мужественно встретить любые испытания, тюрьму и, если нужно, мучительную смерть».

Он пользовался полной свободой в течение первых дней своего пребывания в Констанце. Он поставил в известность Папу о своем приезде на следующий день, послав двух богемских дворян, сопровождавших его сообщить, что у него есть охранная грамота от императора. Папа любезно принял их, и выразил решимость защищать Гуса. Положение самого Папы было настолько шатким, что его обещание стоило немного. Палич и de Causis, которые из всего пражского духовенства, были самыми злостными врагами Гуса, предварили его в Констанце и работали день и

ночь среди участников собора, чтобы восстановить их против него и обеспечить осуждение. Их махинации принесли результат. На двадцать шестой день после своего приезда Гус был арестован, что было вопиющим нарушением имперской охранной грамоты, и доставлен к Папе и кардиналам. После многочасового разговора ему сказали, что он должен остаться в тюрьме, и был поручен служителю Констанцской соборной церкви. Он провел неделю под строгой охраной в его доме. Оттуда его перевели в тюрьму доминиканского монастыря на берегу Рейна. Сточные воды монастыря протекали недалеко от того места, где он содержался; сырой и тлетворный воздух тюрьмы, где он пребывал, вызвал опасную горячку, которая чуть не прервала его жизнь. Враги боялись, что он, таким образом, ускользнет от них, и Папа послал своих врачей, чтобы те позаботились о его здоровье.

Когда слухи о его заключении дошли до родины Гуса, они зажгли огонь в Богемии. Пламенные слова выражали возмущение народа по поводу предательства и жестокости, с которыми отнеслись к их соотечественнику. Влиятельные вельможи объединились в протесте против императора Сигизмунда, напомнив ему об охранной грамоте, и потребовали восстановить свою честь, возместив несправедливость по отношению к Гусу, немедленным его освобождением. Первым побуждением Сигизмунда было открыть тюрьму Гуса, но казуисты собора нашли средства, чтобы оставить ее закрытой. Императору сказали, что у него нет права давать охранную грамоту при данных обстоятельствах без согласия собора; что благо церкви выше его обещания; что собор своей верховной властью может освободить его от этого обязательства, и что никакая формальность не должна препятствовать делу правосудия над еретиком. Честь и гуманность боролись в груди императора вследствие этих аргументаций. В голосе собора он слышал Божий голос, и поэтому отдал Гуса в руки его врагов.

Позже собор выразил эту аргументацию в указе, с тем, чтобы никто не верил еретикам в ущерб церкви.

Облеченные властью, враги Гуса начали процесс против него. Они исследовали его сочинения, нашли в них ряд уличающих его положений, пошли к нему в тюрьму, где он тяжело страдал горячкой, и зачитали их. Он попросил их разрешить ему адвоката для ведения защиты, так как он был ослаблен и телом, и духом в результате тлетворного воздуха тюрьмы и поразившей его горячки. В просьбе было отказано, хотя это снисхождение оказывалось даже более опасным преступникам. На этом этапе процесс над ним был на время остановлен неожиданным событием, которое повернуло взоры собора в другом направлении. Бежал Папа Иоанн, как мы уже сообщали. В этот период, так как охранники монастырской тюрьмы бежали со своим господином, Гус был переведен в замок Готтлибена, где он был заточен и прикован тяжелыми цепями.

В то время как процесс Гуса был приостановлен, суд над Папой продолжился. Побег Папы завел его дело в тупик, и собор без отлагательства лишил его папства, как было описано выше.

Представителям, которых собор послал, чтобы известить его о решении, он передал печать понтифика и кольцо рыбака. Вместе с этими знаками отличия они арестовали и его, привезли назад в Констанц и бросили в тюрьму Готтлибена, в ту же крепость, в которой содержался Гус. Как волнующе и поучительно! Реформатор и тот, кто арестовал его, были заключенными в одной тюрьме, хотя между ними была большая пропасть. Цепи одного были знаком его позора, а оковы другого – знаком его достоинства. Они предавали их обладателю блеск, недостающий короне Сигизмунда.

Собор намеревался осудить Гуса, как он только что осудил Папу Иоанна. Он инстинктивно чувствовал, что низложение понтифика, было, в сущности, оправданием реформатора, и мир так и воспринял это. Он хотел отомстить за себя человеку, который заставил обнажить его раны перед всем миром. Ему не доставляло особого удовольствия упражняться в только что приобретенном праве непогрешимости; Папа упал под его ударом, и почему простой священник игнорирует его власть?

Собор, однако, отложил вызов Гуса в суд. Его два главных противника: Палич и de Causis, чья вражда возникла из-за поражения, нанесенного им Гусом в Праге, боялись, что его красноречие поразит членов собора, и позаботились, чтобы он не появился, пока собор не будет готов к его осуждению. Наконец, 5 июня 1415 года его доставили в суд. Достали его книги, и спросили, знаком ли он с их автором. Он ответил утвердительно. Затем ему зачитали пункты обвинения. Некоторые из них были верным изложением взглядов Гуса, другие – преувеличением или искажением, а третьи были абсолютно лживы, приписывая ему те мнения, которых он не придерживался, и которым он не учил. Гус, естественно, хотел ответить, указав, что было ложно, что было искажено, и что было истинно в обвинении, выдвинутым против него, предоставив основания и доводы в поддержку тех настроений, которых он, действительно, придерживался, и которым он учил. Не успел он произнести и нескольких слов, как в зале поднялся такой громкий шум, что его голос потонул в нем. Гус стоял неподвижно; он окинул взглядом возбужденное собрание, но не с гневом, а скорее с удивлением и жалостью. Подождав, чтобы успокоилось волнение, он снова попытался продолжить свою защиту. Он недолго говорил, когда ему представилась возможность обратиться к Писанию; в тот момент буря опять возобновилась, и еще с большей силой. Некоторые из отцов выкрикивали обвинения, другие разразились саркастическим смехом. Гус опять замолчал. «Он молчит» - говорили его враги, забыв о том, что были его судьями. «Я молчу, - сказал Гус –

потому что не могу сделать так, чтобы меня было слышно в таком большом шуме». «Все, - писал Лютер об этой сцене в своей характерной манере – все пришли в бешенство как дикие вепри, щетина встала дыбом, они нагнули головы и заскрежетали зубами на Яна Гуса».

Умы отцов были слишком взволнованы, чтобы продолжать дело. Было невозможно установить порядок, и после короткого заседания собрание разошлось.

Некоторые чешские дворяне, в числе которых был барон де Хлум, надежный и любимый друг реформатора, были свидетелями беспорядка. Они позаботились сообщить Сигизмунду о том, что произошло, и умоляли его присутствовать на следующем заседании в надежде, что, хотя собор не уважал себя, он должен был уважать императора.

После однодневного перерыва собор вновь собрался. Утро того дня, 7 июня, было памятным. Полное затмение солнца потрясло и привело в ужас почтенных отцов и жителей Констанца. Было очень темно. Город, озеро и окружающая равнина погрузились в кромешную тьму. Об этом явлении еще долго помнили и говорили в Европе. Пока зловещая темнота не рассеялась, отцы не посмели собираться. К полудню вернулся свет, и собор собрался в зале францисканцев, причем император присутствовал. Яна Гуса ввели под усиленной охраной.

Сигизмунд и Гус оказались теперь лицом к лицу. По одну сторону сидел император в окружении правителей, знати и свиты, а по другую – закованный цепями стоял человек, за чью безопасность он поручился своей честью, как правитель, и своей властью, как император. Оковы, бывшие на Гусе, были странным комментарием имперской охранной грамоте. Разве так, мог бы спросить узник, разве так, правитель, имеющий помазание, и собор, водимый Святым Духом, хранят честь? Но Сигизмунд, хотя он и не мог не испытывать молчаливого укора, наносимого ему цепями Гуса, утешал себя тайным решением спасти Гуса от крайней опасности. Он допустил, чтобы Гус лишился свободы, но не допустит, чтобы он лишился жизни. Но были два факта, которых он не учел, принимая решение. Первым была непоколебимая твердость реформатора, а вторым – душевный страх, который он испытывал перед собором; и несмотря на благие намерения, он был вынужден тащиться по пути предательства и бесчестия, на который он подло ступил, пока не дошел до трагического конца. Имперская охранная грамота и костер мученика заняли свои неизгладимые и близкие места на страницах вечной истории.

Михаил de Clausis снова зачитал обвинение, возникли отрывочные споры между Гусом и несколькими богословами собора, особенно со знаменитым Петром д’Айльи, кардиналом Камбрийским. Последовательность обвинения и защиты была подробно зафиксирована теми, кто писал для собора. Сравнив эти заявления,

становится понятным, что Гус расходился с церковью, в основном, не по догмам, а по юрисдикции и политике. Когда последние нарушали определенные принципы папства, они вели к крушению всей системы, короче, к более великой революции, чем Гус мог осознать или планировать. Кажется, он верил в пресуществление, заявлял об этом на соборе, хотя высказывая свои взгляды, он открывал неприятие грубой формы этой догмы. Он признавал божественное установление и служение Папы и членов церковной иерархии, но он полагал, что сила их служения зависит от их духовной природы. Даже до последнего он не отрицал общения с римской церковью. Все же нельзя сомневаться, что Гус был протестантом и реформатором. Он признавал, что высшим руководством веры и дел является Святое Писание; что Христос есть Скала, на которой, как Господь сказал, создаст Свою Церковь; что «собрание избранных есть Святая Церковь без пятна и порока, но свята и непорочна; которую Иисус Христос называет Своей»; что церкви не нужен видимый глава на земле, которого не было в дни апостолов, и, тем не менее, она хорошо управлялась и будет управляться, если и потеряет земного главу; и что церковь состоит не только из духовенства, но включает всех верующих. Он поддерживал принцип прав человека, с тем, чтобы ересь не наказывалась светской властью, так как еретик осуждается по Святому Писанию. Он не придавал значения отлучению или прощению, если наряду с приговором священника не проявлялся Божий суд. Как и Уиклифф он считал десятину подаянием, и из огромных доходов священников только то, что было достаточно для их содержания, по праву принадлежало им, остальное принадлежало бедным или могло использоваться гражданскими властями. Его богословское кредо было в стадии формирования. Если бы оно было более определенной формы, открылось бы ему, как человеку, прилежно изучающему Библию, великое учение реформации в полном свете, и его путь, несомненно, продолжился бы. Формулу «оправдание только по вере», основу учения Мартина Лютера в последующие дни, мы не находим ни в выступлениях защиты, ни в письмах Гуса; но если он и не знал выражений, он знал учение, так как когда он стоял перед смертью, отвернувшись от церкви, святых и человеческих изобретений, он предал себя на милость и милосердие Спасителя. «Я покоряюсь наказанию от нашего Господа и уповаю на Его безграничную милость». «Я вверяю вас – писал он людям из Праги – милостивому Господу Иисусу Христу, нашему истинному Богу, Сыну непорочной девы Марии, который спас нас самой мучительной смертью, не по нашим заслугам, от вечных мук, царства дьявола и от греха».

Члены собора инстинктивно чувствовали, что он не был их, хотя он заявлял, что принадлежит к церкви, которую они создали. Но, фактически, он вышел из нее, и не признавал ее авторитета. Два основных принципа Гуса заключались в ниспровержении всей ее юрисдикции, как духовной, так и светской. Его главным авторитетом было Священное Писание, оно ударяло по основанию духовной власти

иерархии, а что касается светской власти, он подрывал ее учением о церковных доходах и собственности.

От этих двух положений, ни софистика, ни угрозы не могли его отвернуть. По мнению собора, он был бунтовщиком. Он обратил свою верность от церкви к Богу, говорящему через Слово. В этом заключалось его преступление. То, что он разделял некоторые из их верований, мало значило в глазах собравшихся отцов; он разорвал основные узы подчинения, стал злейшим еретиком, сорвал оковы непогрешимости и со временем он может стать более открытым и опасным еретиком, чем сейчас. И поэтому собор решил, что Ян Гус должен быть осужден как еретик.

Ослабленный болезнью и долгим заточением, потому что «он был заточен в башне с кандалами на ногах, так что едва мог передвигаться днем, а ночью его руки приковывали к стене рядом с кроватью», а также долгим заседанием, сосредоточенным вниманием, требуемым для отражения атак и опровержения обвинений, он был весьма изнурен. Наконец, собор поднялся, Гуса вывели под охраной назад в тюрьму. Его верный друг Ян из Хлума пошел за ним, и, обняв, подбодрил. «О, какое утешение для меня в разгар судов, - пишет он в одном из своих писем – увидеть прекрасного дворянина, Яна из Хлума, протягивающим руку мне, несчастному еретику, закованному в цепи и всеми осужденному».

В перерыве между вторым появлением Гуса на соборе и третьим последним его вызовом, император сделал слабую попытку склонить реформатора отступиться и отречься. Сигизмунд искренне хотел спасти ему жизнь, не только, несомненно, из-за самого Гуса, но и из-за своей чести, которая было поставлена на карту. Собор подготовил форму отречения и повиновения. Она была представлена Гусу в тюрьме при посредничестве его друзей, уговаривавших подписать документ. Реформатор был готов отречься от тех заблуждений, которые ложно приписали ему, но что касалось заключений, правильно сделанных из его сочинений, и которым он учил, по милости Божьей, он никогда не оставлял. «Лучше было бы ему – писал он – повязать мельничный жернов на шею и бросить в море, чем обидеть одного из малых сих, кому он проповедовал Евангелие, отречением от него». Наконец, вопрос был поставлен прямо: подчиниться ли он безоговорочно собору? Западня была хитро расставлена, но у Гуса хватило мудрости понять ее и избежать. «Если собор даже скажет тебе, - говорил один из богословов, чье имя не сохранилось – что у тебя всего один глаз, ты обязан согласиться с собором». «Но – отвечал Гус – пока Господь сохраняет меня в здравом уме, я не скажу этого, даже если весь мир потребует, потому что не могу сказать, не навредив своей совести. Какой упорный, самонадеянный и надменный человек! – говорили отцы. Даже император был возмущен тем, что он принял за упрямство, и в порыве возмущения заявил, что такое беспричинное упорство заслуживает смерти.

Это был критический момент в жизни реформатора. Было так, как будто отцы говорили: «Мы не будем ничего говорить о ереси, не будем выявлять ошибок, только подчинись безоговорочно нашему авторитету, как непогрешимому собору. Воскури это благовоние на алтаре в свидетельство нашей совместной божественности. Мы просим немногого». Гус подвергся большому искушению. Сколько людей не устояло бы, и сколько людей в подобных обстоятельствах уже не устояло и пропало! Если бы Гус склонил свою голову перед непогрешимостью, он никогда бы не смог поднять ее перед своей совестью, своими соотечественниками и своим Спасителем. Скованная духовный параличом, сила покинула бы его. Он избежал бы костра, мучения которого мгновенны, но лишился бы венца, слава которого вечна.

С этого момента Гус обрел мир, более глубокий и восторженный, чем когда-либо прежде. «Я пишу это письмо – пишет он другу – в тюрьме, рукой, закованной в кандалы, ожидая завтра смертного приговора. Когда, с помощью Иисуса Христа, мы встретимся вновь в чудном покое, ты узнаешь, как милостив Господь ко мне, и как Он помогал мне в искушениях и испытаниях». Раздражение от спора, в который втянул его собор, было забыто, и он спокойно начал готовиться к смерти, не волнуясь о той ужасной форме, в которой она должна придти. Мученики прежних веков проходили по этому пути к славе, и с помощью Всесильного он должен был пройти по такому же пути. Он посмотрит огню в лицо, и преодолеет силу его пламени силой своей любви. Он уже испытывал ту радость, которая ждет его за вратами, готовыми открыться, чтобы принять его душу, как только огонь освободит его от столба на костре, и отпустит его дух вздыматься вверх. В тюрьме он был ободрен пророческим видением рассветом лучших дней, ожидавшим церковь Божию на земле, и приближение, которого он ускорил своей жизнью. Однажды, когда он спал, ему показалось, что он опять в своей любимой Вифлеемской часовне. Завистливые священники пытались стереть изображения Иисуса Христа, которые он нарисовал на стенах. Он опечалился. На следующий день пришли художники, которые восстановили утраченные портреты так, что они стали лучше прежнего. «Итак, - сказали художники – пусть епископы и священники приходят и сотрут их, если смогут; и все исполнились радостью, и я тоже». «Думай о защите, а не о видениях» – сказал ему Ян из Хлума, которому он рассказал о своем сне. «Однако, - ответил Гус – та жизнь Иисуса Христа, которую я запечатлел в сердцах людей в Вифлееме, когда проповедовал им Слово, не сотрется, и после того, как моя жизнь окончится, она будет еще больше раскрыта другими более сильными проповедниками к великому удовлетворению людей и моей самой искренней радости, когда я опять буду допущен проповедовать Евангелие, то есть когда я восстану из мертвых».

Глава 7 - Осуждение и мученическая смерть Гуса.

Сигизмунд и Гус лицом к лицу. – Проповедь Епископа Лодийского. – Обряд низвержения из сана. – Осуждение Гуса. – Его пророчество. – Процессия. – Гус – на костре. – Размышления о его мученической кончине.

Тридцать дней истекли. Гус томился в тюрьме, терпя кандалы, зловоние и болезнь в течение двух месяцев. Наступило 6 июня, день его рождения. Этот день должен был увидеть исполнение желаний его врагов и окончание его страданий. Грандиозное собрание было представлено в зале собора в этот день. Присутствовал император, сюзерены и их представители, патриархи, архиепископы, епископы и священники; также было огромное скопление людей, которые пришли посмотреть на это зрелище. Из-за такого скопления нужно было возвести помост, чтобы весь христианский мир мог видеть и быть свидетелем того, как первый из борцов этой, только что начавшейся, великой битвы должен был отдать свою жизнь.

Архиепископ Рижский прибыл в тюрьму, чтобы отвести Гуса на собор. Шла месса, когда они появились на паперти, Гуса заставили там стоять, пока она не окончилась, чтобы не осквернить таинства присутствием человека, который был не только еретиком, но и возглавлял еретиков. Когда его ввели, то приказали занять место на помосте, где его могло видеть все собрание. Сев, он углубился в молитву, однако, слов не было слышно. Рядом лежала стопка церковного облачения для церемоний, сопровождавших конец трагедии. Проповедь, обычная в таких случаях, была прочитана епископом Лодийским. Он выбрал для своей темы следующие слова: «Тело греха должно быть уничтожено». Он подробно остановился на расколе, как источнике ересей, убийств, кощунства, грабежа и войн, которые долгое время разоряли церковь, и нарисовал, как пишет Ленфан, «такую ужасную картину раскола, что можно было сначала подумать, что он уговаривает императора сжечь двух лжеПап, а не Яна Гуса. Однако, епископ, обращаясь к Сигизмунду, закончил следующими словами: «Уничтожь ереси и заблуждения, но прежде всего (указывая на Яна Гуса) этого упорного еретика».

Проповедь закончилась, снова были зачитаны обвинения против Гуса, а также показания свидетелей, а затем Гус в последний раз отказался отречься. Он сопроводил отказ кратким перечислением событий с самого начала дела, закончив напоминанием, что он приехал на собор по доброй воле, «доверившись охранной грамоте находящегося здесь императора». Когда он произносил последние слова, он пристально посмотрел на императора, чье лицо покраснело так, что заметило все собрание, в тот момент устремившее свой взор на его величество.

Было вынесено решение, осудить Гуса как еретика. Далее следовал обряд низвержения из сана, испытание, которое не заставило мученика краснеть от стыда.

Один за другим священнические облачения вносились и одевались на него, и узник стоял в полный рост перед собором, одетый как священник. Затем они дали ему в руку чашу, как будто он собирался служить мессу. Они спросили его, хочет ли он отречься. «С каким лицом я тогда – ответил он – взгляну на небеса? Как я посмотрю на все то множество людей, которым я проповедовал чистое Евангелие? Нет, я ценю их спасение больше этого несчастного тела, предзначенного к смерти». «О, проклятый Иуда, оставивший совет мира и совещавшийся с иудеями, отдай нам чашу с кровью Иисуса Христа». «Я надеюсь, по милости Божьей, - ответил Гус - в этот день пить из Его чаши в Его царствии, а через сто лет вы ответите перед Богом и передо мной».

Семь епископов окружили его и начали снимать священнические одежды – стихарь, епитрахиль и другие части облачения, в которые они одели его для посмешища. И когда каждый епископ делал свое дело, он посылал проклятие мученику. Оставалось только удалить знак тонзуры.

Среди прелатов разгорелся бурный спор: использовать бритву или ножницы.

«Видите, – сказал Гус, обращаясь к императору – они не могут придти к согласию, как больнее оскорбить меня».

Они остановились на ножницах, которые были немедленно принесены, и волосы были пострижены крестообразно, чтобы уничтожить знак короны. Согласно церковному закону, священник, с которым так поступают, становится вновь мирянином, и хотя операция не убирает этот признак, так как он неизгладим, она лишает его права священнического служения.

Оставался еще один обряд бесчестия. Они надели на него колпак, или пирамидальную бумажную митру, на которой были нарисованы страшные фигуры бесов с хорошо видным впереди словом ЕРЕСИАРХ. «С радостью – сказал Гус – я одену этот постыдный венец ради Тебя, О, Иисус, ибо Ты ради меня одел терновый венец».

После этого прелаты сказали: «Мы предаем твою душу дьяволу». «А я – сказал Ян Гус, глядя на небо - предаю свой дух в Твои руки, о, Господь Иисус, ибо Ты искупил меня».

Обращаясь к императору, епископ сказал: «Этого человека, Яна Гуса, который более не служит и не является членом церкви Божьей, мы оставляем тебе, предавая его гражданскому суду и власти». Тогда император, обращаясь к Людвигу, герцогу Баварскому, а также викарию империи, стоявшему перед ним в мантии с золотым яблоком и крестом в руках, приказал передать Гуса тем, чьей обязанностью являлось

приведение приговора в исполнение. Герцог, в свою очередь, передал его главному бургомистру Констанца, а бургомистр в руки офицеров и сержантов города.

Процесс закончился. Мученик ушел в сопровождении четырех сержантов. Затем ушли сюзерены и представители сюзеренов в сопровождении восьмисот вооруженных охранников. Затем одетые в шелковые и бархатные облачения епископы и священники последовали за ними кавалькадой на лошадях. За ними пошли жители Констанца, чтобы посмотреть все до конца.

Когда Гус проходил мимо епископского дворца, его внимание привлек огромный костер, горевший и потрескивавший перед воротами. Ему сказали, что сжигают его книги. Он усмехнулся на эту пустую попытку погасить свет, который, как он предвидел, наполнит однажды в недалеком будущем все христианство.

Процессия перешла через мост и остановилась на лугу, между городскими садами и воротами Готтлибена. Здесь должна была состояться казнь. Придя на то место, где он должен был умереть, он преклонил колени, и начал читать наизусть покаянные псалмы. Он произносил короткие и пылкие моления и часто повторял, как слышали стоявшие рядом люди: «Господь Иисус, в руки Твои я предаю дух мой». «Мы не знаем – говорили рядом стоящие люди – какую он прожил жизнь, но он молится как истинный верующий». Когда он в молитве обратил взор к небу, колпак слетел с него. Один из солдат подбежал и снова одел его на Гуса, говоря: «Он должен быть сожжен с бесами, которым служил». Гус снова улыбнулся.

Столб был глубоко вкопан в землю. Гуса привязали к нему веревками. Он стоял лицом на восток. Кто-то закричал: «Так не положено еретику». Его снова развязали, повернули на запад и крепко прикрепили к брусу цепью, обхватывавшей его шею. «Вы не даете говорить гусю, - сказал он – но через сто лет поднимется лебедь, чье пение вы не сможете заглушить».

Он стоял на хворосте, перемешанным с соломой для лучшего воспламенения. Дрова, сложенные вокруг, доставали ему до подбородка. Перед тем, как поднести факел, подошли Людвиг Баварский и Маршалл Империи, и просили его пожалеть свою жизнь и отречься от заблуждений. «От каких заблуждений мне отрекаться? – спросил он. Я не знаю за собой никакой вины. Я призываю Бога в свидетели, что все, что я писал и проповедовал, было во спасение душ от греха и ада, и поэтому я с радостью подтвержу кровью ту истину, о которой я писал, и которую проповедовал». Услышав это, они отошли от него, и Гус перестал говорить с людьми.

Костер зажгли, пламя взвилось вверх. «Ян Гус – пишет Фокс – начал громко петь: «Иисус, Сын Давидов, помилуй меня». Когда он сказал так три раза, ветер направил пламя ему в лицо, и он задохнулся. Поггис, бывший секретарем собора, и Эней

Сильвий, ставший впоследствии Папой, чьи рассказы, вне всякого сомнения, не были приукрашены, свидетельствуют о героическом поведении Гуса и Иеронима во время казни. «Оба – пишет Сильвий – вели себя стойко, когда настал их последний час. Они готовились к костру, как будто должны были идти на свадьбу. Они не издали ни одного крика. Когда пламя поднялось, они начали петь гимны, и только разгоревшийся костер смог остановить их пение».

Гус предал свой дух. Когда пламя стихло, обнаружилось, что только верхняя часть тела сгорела, а нижняя висела, прикованная цепью к столбу. Палачи зажгли костер снова, чтобы сжечь оставшуюся часть мученика. Когда пламя стихло во второй раз, в пепле нашли целым сердце. Зажгли костер в третий раз. Наконец, все сожгли. Пепел тщательно собрали, даже взяли землю под ним, вывезли и бросили в Рейн; его палачи были обеспокоены тем, чтобы и следа Яна Гуса (даже нитки от его одежды, которая тоже сгорела) не осталось на земле.

Когда Гус преклонил голову на костре, то непогрешимый собор был побежден. Победа осталась за Гусом, и какая победа! Сложите вместе все трофеи Александра и Цезаря, сколько они будут весить по сравнению с этой славной победой? Какие благословения истекли от костра Гуса, и продолжают течь! С того момента, когда Гус скончался в пламени, его имя прибрело силу, которое будет продолжать способствовать великому делу истины и света, пока последние оковы не падут с разума и сознания освобожденных от всякого давления людей в подчинение власти истинного Бога. Какой сюрприз для его врагов и врагов Евангелия! «Гус умер», - говорили они, возвращаясь с того луга, где он был сожжен. Гус умер. Рейн принял его пепел и понес на своих быстрых волнах в океан, чтобы похоронить навеки. Нет, Гус жив. Не смерть, а жизнь он приобрел на костре, он дал ему не погребение, а воскресение. Ветер, дующий над Констанцем, разносит дух исповедника и мученика во все христианские страны. Народы приходят в движение, Богемия пробуждается, еще сто лет и Германия, и весь христианский мир выйдут из своего дремотного состояния, и потом наступить великая расплата, предсказанная мучеником: «Через сто лет вы ответите перед Богом и передо мной».

Глава 8 - Сравнение богословия, характеров и трудов Уиклиффа и Гуса.

Уиклифф и Гус – представители своего времени: первый – учитель, второй – ученик. – Оба признают Писание высшим судом и авторитетом, хотя Уиклифф более полно. – Истинная церковь есть «собрание избранных». – Уиклифф полностью, Гус недостаточно полно признают Христа единственным посредником. – Их взгляды на доктрину Евхаристии. – Лехлер об Уиклиффе и Гусе.

Прежде чем перейти к рассказу о Иерониме, посмотрим опять на двух великих людей, представителей своего времени, которые прошли перед нами и определим отношения между ними. Эти отношения таковы, что о них упоминают всегда вместе. Нет века, разделяющего их. Везде в истории – в зале Пражского университета, за кафедрой Вифлеемской часовни, в зале собраний в Констанце – мы видим эти две фигуры, Уиклиффа и Гуса, стоящими бок обок.

Уиклифф – учитель, Гус – ученик. Последний принимает взгляды первого, но, однако, без исследования и доказательств, и признает их своими ценой напряженной умственной борьбы. «Они оба – пишет Лехлер – делают Слово Божие основанием своей системы и признают Священное Писание высшим судьей и авторитетом. Все же они отличаются во многом. Уиклифф доходит до своих положений постепенно, много трудясь, а Гус принял их, должен был просто исповедовать и распространять их. Для Уиклиффа эти принципы были независимой победой, а к Гусу они пришли как то, что завоевал другой. Взгляды Уиклиффа на единственность авторитета Писания были четко определены, и даже занимали главенствующее положение, в то время как Гус никогда так четко не определял свои взгляды и не придавал им такого значения в своем учении. Более того, Уиклифф отрицал, что Писание должно истолковываться согласно св. отцам, и утверждал, что Святой Дух дает истинное понимание Слова Божьего, и что Писание должно истолковываться Писанием. Гус, с другой стороны, принимал Писание в истолковании св.отцов, так как считал, что Святой Дух давал им мудрости в истолковании.

«Как Уиклифф, так и Гус считали, что истинная церковь есть лишь собрание избранных. Полную концепцию о церкви Гус получил только от великого английского реформатора. Уиклифф основал систему церкви на вечных планах Бога относительно избранных, начиная строить с основания, и точно следуя божественной природе, строению вселенной и божественному руководству. Представление Гуса о церкви лежало скорее на поверхности, и отношения Бога со Своим народом были для него как отношения учителя с учениками или господина с рабами».

Что касается вопроса о Христе, как единственном посреднике между Богом и человеком, Гус был заодно с Уиклиффом. Английский реформатор довел свое

учение в силе и радости глубокого убеждения до логического конца с полным отрицанием почитания и посредничества святых. Гус, с другой стороны, недостаточно осознавав великую истину единственного посредничества Христа, никогда не смог окончательно сбросить с себя зависимость от заступничества и помощи прославленных святых.

Также и взгляды Гуса на Евхаристию не были так четко сформулированы в соответствии с Писанием как взгляды Уиклиффа, и, как мы уже говорили, он до конца исповедовал пресуществление. По вопросу об авторитете Папы он был близок к взглядам Уиклиффа; Гус отрицал божественное право римского епископа на примат церкви, и хотел восстановить первоначальное равенство, которое, по его мнению, существовало среди епископов церкви. Уиклифф пошел дальше; он отстаивал равенство не только между епископами, но и между священниками.

Лехлер проницательно показал контраст между этими двумя людьми. Сила их интеллекта, дарования личности и достижения в жизни четко показаны в контрастном свете следующего сравнения:

«Гус, несомненно, – не примитивный, а творческий и самобытный талант, а как мыслитель не обладает ни умозрительностью, ни системностью. В области богословского мышления Уиклифф обладает высоким духом, врожденной силой ума, и за счет неустанного духовного труда приобрел положение духовного лидера; в то время как Гус является звездой второй величины, как планета, вращающаяся вокруг своего солнца, Уиклиффа. Оба, конечно, вращаются вокруг своего основного Солнца, Христа. Далее, Гус был не такого характера, как Уиклифф, который был очень сдержанным и острым как сталь, с внутренним стержнем, шедший только вперед, не смотревший по сторонам, следовавший только своим убеждениям, реализовавший их логически и энергично, иногда даже жестко и резко, раня и вызывая неприязнь. По сравнению с Уиклиффом, у Гуса был мягкий уравновешенный характер, более чувствительный и спокойный, чем склонный к независимости и героизму. Тем не менее, это не значит, что он был слабохарактерным и податливым человеком. С мягкостью и нежностью души вполне может сочетаться нравственная стойкость, крепкая вера, несгибаемая твердость, формируя качества, имеющие притягательное и победное воздействие, и вызывающие самую высокую оценку и уважение.

«В добавлении к этому нравственная чистота и доброжелательность человека, который практиковал почти аскетическую воздержанность; его истинный страх Божий, добросовестность, сострадательность; он не беспокоился о себе или своем достоинстве, а только о славе Бога и Спасителя, а также о чести своей родины и незапятнанной репутации истинного благочестия своих соотечественников. В своей искренней ревности в деле Бога и Иисуса Христа оба, Уиклифф и Гус, стояли на

одном основании. Только в случае с Уиклиффом, его ревность была более яростной, мужественной, энергичной, в то время как в Гусе она горела теплым тихим светом в сочетании с почти женственной нежностью, горячей верой и стойкостью. Такое сердце со всей своей нежностью, не сломленное самой ужасной смертью, и такое непобедимое и все преодолевающие терпение человека в исповедовании евангельской истины, завоевали для него симпатии его соотечественников и оставили глубокий след в его время и последующих поколениях. Если Уиклифф был исключительно человеком рассудка, Гус был человеком эмоций, не такой гениальности как Лютер, а скорее глубокого, вдумчивого и мягкого характера. Далее, если Уиклифф был наделен твердой решимостью, мужественной и энергичной волей, то Гус был наделен искренней стойкой волей. Я мог бы сказать, что Уиклифф был мужем Божьим, а Гус был дитем Божьим; однако, оба были героями войска Божьего, каждый согласно полученным от Святого Духа дарам, и в каждом эти дары использовались на благо всего тела. По современным духовным меркам Гус, конечно, не равен Уиклиффу, который гораздо выше, на голову превосходит других людей, и даже Гуса. Несмотря на это, Гус по своему характеру был благородной личностью, отличался истинным благочестием, всепобеждающей крепкой верой среди страданий и гонений, и был истинным последователем Уиклиффа, достойным представителем в Европе евангельского принципа и бесстрашной реформаторской идеи Уиклиффа, которая так высоко держала славу Христа».

Глава 9 - Суд и искушения Иеронима.

Иероним. - Приезд в Констанц. – Бегство и арест. - Падение и покаяние. – Он снова восстает.

Мы рассказали о жизни Гуса до конца. Теперь можем отступить на несколько шагов и рассказать о судьбе его ученика и соратника Иеронима. Они приняли одно крещение, и пили из одной чаши мученичества. Когда Иероним услышал об аресте Гуса, он помчался в Констанц, чтобы чем-нибудь помочь Гусу, своему любимому учителю. Но когда он понял, что ничем не может помочь, а только подвергает свою жизнь опасности, попытался убежать. Он был уже на пути в Прагу, когда его арестовали и привезли в Констанц на телеге в цепях и под охраной, как будто он был преступником.

Он предстал перед собором 23 мая 1415 года. Отцы подняли такой же шум и гвалт, как и при первом появлении Гуса. Его оппонентами были в основном доктора богословия, особенно знаменитый Герсон, с которым ему доводилось дискутировать в Париже и Гейдельберге, посещая университеты этих городов. Ночью он был приведен в тюрьму на кладбище св.Павла. Цепи, прикрепленные к высокой балке, не давали ему сидеть, руки, скрещенные сзади на шее и закованные в кандалы, давили на голову, что причиняло ему сильную боль. Он заболел, и враги, испугавшись, что смерть похитить его у них, немного смягчили наказание, но, тем не менее, он оставался в этой ужасной тюрьме целый год.

Тем временем было получено письмо от богемских вельмож, которое убедило собор в ошибочном мнении о том, что они покончили с Гусом, выбросив его пепел в Рейн. Назревала буря, и если бы они зажгли еще один костер, она бы неминуемо разразилась с большей силой. Вместо того чтобы сжечь Иеронима, было бы лучше уговорить его отречься. Они приложили все усилия, и в какой-то мере достигли успеха. Они призвали его и предложили отречение или смерь на костре. Больной и подавленный после четырехмесячного заключения в зловонной башне, отрезанный от своих друзей, многие из которых уехали из Констанца после сожжения Гуса, Иероним сдался на уговоры собора. Он отшатнулся от костра и уцепился за жизнь.

Но его отречение (23 сентября 1415 года) было частичным. Он подчинился собору и подписался под справедливостью осуждения статей Уиклиффа и Гуса, за исключением тех «святых истин», которым они учили; он обещал жить и умереть в католической вере, и никогда не проповедовать против нее. Удивительно, что такое отречение было принято собором, и что оно исходило от Иеронима. Несомненно, что лишь малая часть из этого доходила до его сознания. Страшно подумать на каком краю пропасти стоял тогда Иероним. Следуя до сих пор за своим учителем, которого сожгли на его глазах, разве не мог он последовать за ним и дальше? Гус и Иероним

были так дружны при жизни, разве могла смерть разделить их? Нет! Иероним упал в минуту слабости, но Господь поднял его. И когда он поднялся, костер не мог остановить его следовать за Гусом по его пути.

На некоторое время перейдем от Иеронима к собору; надо отметить, что умы его участников в некоторой степени были готовы к реформе с помощью проповедей, читаемых время от времени членами собора. Состоялась лекция 8 сентября по тексту Иеремии «Где слово Божие?» Имя проповедника не сохранилось. После того, как долгое время церковь задавали вопросы, она предстала перед вопрошавшими в виде величественной прекрасной царицы, скорбящей об отсутствии добродетелей, приписывая это алчности и надменности духовенства и распространению ереси. «У церкви – восклицал проповедник – нет врагов кроме духовенства. Кто является самыми злейшими врагами реформации? Светские правители? Они далеки от этого, они ревностно желают, требуют и добиваются ее со всей серьезностью. Кто делит ризы Иисуса Христа, как не духовенство? Кого можно сравнить с голодными волками, которые приходят в овечьих шкурах и скрывают порочные и злые души под религиозными обрядами». Спустя несколько дней епископ Лодийский проповедуя на слова «сделай завещание для дома твоего, ибо ты умрешь, не выздоровеешь», воспользовался возможностью, чтобы напасть на церковь в таком же тоне. Это было похоже на добровольное покаяние, с которым отцы один за другим поднимались на кафедру, выражая сходство во мнении и открывая свои заблуждения. Их пригласили лицезреть отвратительную картину, которую нарисовал еретик.

Отречение Иеронима, раскаивавшегося в своих заблуждениях, но державшегося истин, которым учили Уиклифф и Гус, было непонятно большинству собора. Там были те, кто решил не дать ему ускользнуть. Его учитель расплатился жизнью за свои заблуждения, и было решено пролить кровь и ученика. Были выдвинуты новые обвинения, достигавшие чудовищного числа, ста семи. Было бы удивительно, если бы из такого длинного списка, собор не смог выбрать достаточно пунктов для осуждения Иеронима на костер. Обвинение, выдвинутое теперь против него, касалось Евхаристии, индульгенций, поклонения изображениям и мощам, а также авторитета священников. Он также обвинялся в отсутствии веры в Святую Троицу, что придавало больший вес обвинению, но Иероним очистил себя от этого обвинения, прочитав символ веры св. Афанасия. Что касается пресуществления отцы не нашли отклонений во взглядах Гуса и Иеронима. Оба верили в реальное присутствие. «Хлеб до евхаристических молитв, – говорил Иероним – тело Христа после». Можно подумать, что от этой догмы католицизма нужно было отречься, прежде всего; но опыт показал, что от нее отрекались в последнюю очередь; она обладала странной силой ослеплять, пленять и порабощать ум. Даже Лютер, спустя столетие не мог до конца освободиться от нее; и сколько других, даже в первых

рядах реформации говорили о ней с таинственностью и страхом, что свидетельствовало об их неполном освобождении! Самым удивительным феноменом во всей истории протестантизма было то, что Уиклифф в четырнадцатом веке полностью освободился от этих чар, и из темной ночи суеверия шагнул сразу в свет здравого смысла и Писания в этом вопросе.

Что касается остальных пунктов, внесенных в обвинение, несомненно, что Иероним, как и его учитель Ян Гус, не соответствовали уровню ортодоксального учения римской церкви. Он не признавал, что священник порочной или святой жизни имел право анафематствовать кого-нибудь; что прощения и индульгенции, которые он давал, не имели силы, если не было прощения от Бога. Есть основание полагать, что его враги говорили правду, обвиняя его в том, что он не почитал мощей, а также покрывала девы Марии и шкуру осла, на котором Иисус въехал в Иерусалим. Он вместе с Гусом обвинялся в обличении священников в алчности, тщеславии, тирании и разврате. Доказательством этого обвинения был сам Констанц. Город превратился в Содом, и многие говорили, что только дождь из огня и серы может очистить его от многих неописуемых беззаконий. Но истинность обвинения лишь усугубила вину Иеронима.

Между тем, Иероним размышлял в тюрьме о том, что он сделал. У нас нет записей его мыслей, но, несомненно, образ Гуса, стойко и мужественно перенесшего казнь на костре, стоял перед ним. Он противопоставлял душевный покой, который он имел до отречения сомнениям, охватившим его душу и заслонившим свет Божьей любви. Он не мог обманываться в том, что ему предстоят дальнейшие отречения, пока не завершиться дело на соборе, и он не примириться с церковью. Обо всем этом он много размышлял. Он понимал, что у пропасти, в которую он собирался броситься, не было дна. Тьма поглотила бы его, и он никогда бы не радовался общению с учителем, которого так уважал на земле, и с Господом на небе, который был предметом еще большего почитания и любви. И ради чего он оставлял эти благословенные надежды? Только для того, чтобы избежать четверти часа мучений на костре! «Я удален от Твоего лица, – повторил он слова того, кто ранее свернул со своего пути из-за опасности – но я снова обернусь к Твоему святому храму». И когда он обернулся, Бог тоже посмотрел на него. Любовь Спасителя опять наполнила его душу, любовь, которая лучше жизни, и с этой любовью вернулись сила и мужество. Мы слышим, как он говорит: «Даже если мне придется стоять на костре сто лет, я не отрекусь от моего Спасителя. Я готов предстать перед собором, они могут убить мое тело, и это все, что они могут сделать. Так Иероним стал крепче после падения.

Глава 10 - Суд над Иеронимом.

Суд над Иеронимом. – Дух и красноречие его защиты. – Выражает сожаление об отречении. – Ужасы тюремного заключения. - Восхищение при его появлении. – Письмо секретаря Поджо. – Разговор с кардиналом Флоренции.

Когда обвинения были представлены Иерониму, он отказался отвечать на них в тюрьме, а потребовал публичного слушания. Судьи посчитали целесообразным исполнение его просьбы, и 23 мая 1416 года его доставили в кафедральную церковь, где собрался собор для продолжения его дела.

Отцы боялись красноречия узника и ограничили его защиту простыми ответами: «Да» и «Нет». «Какая несправедливость! Какая жестокость!» – воскликнул Иероним. «Вы держали меня заключенным триста сорок дней в ужасной тюрьме, в грязи, зловонии и крайней нужде. Затем приводите меня сюда, и, слушая моих смертельных врагов, отказываетесь выслушать меня. Если вы действительно мудрые люди и свет миру, не грешите против справедливости. Что касается меня, то я простой смертный, моя жизнь мало что значит, и когда я прошу не выносить несправедливого приговора, то говорю не ради себя, а ради вас».

Его дальнейшая речь потонула в шуме, вызванном его словами. Страшная буря, сотрясавшая все вокруг, не тронула его. Как стоит скала среди бушующих волн, так стоял и Иероним среди моря страстей. Его лицо, дышавшее спокойствием и освещенное благородным мужеством, представляло собой бросающуюся в глаза приятную картину посреди темных и хмурых лиц, наполнявших зал. Когда буря утихла, решили заслушать его на заседании 25 мая.

В этот день он произнес в свою защиту речь, достойную своего дела, того этапа, на котором он защищался, и смерти, к которой он приговаривался. Даже его злейшие враги не могли не отдать дань восхищения тонкости его логики, памяти, силе аргументов и потрясающему красноречию. Очень рассудительно он рассмотрел все выдвинутые против него обвинения, принимая правильные и отвергая лживые. Он перемежал свою речь то такими шутливыми замечаниями, что суровые лица вокруг озарялись улыбкой, то таким сарказмом, что улыбки сменялись гневом, то такой печалью, что на лицах его судей было «искреннее сострадание». «Не раз – пишет секретарь Поджо из Флоренции – в течение всего времени он выражал мысль недостойную достойного человека». Но не жизнь он защищал, жизнь его не беспокоила. Он использовал все свое красноречие не для того, чтобы избежать костра, но чтобы защитить и прославить свое дело.

Преклонив колени в виду у всего собора, прежде чем начать защиту, он горячо молился, чтобы ни одно лживое или недостойное слово не слетело с его уст. Затем

обернувшись к собранию, он перечислил всех людей, которые предстояли перед неправедным судом и были осуждены, будучи невиновны, великих благодетелей языческого мира, героев и патриотов Ветхого Завета, Царя-мученика, Иисуса Христа, исповедников Нового Завета, всех, кто отдал свою жизнь за дело правды по приговору заблудших и пристрастных судей. Затем он подробно рассказал о своей жизни от юности, отметив произошедшие перемены, разоблачая лжесвидетельства, и, наконец, воскресил в памяти судей то, как ученые богословы ранней церкви отличились от них во взглядах по некоторым вопросам, и что эти отличия привели скорее к разъяснению, чем к разрушению веры.

Его обращение не оставило собор равнодушным. Оно пробудило в некоторых чувство справедливости (нельзя сказать сострадания, так как Иероним не взывал к состраданию), и немало людей удивилось, что человек, просидевший в тюрьме несколько месяцев, не имея возможности читать или писать, мог цитировать из многих авторитетных источников и приводить известные доказательства в свою защиту. Собор забыл о том, что нам обещали: «И поведут вас к правителям и царям за Меня,…не заботьтесь, как и что сказать; ибо в тот час дано будет вам, что сказать, ибо не вы будете говорить, но Дух Отца вашего будет говорить в вас».

Ранее на соборе Иероним признал справедливость осуждения Гуса. Он горько раскаялся в преступлении, совершенном в минуту трусости, против своего уважаемого учителя, и не мог не искупить его. «Я знал его с детства, – говорил он о Гусе – это был чудесный человек, справедливый и святой. Он был осужден, несмотря на свою невиновность. Он взошел на небо, как Илья, в пламени огня, и оттуда он вызовет своих судей на страшный суд Христов. Я тоже готов умереть. Я не отшатнусь от мучений, приготовленных мне моими врагами и лжесвидетелями, которые однажды дадут ответ за свои преступления перед Великим Богом, Которого нельзя обмануть».

Собор пришел в волнение. Некоторые хотели спасти жизнь такого образованного и красноречивого человека. Зрелище было потрясающим. Бледный, ослабленный длительным безжалостным заключением, в тяжелых оковах он, тем не менее, вызывал уважение у тех, перед которыми стоял, своей духовной силой. Он стоял перед собором выше, чем они, чье величие блекло перед его славой, а их звезды и митры – перед его добродетелями и страданиями. Вельможи и богословы чувствовали себя униженными и смущенными в присутствии своего узника.

Но в сердце Иеронима не было само возвеличевания. Если он говорил о себе, то только с обличением.

«Из всех грехов, – говорил он – которые я совершил с юности, ни один так не отягощает мое сознание, и не вызывает горестного раскаяния, как тот, который я

совершил на этом роковом месте, когда я согласился с чудовищным приговором против Уиклиффа и святого мученика Яна Гуса, моего учителя и друга. Я исповедую от всего сердца и заявляю, что постыдно струсил из-за страха перед смертью, когда осудил их учение. Поэтому я умоляю Всесильного простить мне мои прегрешения, и, в частности, этот самый ужасный грех. Вы осудили Уиклиффа и Гуса, не потому что они отошли от веры, а потому что обличали преступления духовенства – помпезность, тщеславие и роскошь».

Эти слова явились сигналом еще для одного гвалта в собрании. Отцов сотрясала ярость. Со всех сторон слышались громкие восклицания. «Он осуждает сам себя. Какие еще нужны доказательства? Перед нами самый упорный еретик».

Возвысив голос, который был, как пишет Поджо, «проникновенным, четким и звонким, и с жестом полным достоинства, Иероним продолжал: «Что! Вы думаете, что я боюсь умереть? Вы целый год держали меня в страшной тюрьме, более ужасной, чем смерть. Вы обращались со мной более жестоко, чем с сарацинами, турками, евреями и язычниками, и моя плоть буквально заживо отставала от костей; но я не жалуюсь, так как стенания не пристали духовному человеку, но я не могу не выразить своего удивления такому варварскому обращению с христианином».

Все опять зашумели и заседание закрылось. Иеронима вернули в тюрьму, где с ним стали обращаться еще более жестоко. Ноги, кисти и руки заковали в кандалы. Это не было сделано в целях безопасности, но, чтобы увечить его мучения.

Удивленные талантами, многие епископы проявили интерес к его судьбе. Они навещали его в тюрьме и уговаривали отречься. «Докажите мне по Писанию, - отвечал Иероним на эти назойливые приставания – что я заблуждаюсь». Кардинал Флоренции Забарелла послал за ним и имел продолжительную беседу. Он похвалил данные ему таланты, остановился на пользе, которую эти таланты могли бы принести для церкви, на блестящем пути, открытым перед ним, если он примириться с собором; он сказал, что нет такого звания и такой должности, которых он не смог бы достичь, если он только вернется к духовному послушанию, а если нет, то по глупости отвергнет великолепные возможности и станет жертвой на костре для еретиков. Но Иеронима не тронули слова кардинала, и не ослепили его предложения. Он рассуждал на эти темы в тюрьме в слезах и страданиях, и решил все навсегда. Он выбрал лучшую участь. Он ответил этому искусителю в пурпуре, как он ответил в собрании: «Докажите мне по Священному Писанию, что я заблуждаюсь, и я отрекусь».

«Священное Писание! – ответил кардинал с насмешкой. Разве все проверяется по нему? Кто может понять его, пока церковь не истолкует?»

«Что я слышу? – вскричал Иероним. Разве человеческие традиции более духовны, чем Евангелие нашего Спасителя? Павел не заповедовал тем, кому он писал, следовать человеческим традициям, но он сказал: «исследуйте Писание».

«Еретик, - сказал кардинал, уставившись на него в гневе – я жалею, что так долго уговаривал тебя. Я вижу, что ты одержим бесом». Иеронима отвели в тюрьму.

Глава 11 - Осуждение и сожжение Иеронима.

Иероним осужден. – Одет для костра. – Уведен. – Гимны на костре. – Пепел брошен в Рейн.

Он был вызван для оглашения приговора 30 мая 1416 года. Правители империи, церковная верхушка и руководители собора собрались в кафедральной церкви. Какой переход от мрака тюрьмы к блестящему собранию в церковных ризах и со звездами отличия. Но, ни звезды правителей, ни митры епископов не имели такой славы, как те знаки, которые носил Иероним – оковы.

Войска были наготове. Горожане, привлеченные из своих домов слухами о предстоящем событии, толпились у церковных ворот и пытались проникнуть в церковь.

Иеронима спросили в последний раз, хотел бы он отречься; и, объявив о его отказе, осудили как еретика и предали светской власти. Этот акт сопровождался просьбой, чтобы гражданский судья обошелся с ним снисходительно и пощадил его жизнь. Просьба вряд ли была уместной, когда, как мы понимаем, столб для костра был уже установлен, хворост приготовлен, и исполнители готовы были отвести его на костер.

Иероним встал на скамью, чтобы все собрание могло лучше его слышать. Все хотели услышать его последние слова. Он опять выразил свое сожаление о том, что в минуту страха он одобрил сожжение Яна Гуса. Он заявил, что вынесенный ему приговор является отвратительным и несправедливым, как и тот, что был вынесен святому человеку. «Умирая – сказал он – я оставляю жало в ваших сердцах и червя в совести. И я призову вас на суд перед Всевышнем Судьей в течение ста лет».

Внесли бумажную митру с красными бесами, нарисованными на ней. Увидев это, Иероним бросил свою шапку на пол перед кардиналами, надел бумажную митру с такими же словами, как и Гус в подобном случае: «Как мой Господь ради меня надел терновый венец, так и я ради Него надену этот позорный венец». Затем солдаты окружили его. Когда они выводили его из церкви, он «с радостным лицом – пишет Фокс – подняв взор к небу, громко начал петь Credo in unum Deum, как было принято петь в церкви». Когда он проходил по улицам, было слышно, как он ясно и громко пел церковные канты. Когда они подошли к городским воротам, ведущим к Готтлибену, он перестал их петь и начал петь гимн до самого места казни. Место, на котором он должен был пострадать, было уже освящено, так как на нем был сожжен Ян Гус. Когда он пришел на место, то преклонил колени и стал молиться. Он все еще молился, когда палачи подняли его и привязали веревками и цепями к столбу, который был выточен так, что напоминал фигуру Гуса. Когда дрова и хворост

складывали вокруг него, он опять запел: «Привет! Счастливый день!» Когда он закончил петь этот гимн, то снова запел «Credo in unum Deum» , а затем обратился к народу на немецком языке, говоря: «Мои возлюбленные дети, как я сейчас пел, так я и верю, и не иначе; и это кредо – вся моя вера».

Дрова сложили до уровня шеи, одежду положили сверху, и в конце поднесли факел. Его Спаситель, Который так милостиво поддерживал его в ужасных страданиях тюрьмы, был и сейчас рядом с ним. Мужество сердца и спокойствие души отражались на его лице и поражали очевидцев. Короткая и острая боль и все земные скорби останутся позади, и придет вечная слава. Нет! Она уже пришла; потому что, когда Иероним стоял на костре, он выглядел так, как, будто он победил смерть и уже наслаждался тем, что его ожидало. Палач подносил факел сзади, когда Иероним поправил его. «Зайди спереди – сказал он – и зажги костер перед моим лицом; если бы я боялся огня, меня бы не было здесь».

Когда хворост начал разгораться, Иероним громким голосом начал петь: «В руки Твои, о, Господь, придаю Дух свой». Когда пламя разгорелось сильнее, поднялось выше, и мученик чувствовал его обжигающий жар, было слышно, как он кричал по-чешски: «О, Господь Бог, Всесильный Отец, помилуй меня, прости мне мои прегрешения, ибо Ты знаешь, что я искренне любил Твою истину».

Вскоре пламя заглушило его речь, и не стало слышно его голоса. Но движения головы и губ в течение четверти часа говорили о том, что он продолжал молиться. «Горя в огне, пишет Фокс – он был жив, испытывая ужасную боль и страдания на протяжении того времени, за которое можно дойти от церкви св.Климента по мосту до церкви девы Марии».

Когда Иероним вздохнул в последний раз, из тюрьмы были принесены его вещи и сожжены на том же костре. Его постель, башмаки, накидка, все было брошено на тлеющие угли и сожжено. Груда пепла была тщательно собрана, положена на телегу и брошена в Рейн. Теперь, думали враги, с чешской ересью было все кончено. Мы видели конец Гуса и Иеронима. Собор теперь может спать спокойно. Как недальновидны были люди, думавшие и говорившие так! Вместо того чтобы искоренить ересь, они разбросали ее семена по всему христианскому миру; вместо того, чтобы стереть из памяти имена Гуса и Иеронима и предать их забвению, они поставили их перед всем миром и сделали вечными.

Мы подробно рассмотрели жизнь этих двух мучеников. Мы сделали это не только из-за их редких качеств, трагических страданий и света в их жизни, но и из-за того, что Господь сделал их смерти примером. Эти два костра были зажжены как маяки на рассвете современной истории. Давайте коротко покажем почему.

Глава 12 - Гус, Иероним, или три первых Свидетеля Современного христианства.

Великий Эрас и его глашатаи. – Божий промысел о пути Уиклиффа. – Труд, проделанный Уиклиффом. – Гус и Иероним следовали за Уиклиффом. – Три свидетеля современного христианства.

Каждая новая эра Ветхого Завета начиналась со служения человека с сильным характером и яркими дарами, сопровождавшимися великими чудесами. Было необходимо привлечь внимание людей, сказать им, что время проходит, что Бог «меняет времена и сроки» и вводит новый порядок. Грубые и плотские люди иначе не обратили бы внимание на духовную революцию. Авраам стоит во главе одного завета, Моисей – другого, Давид – третьего, а Иоанн Креститель занимает место в великой армии проповедников, исповедников и мучеников евангельского завета. Это были четыре выдающиеся личности, предшествовавшие приходу Того, Кто был еще более выдающимся.

Так было, когда приходило время для великих перемен во всем мире, давших новую жизнь церкви и до сих пор неизвестную народам свободу. Когда настала такая эра, восстал Уиклифф. Обильно помазанным Святым Духом, на Который, как тщетно думали соборы и Папы, они удерживали монополию. Как глубоко он понимал Писание, как четко и ясно он представлял план спасение, данный в Библии; насколько полностью он освободился от заблуждений, веками уводивших с пути, который он нашел не с помощью большего мастерства или более проницательного ума, чем у его современников, но просто путем полного подчинения Библии. Как Иоанн Креститель появился из недр фарисейской законности и традиционализма, чтобы стать проповедником покаяния и прощения, так и Уиклифф вышел из недр еще более закоренелого традиционализма и законности, чье железное ярмо было в сто раз тяжелее фарисейского, чтобы проповедовать христианскому миру покаяние и провозгласить великую библейскую истину о том, что жертва Христа совершенна и не требует добавлений; что Бог дает спасение людям даром; и что «тот, кто верит в Сына, имеет жизнь».

Так говорил Уиклифф. Хотя его земной голос замолк, он через свои сочинения говорил о вновь обретенном Божьем послании всем странам Европы. Но нужны были свидетели, которые бы подтверждали его слова, и скрепляли своей кровью учение, проповеданное им. К такому служению были предназначены Гус и Иероним. Сначала пришел великий проповедник, потом два великих мученика, подтвердивших истину, о которой говорил Уиклифф, и скрепивших свидетельство кровью. Устами этих трех людей христианство было предупреждено. Они говорили веку, погрязшему в формализме и законности:

«Итак, покайтесь и обратитесь, чтобы изгладились грехи ваши, да придут времена отрады от лица Господа». (Деяния 3:19)

Вот такое место занимают эти два мученика, и такое значение придается им. Если нужны доказательства, то мы найдем их в документах собора в Констанце. Отцы, не знавшие, что они делают, осудили сначала учение Уиклиффа, а затем сожгли на костре Гуса и Иеронима, державшихся этого учения. Да, Дух Божий присутствовал в Констанце, направляя собор в их решениях, но в другом виде и к другой цели, чем думали отцы.

«Тихий голос», который был слышан теперь в христианском мире после веков молчания, должен был сопровождаться великими знамениями, не физическими, а духовными, не переменами на небе, а более чудесными переменами в сердцах людей. Таково было свидетельство Гуса и Иеронима, развернувшееся на глазах у народа. Это свидетельство было устроено Богом, чтобы потрясти воображение и пробудить сознание тех, кто при этом присутствовал. Ему был даже придан драматизм, чтобы нельзя было добиться цели, и чтобы не дать отговорок тем, кто был против. Огромное возвышение было возведено для этого свидетельства; весь христианский мир собрался, чтобы послушать его. Свидетели были известны своей духовной силой. Они привлекали внимание и вызывали восторг даже у своих врагов. Еще более они были известны своими духовными дарами – чистотой, смирением, перенесенными страданиями, прощением ошибок, великодушием и благородным мышлением, эти венцы украшали мучеников. Блеск этих добродетелей четко выделялся на темном фоне порочного века и еще более темном фоне собора, чье позорное поведение оскверняло землю, на которой он собирался, отравляло воздух, и вошло в историю, как одно из самых позорных пятен. В завершение всего этого была слава их смерти, не запятнанная страхом перед страданиями, мольбой о пощаде, слезами о такой участи, ни едином криком боли и страданий; наоборот, прославленная их радостным видом на костре, и победным «аллилуйя», которое они пели в пламени.

Таково было открытое заявление трех ранних христианских свидетелей, и таковы были обстоятельства, при которых оно было сделано. Могло ли знамение с неба, или восставший из мертвых пророк, быть более явным? Чувственному веку, погрязшему в суеверии, без внутренней веры, доверявшему только тому, что видели или делали, довольному святостью, не связанной с нравственными и духовными добродетелями, было показано, что есть божественная сила, больше силы священников, которая может преображать души и давать новую жизнь людям. Короче, что раннее Евангелие вернулось в мир, и с ним вернулось благочестие, самопожертвование и героизм ранних времен.

Бог, Который разворачивает естественный день постепенно – сначала утренняя звезда, затем рассвет, а затем небесное светило, чей свет возрастает по мере восхождения, пока в зените оно не изольет на землю свет совершенного дня – таким же образом Бог разворачивает еле заметными шагами евангельский день. Клавдий, Беренгарий и другие были утренними звездами; они появились тогда, когда было еще темно. С Уиклиффом забрезжил рассвет, души увидели его свет во Франции, в Италии и, особенно, в Богемии. Они, в свою очередь, стали светильниками для других, и, таким образом, сияние продолжало распространяться, пока, наконец, «centum revolutis annis», день воссиял в служении реформаторов шестнадцатого века.

Глава 13 - Гуситские войны.

Воздействие мученической кончины Гуса на Богемию. – Развитие гусизма. – Новый Папа. – Процедура выборов. – Интронизация. – Булла против гуситов. – Отъезд Папы в Рим. – Жижка. – Волнения в Праге.

Гус был сожжен, его пепел, брошенный в Рейн, был унесен в темную могилу океана; но его костер вызвал волну негодования и ужаса в Богемии. Его смерть тронула сердца соотечественников больше, чем его голос при жизни. Защитник прав своего народа, реформатор религии страны, короче, представитель Богемии был жестоко предательски сожжен, и народ воспринял это унижение и оскорбление на свой счет. Все сословия от высшего до низшего были взволнованы произошедшим. Пражский университет выпустил манифест, обращенный ко всему христианству в память о человеке, который пал жертвой ненависти священства и предательства императора. Его смерть расценивалась как убийство, а отцы собора назывались «сборищем сатрапов антихриста». С каждым днем пламя народного негодования разгоралось все сильнее. Было очевидно, что ужасный взрыв еле сдерживаемого гнева должен был произойти в Богемии.

Вельможи смело выступили. Когда дошли слухи о мученической кончине Гуса, феодалы и вельможи собрались на совет, и, говоря от имени чешского народа, направили протест в Констанц против совершенного убийства. Высоким стилем они превозносили человека, которого собор приговорил к сожжению, как еретика, назвав его «апостолом Богемии, человеком невиновным, благочестивым, святым и верным учителем истины». Держа в одной руке перо, в то время как другая лежала на эфесе меча, они сказали: «Кто будет утверждать, что в Богемии ересь, тот лжец и предатель королевства; мы оставляем отмщение Богу, Которому все принадлежит, а сами отправим протест к подножию истинного апостольского понтифика, когда церковь будет управляться таким. В то же время, заявляем, что ни какой человеческий указ не может помешать нам охранять смиренных и верных проповедников слов нашего Господа Иисуса, и яростно защищать их, даже до крови. В этом протесте вельможи Моравии выразили общее мнение.

Более глубокие чувства, чем гнев, руководили чешскими людьми. Вера мученика сравнивалась с верой, которая сожгла его, и не в пользу последней. Когда он умер, вспомнили об учении, которому он учил. Сочинения Уиклиффа, избежавшие огня, прочитывались и сравнивались с отрывками из Писания, так как были понятны людям, и следствием этого было всеобщее признание евангельских доктрин. Новые взгляды укоренялись глубже с каждым днем, и их последователи, которых стали называть гуситами, умножались, можно сказать, ежечасно.

На троне в то время был Вацлав, сын великого патриота Карла IV. Мрачное положение дел, конечно, зависело от линии поведения короля. Наследник достоинств и чести отца, Вацлав не наследовал его таланты и добродетели. Деспотичный сластолюбец, он был сначала свергнут своими вельможами, а затем своим братом Сигизмундом, королем Венгрии, но, вернувшись на трон, проявил несколько другой, но не лучший характер. Сломленный духом, он стал вялым и апатичным в той же степени, как раньше был властным и деспотичным. Если его гордость была подавлена и неистовство укрощена, то он дал волю низменным страстям и наклонностям. Так как он был заперт в своем дворце и жил как сластолюбец, его мало интересовали религиозные взгляды подданных. Его мало беспокоило, пойдут ли они традиционным путем или путем ереси. В тайне он радовался успехам гуситов, так как надеялся, что церковное имущество и дома будут разграблены, и львиная доля достанется ему. Не любя священников, которых он называл «самыми опасными из всех комедиантов», он оставался глух к просьбам церковных властей запретить проповедь новых взглядов.

Движение продолжало расти. За четыре года, прошедших после смерти Гуса, большинство народа стало исповедовать веру, за которую он умер. Среди его последователей было немало высшей знати, много богатых бюргеров, несколько низших священников и огромное количество крестьян. Присоединение последних, чье единодушие способствовало большому энтузиазму и преданности, укрепило это движение. Оно стало истинно национальным. Чехи возобновили в церкви Евхаристию под двумя видами и служение на родном языке. Рим потребовал подчинения, запретив чашу, и разрешив молитвы только на латыни. Чехи, отстояв свободу в обоих вопросах, сбросил знаки римского рабства.

Небольшое расхождение во взглядах уже наметилось среди гуситов. Одна часть полностью отрицала авторитет римской церкви и делала Писание своим единственным критерием. Они стали называться таборитами по месту одного из своих ранних лагерей, располагавшегося на холме в окрестностях Праги, который напоминал библейский Фавор (Табор). Другая часть формально оставалась в лоне римской церкви, хотя и покинула ее духовно. Их отличительным принципом была евхаристическая чаша, означавшая, что они причащались под двумя видами; поэтому они назывались чашниками. Чаша стала национальным протестантским символом. Ее изображали на штандартах и фургонах армии; ее изображение было на церковных порталах и городских воротах. Она даже изображалась вместо римского символа, креста. Последний напоминал о сценах страданий, и поэтому был мрачной эмблемой, чаша же была символом искупления, поэтому была радостным символом. Таково было отличие двух партий в начале. Со временем оно увеличилось; но борьба, которую гуситы вели против Рима, и которая привела

таборитов и чашников на одно поле сражения, где они объединялись в молитве и оружии, сохранила их как одно целое.

Мы должны взглянуть на то, что тогда происходило в Констанце. Собор знал, что в Богемии разгорался пожар, он приложил все усилия, чтобы раздуть его еще сильнее. Приговор о полном уничтожении, вынесенный древним Римом Карфагену, был теперь вынесен папским Римом Богемии, более проклятой стране, чем Карфаген, наводненной ересью и населенной людьми недостойными радоваться дневному свету. Но сначала собор должен был выбрать нового Папу. Собрался конклав, и «попостившись», кардиналы быстро приняли решение. Поспешив сообщить великую новость всему миру, они проделали дыру в стене и прокричали в нее: «У нас есть Папа, это – Отто де Колонна» (14 ноября 1417 года).

Это заявление сопровождали восторженные крики и звон колоколов, под шум которых император Сигизмунд предстал перед конклавом, и в порыве радости или суеверия пал перед вновь избранным Папой, и поцеловал ноги римскому отцу.

Двери конклава теперь были открыты, и кардиналы устремились наружу, чтобы вновь насладиться дневным светом. Их временная тюрьма так была изолирована и так охранялась, что даже солнечные лучи не проникали туда, и отцы должны были делать свое дело при свете свечей. Они были в заключение только с 8 по 11 ноября, но вышли похудевшими и изменившимися из-за скудной еды, которой вынуждены были питаться, так что знакомые с трудом узнавали их. Всего было пятьдесят три избирателя, двадцать три кардинала и тридцать представителей государства, для которых было приготовлено пятьдесят три комнаты, распределенные по жребию. Им было запрещено общаться с другими избирателями в течение конклава, а также с друзьями извне, даже подаваемые им через окошко блюда тщательно проверялись на предмет незаконных писем или посланий. Глашатай объявил, что никто не может подходить к конклаву ближе определенного расстояния; под страхом отлучения было запрещено грабить дом того кардинала, который будет избран Папой. В Риме был обычай считать имущество избранного кардинала трофеем под предлогом того, что став во главе всех богатств, он ни в чем не нуждался. У ворот конклава император и вельможи стояли на страже день и ночь и пели гимн «Veni Creator», но негромко, чтобы не помешать размышлениям. Выборы заняли более короткий срок, чем обычно требовалось для избрания на папский престол. Французские и испанские члены конклава отстаивали Папу своей национальности, но обсуждение пресекли немецкие избиратели, которые отдали свои голоса за итальянского кандидата, и дело закончилось выборами Отто из самого знатного и старинного дома Колонны. Так как его выборы совпали с праздником св.Мартина Турского, он принял имя Мартина V. Платина, не очень щедрый на фимиамы Папам, хвалит его рассудительность, великодушие, любовь к справедливости, сообразительность в управлении делами и

нравами. Виндек, один из личных советников Сигизмунда, говорит, что во время правления императора, кардинал Колонна был бедным и скромным, но Папа Мартин был скупым и чрезвычайно богатым.

Спустя несколько часов после выборов по той же дороге, по которой вели закованными в кандалы Гуса и Иеронима, шла совсем другая процессия. Папа отправлялся на церемонию возведения на престол. Он ехал верхом на белой лошади, покрытой богатой красной попоной. Аббаты и епископы, одетые в белые шелковые одежды, верхом сопровождали этот кортеж. Лошадь понтифика вели под уздцы, идя пешком, справа император Сигизмунд, а слева курфюрст Брандербургский. Таким образом, он был препровожден в кафедральный собор, где сидя на возвышении, был помазан и наречен Мартином V.

Богемия стала одним из первых предметов беспокойства вновь помазанного Папы. Движение, в котором Уиклифф был проповедником, а Гус и Иероним – мучениками, быстро росло. Папа бросил против него отлучение, но он знал, что мог использовать другое, более впечатляющее оружие, кроме духовного, прежде чем он надеялся уничтожить его. Он призвал императора предоставить папскому престолу более существенные доказательства своей преданности, чем ведение его лошади под уздцы на торжественном служении. Папа Мартин V обратился к Сигизмунду и всем королям, принцам, герцогам, баронам, рыцарям, государствам и державам христианского мира, заклиная их «ранами Христа», объединить оружие и уничтожить «эту кощунственную и проклятую страну». Были обещаны обычные награды - венцы и хорошие места в раю – тем, которые проявят большую ревность против отвратительной ереси, пролив больше всех чешской крови. Увещеваемые таким образом, император Сигизмунд и несколько соседних немецких государств были готовы принять участие в крестовом походе. Чехи увидели, что на их границе собирается ужасная буря, но не испугались.

Пока буря надвигается на Прагу, в последний раз вернемся в Констанц; там мы находим собор вполне удовлетворенным и завершившим свое дело к всеобщей радости и похвале, так как он установил порядок в христианском мире. Он уничтожил ересь, отправив на костер Гуса и Иеронима. Он исцелил раскол низложением противоборствующих Пап и выборами Мартина V. Он поразил стрелой недовольство чехов, что избавит от дальнейших неприятностей с их стороны; и в результате этих грандиозных мер можно ожидать эпоху спокойствия в Европе и папского величия. Оглушенный своим хвастовством, собор не обратил внимания на подземный гул, который предвозвещал грядущее землетрясение во всех странах. В 1418 году, 18 апреля, Папа издал буллу, «объявившую окончание собора, и разрешившую всем вернуться по домам». На прощание он даровал всем участникам «полное прощение грехов». Если только половина того, что было

записано о делах отцов, было действительным, то эта доброта Папы Мартина должна была представлять огромный чек на сокровища церкви; но, несомненно, это позволило отцам уехать домой в хорошем настроении.

Папа отслужил свою последнюю мессу в кафедральном соборе 15 мая и на следующий день отправился в Италию. Французские прелаты умоляли его учредить свой престол в Авиньоне, эта просьба отвергалась его предшественниками ни один раз. Папа сказал им, что «они должны подчиниться здравому смыслу и необходимости, так как весь мир признает его преемником св.Петра, он должен по справедливости сидеть на престоле апостола; и так как римская церковь является главой и матерью всех церквей, совершенно необходимо, чтобы понтифик находился в Риме, как хороший капитан должен быть на корме, а не на носу судна». Прежде чем мы обратимся к трагическим событиям, на пороге которых мы стоим, давайте бросим взгляд на кричащую пышность, сопровождавшую отъезд Папы в Рим. Со слов Райхенталя: «Сначала вели под уздцы двенадцать лошадей под алыми попонами, затем следовали верхом четыре рыцаря с кардинальскими шапочками на пиках. За ними шел священник с золотым крестом, а потом священник со святыми дарами. Далее шли двенадцать кардиналов в красных шапочках, за ними священник верхом на белой лошади, раздавая причастие мирянам под балдахином, окруженным людьми с горящими свечами. За ними шел Жан де Сюсе, богослов из Вестфалии, с золотым крестом, в окружении каноников и городских сенаторов со свечами в руках. Наконец появился Папа в папском облачении верхом на белом коне. На голове у него была тиара, украшенная множеством драгоценных камней; над его головой держали балдахин четыре графа, а именно Эберхард, граф Нелленбурга, Уильям, граф Монзерата, Берхольд, граф Урсина и Джон, граф Тирштайна. Император держал папскую лошадь справа, за ним шел Людвиг, герцог Баварский из Ингольштада, державший край лошадиной попоны. Курфюрст Брандербургский держал папскую лошадь под уздцы слева, а за ним Фредерик Австрийский исполнял то же, что и Людвиг Ингольштадский. С обеих сторон еще четверо вельмож держали попону лошади. За Папой следовал вельможа, несший зонтик на случай дождя или солнца. За ними верхом следовало все духовенство и вся знать в таком количестве, что очевидцы насчитали не менее сорока тысяч, не считая пеших, сопровождавших процессию. Когда Мартин V приехал к воротам города, он сошел с коня и заменил священническое облачение на пурпурное. Он также сменил головной убор, а прежний одел на одного прелата, чье имя не упоминается. Затем он снова сел на лошадь, а вслед за ним император и вельможи, сопровождавшие его до Готтлибена, откуда он по Рейну отправился до Шлаффхаузена. Кардиналы и остальной двор следовали за ним по суше, а император с вельможами вернулись в Констанц».

Оставив Мартина в его путешествии в Рим, обратим вновь свое внимание к Праге. Бедная Богемия! Несчастья одно за другим приходят на нее. Два самых ее

выдающихся сына сожжены на костре; Папа обрушил на нее отлучение; император собирает силы, чтобы захватить ее; а трусливый Вацлав малодушен, чтобы ответить на оскорбление, нанесенное королевству. Граждане были разрознены, так как в их негодовании у них не было ни советника, ни руководителя. В этой критической ситуации для страны и армии восстал замечательный человек. Его звали Ян из Троцнова, но он больше был известен под прозвищем Жижка, что значит одноглазый. Обстоятельства его рождения говорили о его необычной судьбе. Однажды в дни жатвы его мать отправилась навестить жнецов в отцовском имении, по дороге у нее начались схватки, и она родила сына в поле под дубом. Ребенок вырос, обучился военному искусству, проявил себя в войнах с Польшей, и, вернувшись на родину, стал камердинером при дворе короля Вацлава. Во дворце беззаботного монарха с утра до вечера были званые обеды и пирушки, и Жижка охотно принимал участие в непристойных прихотях и шумных компаниях своего господина. Но ему не было уготовано окончить свою жизнь столь постыдно.

Потрясение, связанное с мученической смертью Гуса, всколыхнуло всю страну, и не оставило равнодушным Жижку. Веселый придворный вдруг стал задумчивым. Его видели расхаживавшим с задумчивым лицом и сложенными на груди руками по длинным коридорам дворца, у окон, выходившим на широкою реку Влтаву, на башнях Праги и на равнине, простиравшейся до горизонта, где был зажжен костер для Гуса. Однажды монарх увидел его в задумчивом настроении. «Что такое?» - спросил Вацлав, удивившись увидеть кого-то во дворце с печальным лицом. «Я не могу терпеть оскорбление, нанесенное Констанцем смертью Яна Гуса Богемии» - ответил гетман. «Что пользы беспокоиться об этом? Ни у тебя и ни у меня нет средств, чтобы отомстить за это. Но – продолжал король, несомненно, думая, что приступ Жижки скоро пройдет – если ты сможешь призвать императора и собор к ответу, я даю тебе мое разрешение». «Очень хорошо, милостивый государь, - ответил Жижка – не могли бы вы дать это разрешение в письменном виде?» Вацлав, который любил пошутить, и, посчитав, что такой документ не принесет вреда в руках того, у кого нет ни друзей, ни денег, ни солдат, дал Жижке то, что он просил с королевской печатью.

Жижка, который принял разрешение не в шутку, а всерьез, ждал благоприятной возможности. И она вскоре представилась. Папа разразился буллой о крестовом походе против гуситов. По всей Богемии прокатились волнения, и особенно в столице Праге. Горожане собирались, что договориться о мерах отмщения за оскорбление достоинства страны и защиты находившейся под угрозой независимости. Жижка с королевским разрешением неожиданно появился среди них. Горожане воодушевились, когда увидели столь знатного человека, который, как они думали, с одобрения короля поставлен их возглавить; они решили, что Вацлав был на их стороне, и будет поддерживать их движение. Однако они ошиблись.

Право, которое они получили, было результатом малодушия, а не одобрения короля. Фракции с каждым днем все более озлоблялись. Волнения и убийства начались в Праге. Сановники укрылись в ратуше, их настигли там и выбросили из окна на копья повстанцев. Король, услышав новости о мятеже, был так взволнован, не известно от страха или от гнева, что с ним случился удар, и он умер через несколько дней.

Глава 14 - Начало гуситских войн.

Начинается война. – Причастие под обоими видами. – Первый успех. – Турки. – Призыв Жижки. – Вторая победа гуситов. – Император осаждает Прагу. – Отступление. – Второе отступление. – Императору отказано в короне Богемии. – Мужество гуситов. – Влияние их борьбы на реформацию шестнадцатого века.

После того, как Вацлав умер, а королева перешла на сторону католиков, волнения возобновились. Всю неделю, днем и ночью, шло сражение между католиками и гуситами на мосту через Влтаву, ведущему к королевскому замку. Немало крови было пролито, церкви и монастыри были разграблены, монахи выгнаны, а в некоторых случаях убиты. Это могло плохо кончиться для восставших чехов. Император Сигизмунд, брат покойного Вацлава, заявил о своих правах на корону Богемии. Ярый сторонник Рима, ради которого он навлек на себя вечный позор тем, что сжег человека, пообещав ему безопасность, был готов ударить без всякого страха или угрызений совести. Он шел на Прагу, чтобы подавить бунт и завладеть короной. Пусть лучше пропадет корона, чем она будет на голове того, кто подвергся двойному позору, как деспот и как предатель. Чехи решили сопротивляться, и буря готова была разразиться. Первым нанес удар Сигизмунд.

Кампания, которая продолжалась восемнадцать лет, и была ознаменована воинственностью бойцов, кровавыми побоищами и замечательными, можно сказать, сверхъестественными победами, увенчавшие армию гуситов, началась из-за следующего инцидента: гуситы договорились собраться на Михайлов день (1419г.) на равнине недалеко от Праги, чтобы провести Евхаристию. В этот день около 40 000 людей из всех окрестных городов и деревень, как говорят, собрались в назначенном месте. Были поставлены три стола, святые дары были принесены и положены на них, священник освятил их и раздал всем причастие под обоими видами. Все было предельно просто, столы не были даже накрыты, на священниках не было облачения, у людей не было оружия, они пришли как паломники с дорожными посохами. После окончания они сделали сбор пожертвований, чтобы возместить ущерб человеку, на чьей земле они провели собрание, и договорившись встретиться снова с такой же целью накануне дня св.Мартина, они разъехались, большинство поехало в сторону Праги, куда вернулись ночью с зажженными факелами. Таково свидетельство очевидца, Бенезия Хорзовича, ученика и друга Гуса, и как сказал иезуит Бальбиний: « хотя он и еретик, его свидетельству можно доверять».

Об этом деле стало известно, и второе собрание не прошло так гладко, как первое. Сотни людей были уже в пути, как и раньше, без оружия, а только с посохами, когда им сообщили, что войско императора ждет их в засаде. Они остановились и послали

гонцов в города в их тылу с просьбой о помощи. Небольшой отряд солдат был отправлен им на помощь, и в последующем сражении превосходящая имперская кавалерия отступила. После сражения паломники со своими защитниками пошли в Прагу, в которую вошли под радостные крики. Это было первое сражение с войсками императора, и победа осталась за чехами.

Рубикон был перейден. Чехи должны были углубиться в конфликт, которому предназначено было принять такие размеры, о которых не предполагала ни одна из сторон. Турки, не планируя, пришли им на помощь. Они атаковали императора Сигизмунда с противоположной от чехов стороны. Это разделило силы императора и ослабило фронт против Жижки. Если бы не этот внешне счастливый, а на самом деле предопределенный случай, гуситское движение было бы разгромлено, не успев сформироваться. Быстрый и патриотичный вождь гуситов увидел выгоду для себя, и поспешил сплотить всю Богемию, прежде чем император сбросит мусульман, и вооруженные отряды Германии, подчинившись папскому призыву, обрушатся на его маленькую страну. Он издал манифест, подписанный «Жижка-чашник», в котором он взывал как к религиозным, так и патриотическим чувствам соотечественников. «Подражайте – писал он – вашим предкам, древним чехам, которые всегда защищали дело Божие и свое собственное. Мы собираем армию отовсюду, чтобы сражаться против врагов истины и губителей нашей страны, я прошу вас передать вашему проповеднику, чтобы он в своих проповедях призывал людей идти на войну с антихристом, и все, стар и млад, должны быть готовы к этому. Я также хочу, что, когда я буду с вами, не было бы недостатка в хлебе, пиве, пище и фураже, и чтобы вы имели хорошее оружие. Помните о первом столкновении, как вас было мало против множества, невооруженные против хорошо вооруженных. Рука Господа не сократилась. Мужайтесь и будьте готовы. Пусть Господь укрепит вас! – Жижка-чашник, с упованием на Бога, вождь таборитов».

Это обращение было встречено взрывом энтузиазма. Со всех сторон Богемии, из городов, деревень и сельской местности, жители собирались под знамена Жижки на гору Табор. Эти поспешно собравшиеся люди было плохо обучены и еще хуже вооружены, но последний недостаток восполнялся неожиданным образом.

Не успели они выступить в сторону столицы, как повстречали отряд императорской кавалерии. Они взяли его в плен и разоружили. Трофеи врага принесли им необходимое оружие, и теперь они были вооружены. Окрыленный второй победой, Жижка во главе многочисленного войска, скорее, дивизии, чем армии, вошел в Прагу, где праведность дела Гуса и сопровождавшая его слава были омрачены жестокостью по отношению к противникам. Многие католики поплатились своей жизнью, около пятисот церквей и монастырей было захвачено согласно папским и протестантским историкам. Монахи особенно подверглись

нападению из-за оппозиции Гусу. Их монастыри в Праге и по всей Богемии были разграблены. Они были величественными. Эней Сильвий, хотя и был привычен к огромным сооружениям Италии, отзывался с восхищением о количестве и красоте Богемских монастырей. За короткое время они были полностью разорены, их огромные сокровища, состоявшие из золота, серебра и драгоценных камней, проделали долгий путь для уплаты военных расходов.

То, что императора, поддерживаемого силами всей Империи и влиянием всей церкви, можно было победить, не умещалось в сознании людей. И становилось очевидным, что гуситы не были презренными противниками, как считал Сигизмунд. Он считал благоразумным договориться с турками, чтобы на свободе разделаться с Жижкой.

Собрав армию из 100 000 человек разных национальностей, как писали тогдашние историки, он пошел на Прагу, находившуюся в руках гуситов, и осадил ее. О силе осаждавшей армии можно судить по количеству и рангу командиров. При императоре, который был, конечно, главнокомандующим, было пять курфюрстов, два герцога, два ландграфа и более пятидесяти немецких вельмож. И такое великое войско, под таким командованием, было постыдно разбито. Граждане Праги под предводительством Жижки прогнали их с позором от своих стен. Империалисты отомстили за свое поражение злодеяниями, совершенными при отступлении. Пожары, грабежи и убийства отмечали их путь, так как в каждом чехе они видели гусита и врага. Вторую попытку захватить Прагу император сделал в том же году (1420г.) только для того, чтобы подвергнуть себя и армию империи позору во второй раз. Отход захватчиков опять был отмечен актами насилия. Эти победы прославили имя Жижки, и укрепили веру и мужество последователей. Неудивительно, что умы их разгорячились, увидев бегство императорской армии. Гора Табор, где развевалось знамя Жижки, стала, как они думали, центром земли, более святой, чем Сион, более неуязвимой, чем Капитолийский холм.. Она должна была стать центром и престолом вселенской империи, чтобы благословлять народы праведными законами, а также гражданскими и религиозными правами. Армия Жижки росла по другой причине. По Богемии распространился слух, что все города и деревни (за исключением пяти) будут поглощены землетрясением, и так как в это предсказание поверили, города были оставлены, и многие жители пришли в лагерь, посчитав, что лучше бороться под предводительством храброго и удачного Жижки, чем ждать мрачного и бесславного погребения от злого рока, надвигавшегося на их родные деревни.

На этом этапе чехи созвали сейм в Чаславе (1421г.), что обсудить дальнейшее положение дел. Первым стоял вопрос о низложении короны. Они объявили Сигизмунда недостойным ее, и решили предложить ее польскому королю или одному из его вельмож. Второй вопрос касался условий заключения мира. Четыре

следующих пункта они считали обязательными в этом вопросе и твердо придерживались их во всех переговорах, с императорскими или церковными властями. Вот они: 1.Свободная проповедь Евангелия. 2.Причастие под обоими видами. 3.Секуляризация церковной собственности с оставлением необходимого содержания для духовенства. 4.Исполнение законов, направленных против любых преступлений, совершенных мирянами или клириками. Далее сейм учредил регентский совет правительства королевства, состоявший из феодалов, знати и горожан, с Жижкой во главе. Император Сигизмунд направил в сейм предложения, обещая подтвердить их права и компенсировать ущерб, если они признают его своим королем, и угрожал им войной в случае отказа. Сейм с презрением отнесся к обещаниям и угрозам императора. В ответ они негодующе отклонили его предложения, напомнив Сигизмунду о нарушении своего слова относительно охранной грамоты, и что он обличил себя участием в убийстве Гуса и Иеронима, встал на сторону врагов Богемии, издав буллу об отлучении, которой Папа разразился против их родины, и поднял немцев на ее захват.

Война возобновилась. Она была отмечена обычными сопровождавшими войну действиями – грабежом, осадой, оставленными полями и заброшенными ремеслами. Борьба была ужасной, и трудности огромными. Маленькая страна боролась одной рукой с многочисленной армией и разными народами империи. Такую борьбу чехи никогда бы не смогли выстоять, если бы не вера в Бога, Который помогал им, как они верили, в их праведном деле. Никто из тех, кто внимательно изучал чудесный ход этой кампании, не мог не увидеть, что им посылалась такая помощь. Победа всегда была на стороне гуситов. Жижка выигрывал один бой за другим; и, не говоря уж о характере дела, чьим сторонником он являлся, он заслужил успех, сопутствовавший ему, героическими подвигами на полях сражений и превосходными способностями как полководец. Он добивался преимущества перед армией императора более искусными маневрами, он заставал их врасплох и ставил в тупик неожиданной и умелой тактикой. Его имя стало крепким оплотом для его друзей и ужасом для его врагов. С каждым днем его слава росла, а с ней и уверенность солдат в нем и себе. Они забывали о трудностях, и с каждым днем шли вперед с удвоенным мужеством, чтобы встретиться с врагом на поле и добиться новых и более славных побед.

Дело, за которое они боролись, освящало их поведение в лагере, и ставило их выше страха перед смертью. На маршах впереди них шли пастыри, несшие высоко чашу, символ, которым они побеждали. Перед сражением всем солдатам раздавалось причастие под обоими видами, и они шли в боя с пением гимнов. Дух, в котором гуситы сражались, а также и их исповедников, был совершенно новым для армии того времени. В арьергарде армии шли женщины, которые ухаживали за больными и ранеными, а в случае необходимости трудились на бастионах.

Давайте сделаем паузу в трагическом повествовании. До сегодняшнего дня к гуситам никогда не относились справедливо. Их дело характеризовалось эпитетами осуждения и ненависти со стороны их современников. И это неудивительно. Но и последующие поколения плохо понимали значение их борьбы, и неохотно признавали достижения для всего христианства. Пора снять бесчестие с этой борьбы, под которым она находилась. Гуситы являются в истории первым примером народа, добровольно объединившегося в святом завете, чтобы утвердить право на поклонение Бога согласно велению совести. Да, они утверждали это право мечом, но в этом их нельзя было винить. У них не было права выбирать оружие для священной войны. Папское отлучение, захват страны армией императора не оставили им иного выбора, кроме плотского оружия. Но неохотно обнажив мечи, гуситы использовали их с такой благой целью, что враги надолго запомнили урок. Их борьба проложила путь для спокойного появления реформации на сцене шестнадцатого столетия. Если бы гуситы не воевали и не проливали кровь, людям бы той эпохи пришлось более упорно сражаться, чтобы начать великое движение. Карл V долго держал руку на мече, прежде чем осмелился вынуть его, помня об ужасных последствиях гуситских войн для тех, кто их развязал.

Глава 15 - Гений Жижки как полководца.

Слепота Жижки. – Гуситский стиль военных действий. – Вагенбург. – Железные цепы. – Успехи. – Смерть Жижки. – Горе соотечественников.

Наши возможности не позволяют рассказать подробно о многих битвах, в которых Жижка проявил свою храбрость. Он был одним из самых выдающихся полководцев всех времен. Кохли, который был к нему недоброжелателен, писал, принимая во внимание все факторы: его слепоту, крестьян, который он превратил в солдат, и трудности, с которыми он столкнулся, что Жижка был самым великим из всех полководцев. В результате несчастного случая он в детстве потерял один глаз. При осаде Раби он потерял другой, и совсем ослеп. Но его выдающийся талант в умение дислоцировать армию, направлять ее движение, предвидеть неожиданные ситуации и решать любые проблемы, вместо того, чтобы ослабнуть в результате трагедии, казалось, укрепился и возрос, так как только тогда полностью раскрылись его полководческие способности. Перед началом действия он призывал нескольких ближайших офицеров и просил их описать характер местности и положение противника. Он давал быстрые распоряжения, как будто интуитивно. Он предвидел ход битвы и последовательность маневров, обеспечивавших победу. В то время как армия сражалась при свете дня, великий полководец, управлявший ею, находился под пологом темноты. Но его внутренние глаза внимательно следили за полем сражения, за каждым движением на нем. Этот слепой исполин, без глаз подобно Самсону, но со свободными руками в отличие от него, наносил врагу быстрые, мощные и безошибочные удары, и, разгромив их, возвращался с поля с победой.

Немало способствовали такому замечательному успеху новые способы обороны, использовавшиеся Жижкой в сражении. Он давал своим солдатам преимущество сражаться под укрытием стен и бастионов, в то время как враги были открыты. Этот вид боя применялся восточными и нормандскими племенами, у которых научились поляки, а Жижка, в свою очередь, научился у них, когда был на войне. Он состоял в следующем: повозки для провианта соединялись одна с другой крепкими железными цепями, и вытягивались в линию на передовой. Такое укрепление называлось вагенбургом; расставленная по кругу, эта стена из дерева ограждала иногда всю армию. За первым бастионом сооружался второй из высоких деревянных щитов солдат, воткнутых в землю. Такие передвижные стены были труднопреодолимой преградой для немецкой кавалерии. Верхом на тяжелых лошадях с пиками и боевыми топорами, они должны были пробиваться через двойное ограждение, прежде чем приблизятся к чехам. Все время, когда они рубили повозки, чешские лучники осыпали их стрелами, и уже поредевшими рядами и с меньшей силой они могли вступить в бой с врагами.

Даже после того, как они преодолевали двойное заграждение с большими усилиями и потерями, они опять оказывались в невыгодном положении, так как их вооружение едва позволяло им на равных сражаться с примитивно, но грозно вооруженными противниками. Чехи были вооружены длинными железными цепами, «молотилами», которыми они размахивали с огромной силой. Они редко промахивались, и когда ударяли, то цеп сокрушал медный шлем, череп и прочее. Кроме того у них были длинные пики с крюками, которыми они стаскивали на землю немецких всадников и расправлялись с ними. Захватчики обнаруживали, что они проникали сквозь двойное укрепление только для того, чтобы их стащили с лошади и убили. Кроме многочисленных стычек и осад, Жижка принял участие в шестнадцати крупных сражениях, из которых выходил победителем.

Жизнь этого выдающегося человека закончилась неожиданно. Он не пал от меча, его дыхание не остановилось на поле битвы, он был поражен чумой во время осады Пржибыслава, и умер 11 октября 1424 года.

Горе его солдат было велико, в какой-то момент они даже отчаялись, думая, что со смертью вождя они все потеряли. Богемия погребла своего великого воина с более глубокой и всеобщей печалью, чем она погребала своих королей. Жижка сделал свою маленькую страну великой, прославил ее оружие в Европе, он сражался за веру, которую теперь исповедовало большинство населения Богемии, и его рукой Бог смирил высокомерие той власти, которая пыталась втоптать в грязь их убеждения и совесть. Он был погребен в соборе Часлава, как он завещал. Соотечественники воздвигли мраморный памятник на его могиле с его скульптурой и надписью, перечисляющей его заслуги и подвиги. Возможно, наиболее памятной является его большая железная булава, висящая на его могиле.

Чех иезуит Бальбиний, который видел много портретов Жижки, говорит о нем, как о человеке среднего размера, с широкой грудью и плечами, большой круглой головой и орлиным носом. Он одевался по польской моде, носил усы, брил голову, оставляя только чуб темных волос, как было принято в Польше.

Глава 16 - Второй крестовый поход против Богемии.

Прокоп – избранный вождь. – Война возобновилась. – Новое вторжение в Богемию. – Битва при Усти. – Полное поражение и истребление захватчиков. – Баллада, описывающая битву.

Гуситы потеряли великого вождя, но успех не оставил их. Умирая, Жижка назвал своим преемником Прокопа, и его выбор, подтвержденный результатами, свидетельствует о том, что его знание людей не уступало мастерству в сражении. Когда чехи положили Жижку в гроб, они с надеждой осмотрелись вокруг, ища равного ему на его место. В Прокопе они нашли еще более великого, хотя слава его была меньше. И неудивительно. Несколько выдающихся качеств, не пропорционально развитых, могут потрясти мир больше, чем много гармонично развитых. Прокоп был сыном бедного дворянина. Кроме отличного образования, о котором позаботился его дядя по материнской линии, сделавший его своим наследником, он также много путешествовал по другим странам, в частности в Святую землю. Его вкус развился и знания обогатились тем, что он видел и узнавал заграницей. По возвращении он поступил в церковь, поддавшись на уговоры дяди, не по собственному желанию, поэтому его иногда называли «имеющим тонзуру». Но, когда разразилась война, он встал на защиту страны, оставив церковь, и встав под знамена Жижки. Он также был предан делу, как и Жижка. Если дух его не был таким пылким, как у Жижки, это не значило, что он был менее храбрым, он был более уравновешенным. Жижка был солдатом и полководцем, Прокоп кроме этого был еще и государственным деятелем.

Враги гуситов узнав, что Жижка умер, но, не зная, что на его место пришел еще более великий человек, думали, что наступил благоприятный момент для нового удара. Они в тайне надеялись, что победа теперь будет на их стороне. Они не понимали, что кровь Гуса и Иеронима отягощала их мечи. С этим ужасным слепым воином, от которого они много раз спасались бегством, они никогда не встретятся в бою. Со справедливой Властью, орудием которой был Жижка, карая за измену, заключавшуюся в нарушении охранной грамоты Гуса и сожжения его тела на костре, они, конечно, встретятся на полях сражений в Богемии, против которой обнажили мечи. Но об этом они пока не знали, и поэтому решили возобновить войну, которая с этого часа станет успешной для них.

Из Рима поступил новый призыв к оружию. Император, которому начинали не нравиться частые поражения, не торопился возобновлять кампанию. Чтобы вдохновить и поощрить его, Папа написал правителям Германии и польскому королю, прося их объединить оружие с Сигизмундом, и нанести удар, который положит конец раз и навсегда этому причинявшему беспокойство делу. Он писал,

что турки, по сравнению с гуситскими еретиками, были меньшими врагами христианства; более важно и похвально попытаться полностью уничтожить чешских бунтарей, чем сбросить мусульман.

За письмом вскоре последовала булла, призывавшая к новому крестовому походу против гуситов. В добавлении к письму, которое Папа отправил польскому королю, призывая его уничтожить чешскую ересь, он послал двух легатов для наблюдения за выполнением его пожеланий. Он также приказал архиепископу Львовскому собрать в своем диоцезе 20 000 золотых дукатов в помощь королю для ведения войны. Понтифик написал о том же литовскому герцогу. Есть булла того же Папы, Мартина V, адресованная архиепископам Майнца, Трира, Кельна, и подтверждавшая указ Констанцского собора против гуситов и других партий, на которые они распались.

При первом громе приближавшейся бури различные группировки гуситов объединились. После смерти Жижки они разделились. Были табориты, признававшие вождем Прокопа, «сиротки», которые в лице Жижки потеряли отца и не признавали никого вместо него, и были чашники, которыми командовал Корибут, претендент на чешскую корону. Но меч, занесенный над их головами, напомнил, что у них одна страна и одна вера. Они забыли о своих различиях перед лицом опасности, угрожавшей им, встали бок обок и ждали врага.

Все ответили на призыв понтифика. Армия, приближавшаяся к этой преданной стране, насчитывала не менее 70 000 вооруженных воинов, а по другим сведениям 100 000. У них было 3 000 повозок и 180 пушек. В субботу, 15 июня 1426 года, они вошли в Богемию тремя колоннами, идя в направлении Усти, который осаждали гуситы, и который находился на большой равнине между Дрезденом и Топлицом, на границе славянского и немецкого миров. В Шаббат утром, когда они подошли к гуситскому лагерю, Прокоп послал захватчикам предложение о пощаде для пленных с обеих сторон. Немцы, которые не думали о необходимости пощады для себя, отказали гуситам в просьбе, сказав, что те находятся под проклятием Папы, и поэтому пощада для них значила нарушение долга перед церковью. «Пусть будет так, - ответил Прокоп – пощады не будет никому».

В Шаббат 16 июня перед полуднем началась битва. Чехи расположились за 500 повозками, скрепленными цепями, и образовавшими огромный вал. Немцы стремительно атаковали. Они прорвали первую линию обороны, разрубив боевыми топорами железные связки повозок, и прорвались через них. Напирая, они прорвали и вторую более слабую линию, состоявшую из деревянных щитов, вкопанных в землю. Они оказались внутри ослабленными усилиями при прорыве. Чехи ждали их, иногда стреляя из арбалетов по врагу, пробиравшемуся сквозь повозки. Но теперь, когда они были лицом к лицу с врагом, они подняли боевой клич, замахали ужасными цепами, бросились с длинными крюками, и, стащив немцев с лошадей,

расправлялись с ними на земле. Захватчики наступали ряд за рядом, но только для того, чтобы попасть в кровавую бойню на этом роковом месте. Битва продолжалась весь день. Немецкие рыцари сражались с большим мужеством и упорством на земле скользкой от крови и усыпанной трупами их товарищей. Но их отвага была напрасной. Чешские ряды почти не поредели; немцы каждую минуты находились под обстрелом и еще более ужасными ударами железных молотил, которые сокрушали злополучных воинов. День окончился полным поражением захватчиков, которые в замешательстве покинули поле сражения и укрылись в ближайших горах и лесах.

Пленным предоставлялась пощада, но они сами перед битвой отказались от пощады. Двадцать четыре графа и барона воткнув мечи в землю и преклонив колени перед победителями, молили сохранить им жизнь. Но тщетно. В одном месте было обнаружено триста убитых рыцарей. Потеря немцев убитыми согласно Палацкому, чья история Богемии основывается на исторических документах, в чьей подлинности никто не сомневается, составила пятнадцать тысяч. С ранеными и пропавшими без вести общая сумма составила пятьдесят тысяч, число, которое приведено в чешской балладе, часть которой будет представлена. Немецкая знать понесла огромные потери, почти все ее правители полегли на этом поле. Из гуситов на поле пали только тридцать человек.

Победителям достались богатые трофеи. Все повозки, артиллерия, палатки и большой запас продовольствия и монет попали им в руки. «Папа – говорили гуситы с иронией – должен проклясть немцев за то, что они обогатили еретиков несметными богатствами». Но основным достижением этой победы стал авторитет гуситов. С этого дня их армию считали непобедимой.

Народные поэты Богемии прославили эту великую победу в песнях. Следующий отрывок не похож на баллады, которые увековечивают память битв нашей страны. В диалоге, смешанным с описанием, в пикантных вопросах и резких ответах есть свидетельство очевидца битвы. Вот только часть духовной поэмы, для которой мы нашли место.

Возможно ли, чтоб чех забыл,

Как Бог Всевышний их хранил,

Он дал при Усти победить,

В борьбе, чтоб веру сохранить.

В год тысяча четырехсот

двадцать шестой настал день тот.

Воскресный день, когда с утра
Пришли немецкие войска
На поле битвы посмотреть,
Как будут чехи там терпеть
Опасность, горе, смерть и гнет,
А им, то радость принесет.
Но мы к Всевышнему пришли,
И Богу славу вознесли,
Кто нам помог Своей рукой
Прогнать немца с земли родной.
В войне баварской вождь был сам,
Досталось там нашим врагам,
Которых Рим послал служить,
И верующих всех убить.
Полны печалью все сердца,
К вождю с посланьем шлют гонца:
«Что может вера устоять,
Если в единстве бой принять».
Предвидя, граф Мейнца сказал:
«Чтоб чех союза не создал,
И чтоб нам бед не испытать,
Их будем порознь держать.
Когда их цепы вижу я,
Охватывает страх меня.
Их парни смелы и крепки,
Крушат своих врагов главы».
Наш воевода Ян сказал:

«Кто на войну Божью восстал,
В ком нет коварства, честь хранит,
Того Господь благословит».
Тогда же в пятницу с утра
По-чешски служба там прошла,
Вкусили тело, кровь Христа,
Чтоб в вере быть им до конца.
Так Сигизмунд же поступил,
В слезах он Господа молил,
И выстоять бойцов призвал,
Народ страны он утешал.
Близ Предлиц, на Бегань горе,
Две армии сошлись в борьбе;
Вот немцы там, а чехи здесь,
Как львы, готовы врага съесть.
И громко немец восклицал,
Чтоб веру чех свою предал,
Прося пощады, ниц упал,
Иль здесь на поле жизнь отдал.
«Пред нами вам не устоять,
Пред королем вам мертвым пасть;
Смотри как много нас; Кто вы?
Бочонок маковых семян – все мы».
Смогли так чехи отвечать:
«Нам веры нашей не предать,
Страну мы защитим свою,
Хоть встретим смерть в этом бою.

Вы видите, что мало нас,
Горчицы ложка мы для вас,
Кусаться больно можем все,
Ведь с нами наш Христос в борьбе.
Пусть будет договор меж нас,
Кто пленников возьмет в сей час,
Связать лишь их, не убивать,
Мы так же будет поступать.
«Так делать нам не надлежит,
Проклятие на вас лежит,
Мы всех убьем, что будет сил,
И старых и юнцов – ответ их был.
И чехи также поступать
Решили: пленников не брать.
Вот каждый чех Бога призвал
И в Его руки жизнь предал .
В миг орды немцев на конях
Нахлынули, как вал в морях.
Сказали: «Всех врагов убьем,
Как гусей, пикой, топором.
Не будет уж у многих жен
Мужей и братьев, будет стон.
И горе ждет тогда сирот,
Отец из боя не придет.
Перед началом битвы той
Воззвали чехи все с мольбой
Ко Господу и вот вдали

Узрели рыцарей они.
Все табориты шли вперед,
Сражаться шел смелый народ.
А где идут «сиротки» в бой,
Кровь вражья льется там рекой.
Мощь рыцарей была видна,
Сражались храбро господа,
Всех трудно перечесть имен,
Господь, благослови их дом!
Боролись до конца они,
На смерть в бою отважно шли,
Чтоб правду Божью защитить,
С Тобой на небе, Господь, быть.
Бой долго шел, а ветер дул,
И против немцев повернул,
Увидел чех их спины враз,
В леса и горы скрылись с глаз.
А те, кто спасся от резни,
Их женам с грустию рекли:
« За веру выстоять смогли,
Богемские еретики».
Четырнадцать графов, князей
Сошли со своих все коней,
Мечи свои в землю вонзив,
Пощады у врагов просив.
Глухи они были к мольбам,
И равнодушными к деньгам,

Но, как самих их, был ответ:

Пощады никому здесь нет.

Их тысяч пятьдесят легло,

Возможно, больше их число,

Кроме юнцов, кто не в строю,

Чтоб известили бы свою

Царицу, как ее рабы

На поле пали в час борьбы,

Чтоб Усти всем не забывать,

Понять, что Бог дал побеждать.

Все христиане верные!

Все рыцари и граждане!

Отцов держитесь веры вы,

Как настоящие сыны!

И стойте в истине всегда,

Чтоб быть во славе Господа,

Потомков Он благословит,

Жизнь вечную вам Бог дарит!»

Глава 17 - Блестящие успехи гуситов.

Еще один крестовый поход. – Его предводитель, епископ Винчестерский. – Крестоносцы. – Паника. – Трофеи, захваченные гуситами. – Сигизмунд ведет переговоры о короне. – Провал переговоров. – Гуситы вторгаются в Германию и Австрию. – Папская булла. – Новый крестовый поход. – Паника и бегство захватчиков.

Не успела эта буря пронестись над гуситами, как еще более страшная накатывалась на верную страну. На следующий год (1427) еще больший крестовый поход, чем тот, который закончился так бесславно, был организован и начат. Это вторжение, как и прежнее, было инициировано Папой, но на сей раз, он обратил свой взор к новой стране за руководителем. Он вряд ли мог найти какого-нибудь немецкого князя, желавшего возглавить кампанию после того печального опыта, который имела немецкая знать в чешской войне. Англичане в то время прославились во Франции, и почему бы им, думал Папа, еще раз не прославиться, и заодно не послужить церкви, обернув свое оружие против еретиков Богемии? Кто знает, может быть, воинственные норманны могут знать, как разрушить чары, обеспечивавшие победу гуситским знаменам, хотя тевтонцам не удалось узнать секрет.

Папа Мартин согласно своей идее, выбрал Генриха де Бьюфора, епископа Винчестерского, сына знаменитого Джона Гонта, брата Генриха IV, в качестве подходящей личности, кого можно было отличить знаком доверия. Он сначала сделал его кардиналом, затем своим легатом, сопроводив почетное положение такой же почетной миссией, которая была трудной, но могла при выполнении принести ему славу. Короче, Папа поставил его во главе нового Богемского крестового похода, к которому он призвал в булле, изданной в Риме 16 февраля 1427 года. Папа отправил эту буллу Генриху Винчестерскому, который должен был немедленно восполнить необходимые средства, солдат и успех.

Епископ, став легатом, издал в Англии буллу, поддержавшую крестовый поход, не сомневаясь, что он тут же увидит тысячи восторженных воинов, стремившихся сражаться под его знаменами. Он был оскорблен, когда всего лишь несколько англичан изъявили желание принять участие в деле, несомненно, святом, но и, несомненно, кровавом. Бьюфор переправился через море в Бельгию, где его ждала большая удача. В древнем и очень религиозном городе Мехлине он опубликовал буллу и ждал результатов. Это было все, что мог желать воинственный легат. Но с того дня, как голос Петра отшельника поколебал западные страны и бросил массы фанатиков на неверных в Палестине, ни на какие воззвания они не реагировали. Вся огромная область, простиравшаяся от Рейна до Эльбы, от Балтийских берегов до Альпийских гор, казалось, поднялась на голос этого нового Петра. Под его

знаменами собралось многонациональное войско, состоявшее из горских пастухов, городских ремесленников и торговцев, крестьян, обрабатывавших поля, и вельмож, владевших ими. Современники писали, что армия состояла из девяноста тысяч пехотинцев, и такого же количества кавалерии. Конечно, в те дни не велся точный учет армий и стран, но, несомненно, что в четвертом походе было гораздо больше участников, чем в предыдущем. Было достаточно мечей, чтобы уничтожить всех еретиков Богемии.

Под командованием трех курфюрстов Империи, многих князей и графов, во главе с папским легатом, войско вышло в поход навстречу, как они думали, предопределенной им победе. Оно нанесет такой сокрушительный удар, который восполнит все прошлые поражения, и не позволит больше ереси поднимать голову в святой римской империи. Сами размеры угрожавшей гуситам опасности помогли им сплотиться против нее. Многие католики, которые до этого выступали против протестантов, но чья любовь к родине возобладала над убеждениями, встали под знамена великого Прокопа. Завоеватели вторглись в Богемию в июне 1427 года и расположились перед городом Мейсс, который собирались осадить.

Чехи вышли навстречу завоевателям. Они были уже в поле зрения, две армии разделяла только река, протекавшая мимо Мейсса. Крестоносцев было гораздо больше, но вместо того, чтобы перейти реку и сойтись в бою с гуситами, ради которых они пришли сюда, они, молча, смотрели на воинов, чьи черты огрубели от непогоды, закоптились от дыма и пыли сражений. Они представили себе картины ужасов, которые рисовало их воображение задолго до того, как они столкнулись с ними в реальности. Лишь несколько мгновений смотрели они на ряды гуситов. Внезапная паника охватила их. Они повернули и в замешательстве обратились в бегство. Легат как будто пробудился ото сна. Его старания и надежды в тот момент, когда, как он думал, должны были увенчаться победой, неожиданно рассеялись. Гуситы, стремительно войдя в реку, и выбравшись на противоположный берег, наседали на отступавших сзади, нещадно убивая. Кровопролитие усилилось с приходом крестьян, мстивших врагу за опустошения, произведенные им при наступлении. Трофеи были так велики, что вряд ли был хоть один человек из любого места Богемии, который бы вдруг не стал богатым.

Папа утешал оскорбленного Генриха де Бьюфора, послав ему сочувственное письмо (2 октября 1427 года), в котором намекал, что вторая попытка может иметь лучший исход. Но легат, который узнал, что если учение гуситов и было лживым, то мечи были остры, и не желал вмешиваться в это дело. Не хотел и император Сигизмунд. Все еще претендуя на чешскую корону, но, не осмеливаясь добиваться ее оружием, он решил попробовать дипломатию. Чехи, видевшие пропасть, отделявшую их и императора, открывшуюся костром Гуса и расширившуюся

кровопролитием развязанных им войн, отказался от его правления. Таково было отношение, по крайней мере, большинства народа. Но Прокоп неохотно воспринимал надежды на мир, в котором очень нуждалась истекавшая кровью страна. Он сражался на полях за права чехов и веру гуситов. За них он готов был умереть. Но он стремился по возможности к честным и надежным условиям, чтобы завершить эти ужасные войны. С такой надеждой он собрал чешский сейм в Праге в 1429 году, и заручился их согласием на поездку в Вену, чтобы лично изложить императору условия чешского народа.

В основном, это были все те же четыре статьи, изложенные в предыдущей главе, и которые гуситы в открытой борьбе объявили неизменной основой любых возможных переговоров, а именно: свободная проповедь Евангелия, причастие под обоими видами, правильное распределение церковной собственности и наказание по закону всех, кто его нарушает. Вероятность того, что такой фанатичный монарх, как Сигизмунд, согласится на эти условия, была мала. Но путешествие было в десять раз длиннее и шансы в десять раз меньше; Прокоп сделал бы, что он хотел, если бы он смог перевязать раны своей страны. Это можно было предвидеть. Сигизмунд не стал слушать голос страдающего, но благородного и благочестивого народа. Прокоп вернулся в Прагу, и хотя его миссия не была выполнена, он испытывал удовлетворение от того, что протянул оливковую ветвь, и что, если опять придется обнажить мечи, то пролитая кровь будет у дверей тех, кто отверг попытки к справедливому и разумному миру.

Гуситы приняли оскорбление на свой счет, и все страны, которые вели войны в Богемии, испытали бедствия на их собственных землях. Прокоп вторгся в Германию в 1429 году во главе 80 000 войска, и в этой кампании и следующих летних кампаниях он одерживал победы от ворот Магдебурга на севере до самых дальних границ Франконии на юге. Вся западная Европа ощутила тяжесть его меча. Сотни городов и замков были превращены в груды развалин, он получил огромный выкуп от больших городов, он заставил баронов и епископов выплатить суммы равные цене за избавление от плена или смерти. Такие города, как Бамберг и Нюрнберг, и такие правители, как курфюрст Бранденбургский и епископ Зальцбургский были обложены налогом каждый в 10 000 дукатов. Это была огромная сумма денег по тем временам, так как золотодобывающие страны не были еще открыты, и добыча этих шахт еще не снизила цену драгоценных металлов на рынках Европы. Армия Прокопа возвращалась домой с 300 повозками, груженными бесчисленными трофеями.

Мы пишем об этом вторжении, не оправдывая и не осуждая его. Если бы мы осуждали, то нам бы следовало принять во внимание характер эпохи и обстоятельства. Чехи были окружены народами, яростно ненавидевших их и не хотящих жить с ними в мире.

Но надо признать, что прочный мир и более высокие интересы нации могли бы быть лучше гарантированы, в конечном счете, политикой, направленной на интеллектуальный, душевный и особенно духовный подъем Богемии. Героизм нации не может поддерживаться без сохранения ее душевного и духовного состояния. Источник мужества находится в сознании. Сознание делает из человека труса или героя. Так как гуситы жили в постоянном напряжении военных лагерей, сражений и побед, их нравственная и духовная жизнь не могла не деградировать. Если, веря в руку Божию, которая так чудесно руководила их страной и даровала победы на полях сражений, и которая прогнала их врагов, пришедших огромными полчищами, в их страну; если верить в эту руку Божию, то они распространили не только свои мечи, но и свои взгляды по всей Германии. Они не только самым лучшим способом отомстили Германии, но и той, сидящей на семи холмах, которая вызвала и направила против их народа все те бури, разразившееся одна за другой. Этих вторжений римская церковь боялась больше всего. Она трепетала не перед людьми, одетыми в кольчугу, а перед людьми, одетыми в броню истины, правившими не мечом, а Писанием. Но нужно помнить закон критицизма и судить о гуситах по тому времени, в котором они жили.

Не их вина, что пятнадцатый век не дал им той ясной и хорошо сформулированной системы истины, и тех огромных возможностей для распространения ее по всей земле, как девятнадцатый век дал нам. Их праведность и патриотизм были равны, даже превосходили наши, но этические принципы, регулировавшие проявление этих добродетелей, не были достаточно развиты. Прокоп, великий чешский вождь, жил в то время, когда миссионерство не было известно.

Вся Германия содрогалась. Даже в Риме чувствовалась тревога, так как оружие гуситов наводило ужас на всю Европу. Папа и император совещались о том, как можно закрыть источник опасности, угрожавший христианству разрушением, и который они в недобрый час сами открыли. Они созвали сейм в Нюрнберге. На нем решили начать новую кампанию против Богемии. Папа, не Мартин V, который умер от апоплексического удара в 30 февраля 1431 года, а Евгений IV, наследовавший ему 16 марта, объявил через своего легата, кардинала Джулиана Чезарини, пятый крестовый поход. Никаких обычных льгот не было предложено в качестве стимула этого похвального, но рискованного служения. Лица, находившиеся под обетом паломничества в Рим или к св.Иакову в Компостеллу, в Испанию, могли быть освобождены от него при условии, если отдадут деньги, предназначенные для этого в помощь войне. В награде не нуждались те, кто не мог воевать, они изъявляли желание молиться. Крестоносцы могли исповедоваться за пол чешского пенса, и даже без уплаты такой ничтожной суммы. Исповедникам было предписано отпускать грехи даже за самые страшные преступления, такие как, поджег церквей

или убийство священников, чтобы крестоносцы могли идти на битву с чистой совестью. И действительно они нуждались в таком укреплении, когда думали о тех, с кем им предстоит сражаться, так как думали, что в каждом чехе был легион бесов, и было нелегко встретиться с таким врагом. Но чтобы не случилось, о безопасности крестоносцев надо было позаботиться. Если они погибнут в бою, то сразу попадут в рай, если выживут, то получат рай на земле за счет трофеев, собранных, как они полагали, в Богемии, и будут богатыми.

Кроме духовной приманки, в груди каждого немца жива была память о недавнем гуситском вторжении, оставившем след в их стране. Опустошенные поля и разрушенные города возбуждали желание мести. Кроме того, немецкая доблесть пострадала от поражения за границей и бед на родине, и неудивительно, что тевтонцы ухватились за возможность стереть пятна с герба родины. Каждый день прибывали войска к месту сбора, городу Нюрнбергу, и армия насчитывала 130 000 конных и пеших.

В 1431 году 1 августа крестоносцы пересекли чешскую границу, пройдя сквозь густой лес, покрывавший Баварию. У них было прекрасное командование, состоявшее из целой армии светских и духовных вельмож. Главным среди них был легат Джулиано Чезарини. Сам католик Кохней намекает, что эти кардиналы и архиепископы могли бы найти более достойное занятие, и сомневается, что практика появления священников в кольчуге во главе войска может быть оправдана левитами в древности, которые специально освобождались от служения в армии ради служения в скинии. Можно представить состояние гуситов, получавших день за днем известия о численности, снаряжении и приближении войска. Ужасные тучи собирались на небе, но они увидели Всемогущую руку, рассеявшую их. Они, как и раньше, были готовы стоять плечо к плечу, чтобы защищать свою страну и веру, но армия, которую они могли тогда выставить для сражения, была в два раза меньше той, которая приближалась. Они понимали, что победа не всегда была на стороне большого войска, и, устремив глаза к небу, они спокойно ждали приближение врага. Захватчики продвигались «воспевая триумф до победы», как пишет Ленфан, и, прибыв в Таас, остановились там на неделю. Ничего не могло быть лучше для чехов. Построившись в две колонны, захватчики двинулись вперед. При их приближении Прокоп отступил назад, сея слух, что чехи поссорились между собой и убегают. Его план состоял в том, чтобы заманить врага вглубь страны и напасть на него со всех сторон. Утром 14 августа чехи выступили навстречу врагу. Враги начали понимать стратегию против них. Ужасные гуситские солдаты, которые, как думали, убежали, были готовы вступить в бой.

Враг расположился лагерем около города Розенберг. Гуситов пока не было видно, но шум из приближения был уже слышан немцам. Был отчетливо слышен стук их

повозок и пение военных гимнов всей армией, когда она смело шла на бой. Кардинал Чезарини с помощником взошли на небольшой холм, чтобы наблюдать за предстоящим сражением. Под ними располагалось войско, которое, как они ожидали, будет победителем. Это было впечатляющее зрелище: огромная многонациональная армия с развивающимися знаменами, одетые в кольчуги рыцари, кавалерия в шлемах, длинные вереницы повозок и многочисленная артиллерия. Кардинал со своим другом смотрели на это всего несколько минут, когда неожиданно увидели странное движение в войске. Как будто под ударом невидимой силы, оно распалось и стало рассеиваться. Солдаты бросили оружие и побежали, один в одну сторону, другой – в другую, а возницы, выбросив все из повозок, пустили лошадей в галоп. В ужасе и удивлении кардинал спустился с холма и вскоре узнал причину катастрофы. Армию охватила непонятная паника. Паника была как среди офицеров, так и солдат. Первым побежал герцог Баварский. Он бросил свой экипаж в надежде, что его содержимое привлечет врагов и приостановит преследование. За ним постыдно бежал курфюрст Бранденбургский, а потом все другие ниже рангом, изгоняемые невидимым страхом. А за ними и вся армия, если это можно было назвать армией, которая недавно стройно выступала под знаменами, а сейчас представляла собой убегавшую толпу, не преследуемую никем.

Надо отдать ему должное, так как единственным человеком, не потерявшим голову в тот день, был папский легат Чезарини. Потрясенный, оскорбленный и негодующий, он встал на пути дезертиров, надеясь заставить их остановиться и вступить в сражение. Он обратился к ним в воинском духе, призвав вспомнить славу предков. Если их языческие предки с таким мужеством воевали за немых идолов, то настало время для их потомков показать не меньшее мужество в борьбе за Христа и спасение души. Считая такие доводы высокопарными для данных людей и ситуации, кардинал продолжал давить на обезумевшую толпу более вескими и практичными аргументами. Что они скорее спасут жизнь, если остановятся и вступят в бой, чем убегут, что при отступлении они, наверняка, будут атакованы чешской легкой кавалерией, и в гневе побиты крестьянами, которых они грабили и убивали при наступлении. Такими словами ему удалось собрать несколько отрядов из дезертиров. Но только на несколько минут. Они были тверды, пока чехи не подошли близко, и тогда неизвестный страх напал на них, и давка (выражаясь современным языком) была настолько неуправляема, что сам кардинал был сметен толпой обезумевших людей. Многое кардинал потерял в этом вынужденном бегстве. Во-первых, и главных, он потерял предвкушаемую победу, в которой был уверен. Он повторил опыт своего предшественника, легата Генриха де Бьюфора. Было ужасное пробуждение, когда он открыл глаза и увидел не славную победу, а унижение и горькое поражение. У Чезарини были и другие потери на этом роковом поле. Он потерял шапочку, крест, колокол, а также папскую буллу, объявившую крестовый

поход, тот самый поход, который имел такой нелепый конец. Трофеи были несметны. Повозки, груженные деньгами для оплаты войска, стали собственностью чехов, кроме этого, трофеи на поле сражения – артиллерия, оружие, знаменны, обмундирование, золотая и серебряная посуда и всякая утварь; а так же, как добавляет с чувством юмора средневековый хронист, «много повозок отличного вина».

Уже во второй раз в гуситских войнах было явление необъяснимой паники. Немцы – смелые люди, они доказали свою отвагу на многих полях сражений. Они выставили против чехов огромное войско, и если бы была паника, то скорее в небольшом чешском войске. Когда они увидели пространство, заполненное до горизонта немецкими конными и пешими воинами, было бы неудивительно, если бы они повернулись и убежали. Но то, что немцы побежали, можно было объяснить только моральным состоянием воинов. Это показывает, что правильное сознание является лучшим оснащением армии, и способствует победе. Но есть еще в этих событиях более значительное, чем мужество, вдохновленное сознанием правого дела, а также слабость и трусость, вызванные злом. Внушение сверхъестественного ужаса – это прикосновение Божьей руки. Так велико было смятение среди крестоносцев, что некоторые из них вместо того, чтобы бежать на родину, повернули назад в Богемию, а другие, вернувшись, домой в Нюрнберг, не узнали родного города и просили о ночлеге, как будто были среди чужих людей.

Глава 18 - Собор в Базеле.

Переговоры. – Базельский собор. – Гуситы приглашены на собор. – Приезд чешских послов в Базель. – Четыре статьи. – Дебаты на соборе. – Нет согласия. – Возвращение послов в Прагу. – Возобновление переговоров. – Компактаты. – Их двусмысленный характер. – Сигизмунд признан королем.

Оружие, которое так плохо послужило Риму, было отложено и уступило место интригам. Стало очевидным, что огромные армии, собранные и вооруженные при затрате больших средств, посылаемые одна за другой в маленькую Богемию, населенную героями, не достигли цели, кроме того, что удобрили землю трупами и обогатили трофеями страну, которую собирались покорить. Были и другие соображения об изменении политики со стороны имперских и церковных властей. Победоносные гуситы перенесли войны на территорию врага. Они выпроводили австрийских солдат из Моравии, вторглись в Венгрию и другие провинции, сжигая города и унося трофеи. Эти действия не могли не открыть глаза папы и императора на преимущество перемирия, которого они до сих пор не видели. В 1432 году они написали чехам письмо в самых дружеских выражениях, намериваясь открыть дорогу к миру и дать императору возможность мирно взойти на трон в королевстве, в котором он родился, как он сказал, и в котором правили его отец, брат и дядя. Как и они, он будет править ими, если ему позволят сесть на престол мирно. Так он обещал.

В Базеле был созван Всемирный церковный собор. Расположенный на границе Германии и Швейцарии, омываемый водами Рейна, окаймленный с востока горами Шварцвальда, а с юга вершинами Альп, этот красивый город стал местом проведения собора, и где спустя век нашли благодатную почву семена реформации. Император в письмах и легат Джулиан пригласили чехов в Базель, чтобы обсудить их мнение. Чтобы склонить их принять приглашения, св.отцы обещали им охранные грамоты на собор и обратно, и гарантии на свободное ведения богослужений во время пребывания, добавив для большей убедительности, что «собор с удовольствием выслушает их доводы».

Гуситы не были вполне уверены, что в результате собора им позволят обнажить мечи для справедливого решения дела. Они также сомневались в гарантиях безопасности. Однако дело стоило труда и риска, и после обсуждения они решили показать свои мирные намерения, приехав на собор. Они избрали своих представителей для Базеля, главными из которых были: Прокоп «Великий», Уильям Роска, доблестный рыцарь барон Поскупеш, пражский проповедник Ян Рокицана и пастор таборитов Николай Галич. Их сопровождал англичанин Питер Пейн, «с

прекрасной сильной волей», - пишет Фокс, который сослужил им хорошую службу в Базеле. Делегация из 300 человек выехала на собор верхом.

В швейцарском городе с большим интересом ждали прибытия чешской делегации. Чудеса, недавно совершенные на ее земле, сделали Богемию страной чудес, необычные рассказа ходили о людях, чьи победы взбудоражили всю Европу. Жители Базеля ждали их прибытия наполовину с интересом, наполовину со страхом, не зная, впустят ли они в город героев или чудовищ. Наконец объявили об их приближении. Все жители Базеля вышли, чтобы увидеть тех, чьи принципы были отвратительными, а оружие ужасным. Люди стояли вдоль улиц, во всех окнах и на всех крышах были группы зевак, даже почтенные отцы собора смешались с толпой, чтобы поскорее увидеть людей, с кем предстояло им вести богословское сражение. Когда кавалькада проехала по длинному деревянному мосту через Рейн, и медленно поднялась на противоположный берег, увенчанный соборами и другими городскими зданиями, ее появление было довольно внушительным. Люди не заметили «львиных зубов и бесовских глаз», которыми характеризовали гуситов те, кто бежал от них с поля сражения, но увидели в них другие качества, хотя и менее редкие, но более достойные восхищения. Их высокие фигуры, величественная осанка, лица в боевых шрамах, горевшие отвагой глаза были предметом всеобщих разговоров. Все глаза были устремлены на Прокопа. «Этот человек, - говорили они один другому – который так часто обращал в бегство армии верных, разрушил так много городов, убил много тысяч людей, - непобедимый храбрец».

До выезда из Праги посланники получили инструкции. Они должны были настаивать на четырех статьях (которые были основой согласия, как упоминалось ранее) в качестве беспрекословного условия мира: 1. Свободная проповедь Слова Божьего. 2. Право мирян на чашу и ведение всего богослужения на родном языке. 3. Отсутствие права у духовенства на светское служение и руководство. 4.Исполнение наказания по закону в любых преступлениях, невзирая на лица. Поэтому, когда делегация появилась на соборе, они дали понять отцам, что будут обсуждать эти четыре статьи, что таковы были убеждения чехов, что народ не давал им права отказываться от их убеждений, но только выяснив, насколько возможно, согласие с этими четырьмя статьями, заложить мирную основу с римской церковью, и позволить католику-сюзерену носить чешскую корону. Они не пришли на собор обсуждать догмы Гуса и Иеронима.

Можно сказать, что эти четыре статьи представляли новую конституцию чешского королевства. Они сотрясали основы римской иерархии и предполагали реформацию в значительной степени. Окончательное укрепление гражданских и религиозных прав страны было бы ее неизбежным результатом. Высший авторитет Писания, которого придерживались гуситы, предполагал эмансипацию сознания,

начало полной свободы. Проповедь Евангелия и ведение богослужения на родном языке означали очищение нравов людей и просвещение их ума. Причащение под обоими видами было практическим отрицанием доктрин мессы, так как настаивать на необходимости чаши при причастии, значит утверждать, что хлеб остается просто хлебом, а не плотью Христа. Статьи, которые лишали священников гражданской власти, смещали их с государственных должностей, и предавали их общему суду. Эта статья ударила по представлению о том, что духовенство составляет особое теократическое царство. Четыре статьи, в том порядке, как они идут, относятся к сфере управления, они не содержат ни одного принципа, ниспровергающего всю систему католицизма. В этом отношении они не достигли программы Уиклиффа, который был до них, и Лютера, который был позже. В Богемии духовные и интеллектуальные силы были менее развиты, а патриотические и военные были на подъеме. Однако надо помнить, что чехи признавали Библию единственным непогрешимым авторитетом; и где этот принцип поддерживался и практически соблюдался, там католическая система расшатывалась. Уберите из суда священника, как непогрешимого оракула, тогда Библия займет его место, и как только войдет Слово Божие, падут оковы человеческого авторитета и традиций.

Кардинал Джулиан, папский легат, открыл заседание длинной и красивой речью примирительного характера. Он призвал делегацию из Богемии к единству и миру, сказав, что «церковь является невестой Христа и матерью всех верующих; что у нее есть права связывать и отпускать, что она чиста и праведна, без пятна или морщины, и что она не может заблуждаться в вопросах спасения. Он призвал их также принять постановления собора, и доверять собору так же, как Евангелию, чей властью Писания признаны и разрешены. А также, что чехи, называющие себя детьми церкви, должны слушать голос своей матери, которая никогда не забывает своих детей,… что во времена всемирного потопа многие погибли вне ковчега, что пасху Господню должны были есть в одном доме, что вне церкви нет спасения, что она является чудесным садом и источником воды, пьющий из которого не будет жаждать вовек; что чехи поступили правильно, ища источник этой воды в соборе, и решились, наконец, приклонить свое ухо к матери».

Чехи ответили кратко, сказав, что они никогда не исповедовали и не учили тому, что не основано на Слове Божьем, что они прибыли на собор, чтобы открыто доказать свою невиновность, и в конце положили на стол четыре статьи, на которых они основывали условия мира.

Каждая из этих статей стала, в свою очередь, предметом обсуждения. Несколько членов собора были выбраны, чтобы подвергать их сомнению, и несколько чехов были определены, чтобы защищать их. Отцы прилагали все усилия, чтобы увести представителей в обсуждение большой темы католицизма. Они предполагали

одержать легкую победу над людьми, чья жизнь проходила на полях сражений; так как если бы гуситы были сбиты с толку в общем споре, то они бы уступили и по четырем статьям. Но они не склонились на уступки, ни по общим вопросам католицизма, ни по четырем статьям. Где бы они ни изучали богословие, они показали себя такими же стойкими воинами в зале заседаний, как и на поле сражений, они управляли доводами и аргументами с таким же умением, как и солдатами; и отцы поняли, что Рим добьется такой же победы в духовном сражении, как и в военных кампаниях. Дебаты тянулись на протяжении трех утомительных месяцев, и в конце этого периода собор был так же далек от согласия с четырьмя статьями, а чешские представители были так же далеко от убеждения, что они должны были отказаться от них, как и в первый день дебатов. Это нисколько не оскорбляло отцов, тем более что это было противоположно тому, что они с уверенностью предполагали. Они думали, что гуситы могли находиться в своих заблуждениях в той тьме, которая нависла над Богемией, но то, что в Базеле среди выдающихся полемистов и блеска вселенского собора они отстаивали свои взгляды, было скорее чудом, чем оскорблением собора. Особенно величественно держался на дебатах Прокоп. Он был не только воином, но ученым и богословом, отцы наблюдали со смешенным чувством восхищения и досады, как он владел логикой не хуже, чем мечом, и мог наносить такие же сокрушительные удары в религиозной сфере, как и в военной. «Вы придерживаетесь многих еретических убеждений, - сказал ему однажды папский легат. Например, вы считаете нищенствующие ордена бесовским изобретением». Если Прокоп допустит это, как вероятно думал легат, то нанесет смертельное оскорбление собору, а если будет отрицать, то возмутит всю свою страну. Легат ждал, на какой рог напорется вождь таборитов. «Можете ли показать, - ответил Прокоп – что нищенствующие ордена были учреждены патриархами или пророками Ветхого Завета, или Иисусом Христом, или апостолами Нового Завета? Если нет, то и я спрошу вас: кем они были учреждены?» Мы не находим, чтобы легат продолжил обвинение.

После трех месяцев бесплодных дебатов чешские послы покинули Базель и вернулись на родину. Собор не пошел бы на уступки, если бы чехи не предали веру Гуса и безоговорочно не подчинились бы римской церкви. И хотя, если бы чехи, покоренные и в оковах, распростерлись бы у ног собора, он бы не смог предложить им ничего более унизительного. Они забыли, что чехи были победителями, и, что именно собор просил мира. Они увидели дело в таком свете, когда послы уехали, так как послали вслед за ними предложение о возобновлении в Праге переговоров, прерванных в Базеле.

Стараясь избежать необходимости опять обнажать свои мечи и пощадить свою страну от бедствий, вызванных пусть даже победной войной, чешские вожди послали ответ собору с просьбой прислать своих послов в Прагу. Много

вооруженных послов приходило в Прагу или ближайшие города, насколько позволяло мужество ее героических сынов; и вот, посланники мира отправились в страну Яна Гуса. Давайте, сказали чехи, проявим уважение и будем учтивы по этому случаю так же, как мы были смелы и непреклонны ранее. Горожане надели лучшие одежды, звонили колокола, были вывешены флаги на башнях, крепостных стенах и воротах, все говорило о радушном приеме делегации собора.

Богемский сейм (1434г.) был созван по тому же вопросу. Переговоры прошли на берегах Молдавы более гладко, чем на берегах Рейна. Переговоры закончились компромиссом. Пришли к согласию принять четыре статьи гуситов, но право на их толкование, то есть определения их точного значения, должно было принадлежать собору, другими словами Папе и императору. Итак, был достигнут договор между католиками и гуситами, в основе которого лежали четыре статьи в толковании собора, соглашение, которое, очевидно, в будущем обещало богатый урожай непонимания и споров. Это соглашение было названо Компактатами. С четырьмя статьями гуситов случилось то же самое, что и с Библией – Рим принял их, но оставил за собой право на определение их истинного значения. Можно было предвидеть, что законом станут Интерпретации, а не Статьи. Так этот понял Эней Сильвий, отличный знаток намерений собора. «Формулировка собора коротка, - писал он – но в ее значении заключено больше, чем в словах. Она запрещает любые взгляды и обряды, чуждые церкви, и обязывает чехов исповедовать и отстаивать то, что исповедует и отстаивает католическая церковь». В ней особенно говорилось об истолковании собором статьи гуситов о причастии под обоими видами. Духовник должен был научить причащающегося согласно постановлению собора, что в чаше и в хлебе – весь Христос. Это была завуалированная интерпретация пресуществления.

Компактаты были слабой гарантией вероисповедания и прав чехов; в действительности, это была капитуляция обоих. Таким образом, Папа и император, проигравшие во многих кровопролитных сражениях, наконец, победили в дипломатическом сражении. Многие чехи, особенно из партии чашников, опять стали подчиняться папскому престолу, так как им была гарантирована чаша; а император Сигизмунд был признан законным правителем Богемии.

Глава 19 - Последние события чешской реформации.

Две партии, чашники и табориты. – Компактаты признаны первыми и отвергнуты вторыми. – Война между двумя партиями. = Смерть Прокопа. – Возродила бы чешская реформация христианство? – Сигизмунд нарушает Компактаты. = Он умирает. – Его характер. – Иржи Подебрад. – Выбранный король. - Табориты. – Приезд Энея Сильвия. – Гонения. – Рукоположение таборитов. – Рост их общин.

Теперь чехи разделились на две, заметно отличающиеся и отделенные партии, табориты и чашники. Такое разделение существовало еще сначала, но оно увеличилось с ослаблением напряжения великой борьбы. Табориты были партией, которая в основном сохраняла дух Яна Гуса. Их первой задачей была защита веры, а второй – защита гражданских прав и привилегий. Они считали, что последние находятся в безопасности под эгидой первой. Чашники, с другой стороны, стали равнодушными, когда борьба велась только за веру. Они считали разрыв страны с римской церковью излишне глубоким, и начали проводить политику сближения. Они сохранили чашу, как они думали, не понимая, что с ней получили и пресуществление, и теперь спор должен был прекратиться. К партии чашников принадлежали самые богатые феодалы, самые крупные города, чье мнение перевесило в пользу Компактат. На эти весы было также положено влияние Рокицана, пастыря чашников. «Он соблазнился на сан епископа» пишет Каменский, и использовал свое влияние, как в Базеле, так и Праге для дальнейшего перемирия на условиях более выгодных Риму, и менее почетных для чехов. «Таким образом, - пишет Каменский – они перестали идти по следам Гуса и вернулись в лагерь антихриста».

Давая оценку поведения чехов в этой критической для них ситуации, нужно помнить, что события происходили в пятнадцатом веке; что непримиримые расхождения между двумя церквями не были еще четко и ясно сформулированы, как это случилось позже, в следующем веке, в результате яростных споров. Но чехи, пойдя на такое соглашение, отступили от беспримерно высоких духовных позиций. Их военные кампании были самыми героическими и блестящими во всем мире. Небольшая страна с небольшой армией в то время побеждала силы римской церкви и имперские армии. Им приходилось проявлять стойкость, единство, стараться, чтобы патриотизм, зажженный на алтаре, не угас; и не было в Европе силы, посмевшей напасть на них. После того, как чехи приняли Компактаты, их престиж упал, они больше не одерживали побед; настроение общества и национальный подъем стали идти на убыль.

Чашники приняли, а табориты отвергли это соглашение. Результат был плачевный – обе партии призвали к оружию. Они всегда обнажали мечи против

общего врага, чтобы прибавить новую славу к уже имеющейся славе, но, сейчас, увы, разделенные той силой, чей обман в сто раз превосходил ее оружие, чехи подняли меч на чехов. Чашники были более многочисленной партией, и они не были среди инакомыслящих, а все были католиками. Табориты оставались под командованием Прокопа, который, хотя и очень хотел прекратить войну и дать стране отдохнуть, но не пошел на перемирие на условиях, которые, как он считал, могут стать роковыми для веры и свобод. Он ясно видел, что Богемия встала на скользкий путь. На нем были еще большие уступки и унижения. Враг, перед которым она начала смиряться, не удовлетворится, пока не расхитит всего, что она завоевала на полях сражений. Чтобы не видеть этого унижения, Прокоп отправился еще раз на поле сражения во главе вооруженных таборитов.

Кровавые столкновения ознаменовали начало конфликта. Наконец, две армии встретились в тяжелом бою на равнине у Липан в двенадцати милях от Праги 29 мая 1434 года. В бою, в котором яростно сражались обе стороны, побеждал Прокоп, но с поля неожиданно ушел командир кавалерии со своим отрядом. Это решило исход дела. Прокоп, собрав самых отважных солдат, ринулся в гущу врага, противостоя какое-то время превосходящим силам, но потом был опрокинут. С разгромом Прокопа окончились гуситские войны.

Превосходный полководец, опытный богослов, настоящий ученый и неподкупный патриот, Прокоп был предан делу Богемии, пока Богемия была верна себе. Эней Сильвий Пикколомини писал о нем, что «он пал, скорее устав от завоеваний, чем завоеванный». Его смерть подтвердила слова императора Сигизмунда о том, что «чехов могут победить только чехи». С ним пало и дело гуситов. После потери своего великого вождя табориты не могли найти достойную замену; согласно чашникам, они одним ударом поразили Прокопа и заковали их в цепи. Едва ли все хотели, чтобы жил этот великий патриот. Героические дни Богемии были сочтены, наступали зловещие дни, которые бы не принесли радости Прокопу. Он видел Богемию единой и непобедимой. Он видел убегающих могущественных королей и сильные армии. Он видел, как расцветало искусство, литература и сельское хозяйство его страны, так как умственная энергия, вдохновленная войной, не ограничивалась военным лагерем, но изливалась и насыщала все интересы народа. Пражский университет оставался открытым, его аудитории были полны на протяжении всего бурного периода. Обычные школы так же активно действовали, и образование повсеместно распространялось. Эней Сильвий пишет, что все женщины у таборитов были хорошо знакомы с Ветхим и Новым Заветами; он неохотно видел хорошее у гуситов, но не мог не признать, что у них было одно достоинство, а именно, «любовь к знанию». В то время нередко встречались трактаты, написанные ремесленниками, обсуждавшие религиозные предметы и отличавшиеся отточенным стилем и силой мысли. Все это видел Прокоп.

Но теперь Богемия сама вырыла могилу для своих свобод в Компактатах. И когда все, что было дорого Прокопу в Богемии, должно было положено в гроб, ему тоже лучше было сойти в могилу.

Некоторые спросят, что было бы, если чехи бы выстояли? Возродила бы гуситская реформация христианство? Мы склонны сказать, что нет. У нее не было достаточно сильного принципа, чтобы сдвинуть сознание человечества. Чешская реформация касалась, в основном, порочности римской церкви, не ее доктрин, а ее управления. Если бы устранение этого было достигнуто, Богемия согласилась бы принять Рим в качестве истинной и апостольской церкви. Реформация Лютера, с другой стороны, касалась в первую и главную очередь порочности каждого человека. Это пробуждало сознание. «Как я, пропащий грешник, могут получить прощение и жизнь вечную?» Это было первым вопросом реформации Лютера. Так как Римская церковь не могла снять бремени с сознания, и так как ее господство было деспотичным, а священники отвратительны, люди вынуждены были покидать ее. Для них это было вопросом жизни и смерти. Они должны были бежать из того общества, в котором, если бы остались, навеки погибли бы. Если бы Гус и Иероним были живы, то чешская реформация перешла бы в более высокую форму, но с их смертью ушла надежда, после них не было никого равного им по дарованиям и праведности, и чешское движение вместо того, чтобы пустить корни вглубь, становилось все более поверхностным. Фактически, его успех мог бы обернуться несчастьем для христианства, так как дал бы ему реформированный католицизм, задержав приход более чистого движения на несколько веков.

Смерть Прокопа, как мы уже говорили, заметно изменила положение дел. С ним умерла значительная доля энергии и жизнестойкости, которые неизменно подкрепляли чехов в решительной борьбе с армейскими и церковными врагами, и таким образом, дело постепенно заглохло.

Императору Сигизмунду позволили взойти на чешский престол, но прежде он должен был поклясться соблюдать Компактаты и уважать права нации (12 июля 1436 года). Ненадежная гарантия! Чехи вряд ли ожидали, что человек, нарушивший обещание, данное Гусу, выполнит их условия. «Заключая сделку с еретиками, - пишет Эней Сильвий – император уступил по необходимости, желая завладеть короной любой ценой, чтобы вернуть своих подданных в истинную церковь». Так и получилось, потому что как только император укрепился на престоле, он забыл о Компактатах и своей клятве, и начал восстанавливать господство римской церкви в Богемии. Открытое предательство вызвало бурю негодования; страна была на грани войны, и это бедствие было предотвращено лишь смертью императора в 1437 году, спустя немногим более года после признания его королем Богемии.

Рожденный царствовать, не лишенный удела, одаренный неплохими качествами, он мог бы счастливо жить и славно править. Но все его дарования были испорчены узколобым фанатизмом, который заставил его пасть к ногам духовенства. Костер Гуса стоил ему двадцати лет войны. Его жизнь прошла в трудах и опасностях. Он никогда не знал покоя, он никогда не вкушал победы. Он многое пробовал, но, ни в чем не преуспел. Он подавлял мятежи искусством хитрости и обманными обещаниями, довольствовался получением мгновенного преимущества ценой несмываемого позора. Его дед, Генрих VII увеличил состояние своего дома и богатство империи, противостав папскому престолу; Сигизмунд уменьшил и то, и другое, став его орудием. Несчастья с годами увеличивались. Он избежал трагического конца в результате неожиданной смерти. На его могиле не было скорбящего благодарного народа.

Прошло несколько неспокойных лет. Первый раскол чешского единства в результате отклонения от веры никогда не был преодолен. Чашники вскоре поняли, что Компактаты были просто иллюзией и оставались на бумаге. Монарх отказывался править согласно их постановлениям. Обращаться к ним как к хартии своих прав означало подвергать себя позору. Базельский собор, конечно, поставил на них свою печать, но Папа отказался взглянуть на них и немедленно аннулировал. Наконец, во время несовершеннолетия короля Владислава Иржи Подебрад, глава чашников, стал регентом короля, и благодаря своим талантам и честным ведением дел дал вздохнуть уставшей стране. После смерти юного монарха Подебрад был избран королем. Он боролся, чтобы превратить Компактаты в реальность, восстановить прежние права и вернуть Богемии былую славу; но понял, что час благоприятной возможности прошел, и он не мог преодолеть сложившихся трудностей. Он очень надеялся, что Эней Сильвий, который принял тиару под именем Пия II, будет более уступчивым относительно Компактат, чем его предшественник. В качестве секретаря Базельского собора он составлял проект этого документа; и Подебрад полагал, как само собой разумеющееся, что он как Папа утвердит то, что разработал как секретарь. Он был обречен на разочарование. Пий II отрекся от собственной работы и разразился анафемой на Подебрада (1463 г.), пытавшего править согласно своим принципам. Преемник Энея на папском престоле, Павел II, шел по его следам. Он снова осудил Компактаты, анафематствовал Подебрада как отлученного еретика, чье правление было пагубно для человечества, и объявил крестовый поход против него. В исполнении папской буллы иностранная армия вторглась в Богемию, и она снова стала театром сражений, осад и кровопролития. Подебрад прогнал захватчиков, но не смог восстановить внутренний мир в стране. Монахи вернулись, и махинации священников постоянно возбуждали враждебные чувства между партиями. Он удержал трон, но его силы были слабы, его жизнь была под угрозой, и его правление сопровождалось многими распрями, пока совсем не прекратилось в 1471 году.

Остальные годы столетия прошли в подобных бедствиях, после этого история Богемии сливается с общим потоком реформации.

На минуту остановимся на другой ветви чешского народа, Сигизмунд проявил к ним, когда он взошел на трон, терпимое отношение, с которым обычно относится победитель к тем, кого презирает. Он дал им город Табор с прилегающими землями, разрешив свободное исповедование веры на своей территории, и взыскав взамен небольшой налог. Они занимались ремеслом и вели жизнь горожан. После того как они сменили мечи на орала, их земли расцвели как сад. Прекрасное возделывание земли свидетельствовало об их мастерстве земледельцев, так же как их победы свидетельствовали об их отваге воинов. Однажды путешествуя по Богемии, Эней Сильвий пришел к их воротам, и хотя «эти нечестивые люди» не верили в пресуществление, он предпочел остановиться на ночлег у них, чем ночевать в открытом поле, где, как он признавался, мог быть подвержен нападению разбойников. Они оказали будущему Папе самый радушный прием, и относились к нему со «славянским гостеприимством».

Приблизительно в 1455 году табориты образовали церковь под названием «Чешские братья». Они смотрели вокруг: заблуждения наполнили землю; все, как чашники, так и католики нуждались в очищении, «зло было неизлечимо». Так они рассуждали; поэтому они решили отделиться от других и строить истину с основания. Этот шаг сделал их заклятыми врагами, как чашников, так и католиков. Они стали объектом жестокого преследования, при котором пострадали больше, чем во время гуситских войн, сражаясь вместе со своими соотечественниками. Рокицана, который до сих пор поддерживал их, отвернулся и даже разгневался на них; а Подебрад запятнал свою честь как патриота и честного правителя жестоким преследованием, направленном против них. Они рассеялись по лесам и горам, селились по логовищам и пещерам; и в этих жилищах они старались готовить еду ночью, чтобы дым не выдал их убежищ. Собравшись вокруг костра в этих подземных укрытиях в зимнюю стужу, они читали Слово Божие и объединялись в общей молитве. Временами, когда снег был глубоким, и надо было отправляться за провизией, возвращаясь, они веткой заметали за собой следы, чтобы враги не могли обнаружить их укрытия.

Были ли они единственными свидетелями истины на земле, или были другие товарищи по вере и терпению в ожидании царствия Иисуса Христа? Они отправляли посланников в разные христианские страны для сбора сведений. По возвращении посланники говорили, что тьма окутывает всю землю, но, тем не менее, то там, то здесь они находили отдельных исповедников истины, несколько в одном городе, несколько в другом, являясь также предметом преследования, как и они, что в Альпах была древняя церковь, которая основывалась на Писании и протестовала

против идолопоклонничества римской церкви. Такие сведения радовали таборитов; они начали переписываться с этими исповедниками и ободрились, узнав, что Альпийская церковь имеет то же вероисповедование, форму рукоположения и порядок богослужения. Вопрос о рукоположении вызывал у таборитов затруднение. Они вышли из римской церкви, у них не было епископа, как сохранить преемственность пасторов, которых Христос назначил в церкви? После глубоких размышлений «они успокоили умы», пишет Каменский, заключением о том, что «рукоположение пресвитера пресвитером – законно». Они продолжали действовать согласно своему умозаключению, но в несколько новой форме. В 1467 году их руководители, числом около семидесяти человек, из Богемии и Моравии, встретились на равнине недалеко от города Рицгнава. Смиряясь со слезами и в молитвах перед Богом, они решили воззвать к Всеведующему Богу по жребию об определении для них пасторов. Путем голосования они выбрали из своей среды девятерых мужей, из которых нужно было выбрать троих для рукоположения. Затем они отдали двенадцать бланков или избирательных листков в руки мальчика, ничего не знавшего об этом деле, и сказали ему раздать списки уже избранных девяти человекам. Из двенадцати избирательных листков три были пустыми, а на трех было написано слово Est, то есть «Это воля Божия». Мальчик раздал листки, и они увидели, что три листка со словом Est получили следующие люди: Матвей Кунвальд, «один из самых праведных людей», Томас Пржелаус, «очень образованный человек» и Илья Крженов, «отличавшийся великими делами». Обряд рукоположения этих троих совершил Стефан, Вальденский пастор из Вены на Роне. Они радовались этому, как общественному признанию их единства с Вальденской церковью.

Смерть Подебрада и вступление на престол польского принца Владислава в 1471 году принесло им освобождение от преследований. За обретенным спокойствием последовал рост их общин. Их жребий был брошен в недобрый день, но они знали, что должно исполниться определенное число лет тьмы. Они помнили слова, впервые произнесенные Гусом, и повторенные Иеронимом, о том, что должно пройти сто лет, прежде чем пробьется дневной свет. Эти слова для таборитов были подобны словам Иосифа для израильских колен в доме рабства: «Я умираю, но Бог посетит и выведет вас». Это пророчество подкрепляло их надежду во время ночи гонений, и в самый темный час их глаза были обращены к горизонту, как у людей, ждущих рассвета. Год проходил за годом. Столетие заканчивалось, в Богемии и Моравии было 200 церквей «Братства». Праведному остатку, избежавшему разрушительной силы огня и меча, было позволено увидеть рассвет того дня, о котором предсказывал Гус.

Ольга Крубер-Федорова

История протестантизма Уайли

Книги четвертая и пят. Христианство в начале шестнадцатого столетия..

Глава 1 - Протестантизм и средневековье.

Прежнее общество не годиться. – Новые народы появились на сцене. – Их способность к прогрессу. – Реформация не была возможна до шестнадцатого века. – Средневековье оживает. - Конфликт. – Неравенство. – Победа.

Мы попадаем в шестнадцатый век. Тысячи лет Великий Правитель находится среди войн, национальных революций, становления новых, более славных доктрин, чем были когда-либо ранее. Прежнее общество было так ослаблено рабством и развращено политеизмом, что не было способно нести тяжесть новой системы. Была сделана попытка возвести новую систему взглядов на старом фундаменте, но она окончилась неудачей. К четвертому веку Евангелие, радушно воспринятое греками и римлянами, начало приходить в упадок, фактически было очень искажено. Было видно, что древние племена не могли достичь полной зрелости христианства и цивилизации. Они постоянно возвращались к старым моделям и устоявшимся понятиям. Им недоставало способности адаптироваться к новым формам жизни, подчиниться водительству великими принципами. Что нужно было сделать? Нужно ли было оставить здание, которое Бог намеревался воздвигнуть, из-за того, что не было достаточно прочного и надежного основания? Должно ли было христианство оставаться незаконченным сооружением или скорее руинами, какими увидели его четвертый и пятый века?

Ответ на этот вопрос был получен, когда врата Севера открылись, и новые отважные племена, пришедшие из глухих районов Германии, проникли в Южную и Западную Европу. Невидимая Сила шла впереди этих племен, и поместила их – гуннов, вандалов, бургундцев, франков и ломбардов – в ту часть христианского мира, который больше всего подходил для роли, предназначенной им сыграть в великой драме, первым актом которой было искоренение законов, религии и правления старого мира. Та же Сила, которая вывела их из дальних родных мест, выбрала для них несколько мест для жительства, продолжала наблюдать за их развитием, формированием языка, развитием литературы и искусств, законов и управления, и таким образом, медленно на протяжении столетий был заложен прочный фундамент для нового порядка. У этих племен не было прошлого, чтобы озираться на него. У них не было устных традиций и обрядов, которые они боялись нарушить. На них не было никакого заклятия, как на греках или латинянах. Они свободно могли вступить на новый путь. Дерзкие, отважные и свободолюбивые, они упорно шли вперед, шаг за шагом, через конвульсии десятого века, интеллектуальное пробуждение двенадцатого, книжное возрождение пятнадцатого, вперед, к великому, духовному движению шестнадцатого.

Итак, мы пришли к великой духовной эпохе. Будет полезно временно прервать повествование и взглянуть на устройство Европы, особенно отметить дух ее политики, характер ее планов и наметившийся к началу шестнадцатого века кризис. Это поможет нам понять так называемый выбор момента времени реформации. Мы только что рассмотрели, что это великое движение было невозможно то сего века, так как до этого не было прочной основы у тевтонских народов. Последующий краткий обзор покажет, что обновление общество нельзя было больше откладывать без ужасных последствий для мира. Если бы приход протестантизма задержался на век или два, то пропала бы не только подготовка предыдущих веков, но и весь мир и общество были бы охвачены огромным злом, которое все это время росло и достигло своего апогея. Без протестантизма шестнадцатого века не только интеллектуальное пробуждение двенадцатого и книжное возрождение пятнадцатого веков были бы тщетны, но и духовная апатия, а может быть и религия ислама, царствовали бы в те дни в Европе. У христианства того времени было только два выбора: принять Евангелие и бороться через эшафоты и костры за свободу Евангелия, или пресмыкаться под тенью Испанской монархии, за которой следовала еще более мрачная ночь исламского деспотизма.

Потребовалось бы больше места для обзора нескольких королевств Европы для того, чтобы отметить их преобразования до прихода протестантизма. В этом нет необходимости. Характеристика христианства того времени заключается в двух понятиях: первое, в устройстве и властной структуре Европы, второе, в системе и верховной власти папства. В определенном аспекте и до определенных границ каждое европейское государство было независимо; оно могло проводить свою политику, воевать с кем хочет, заключать мир по своему желанию; но вне этих границ каждое государство было просто корпоративным членом, находившимся под двойным управлением, сначала Империи, которая во времена Карла Великого, а затем Карла V, захватила права президентского превосходства почти во всей Европе. Над Империей стояло папство. Обладая более искусным влиянием и вооруженное большими санкциями, оно было владыкой империи в большей степени, чем империя была владыкой Европы.

Поучительно отметить, что в тот момент, когда должен был появиться протестантский принцип, Средневековье поднялось в такой силе и величии, которое не было ему присуще долгое время. Протестантский принцип был очень слабым, а Средневековье было в полной силе, когда они сошлись для борьбы. Мы должны сначала обратиться к Европе, чтобы увидеть, как велико было неравенство, какое войско имело средневековье на службе, уметь догадаться о будущем христианства и всего мира, если бы протестантизм не пришел противостать кризису, чтобы победить страшное сочетание властей, угрожавшее свободе человечества, и понять

как чудесна, с любой точки зрения, победа, которая увенчала слабую сторону в этой борьбе.

Глава 2 - Империя.

Падение древней Империи. – Возрождена Папой. – Карл Великий. – Золотая булла. – Семь членов выборной коллегии. – Правила и форма выборов. – Церемония коронации. – Регалии. – Пир на коронации. – Власть императора ограничена. – Карл V. – Капитуляция. – Испания. – Становится единым монархом перед реформацией. – Его сила возросла с открытиями Колумба. – Блестящее соединение государств при Карле V. – Свобода в опасности. – Протестантизм приходит, чтобы спасти ее.

Великая Римская Империя во время правления Валентиниана (364 г. до н. э.) была разделена на две: Восточную и Западную. Турки унаследовали Восточную Империю, захватив ее с помощью оружия, свирепых, воинственных орд. Западная Империя влекла жалкое существование до сего дня. Были отступления в ее жизни; она подверглась нападению готов, и какое-то время она оставалась в состоянии неопределенности; но Папа восстановил падшую систему. Папа не смог восстановить гений и воинственный дух Цезаря, который основал Империю, но имя и формы более не существующего правления он смог оживить. Он собрал королевства Западной Европы в одну федерации и, выбрав одного из их королей, поставил его над объединенными государствами с титулом императора. Император был фиктивным или номинальным. Это было подобием прошлого, отразившимся на лице тогдашней Европы.

Империя поразила ту эпоху своим внезапным появлением. Созидательный гений и чудесные законодательные и административные способности Карла Великого, ее первой главе, придали ей видимость власти; невозможно простым указом привить элементы единства и соблюдения закона и порядка, которые достигаются только эффективной постоянной работой. Это подразумевало развитие общества и знание прав и обязанностей со стороны человечества, что было далеко от действительности. «Империя немцев – пишет историк Мюллер – была создана самым необычным образом, это была федеративная республика, но ее члены так отличались по форме, характеру и власти, что было чрезвычайно трудно вводить общие законы или объединить всю нацию в общих интересах. «Золотая булла, – пишет Виллер – этот странный памятник четырнадцатого века, установил некоторое отношение между главой и ее членами, но ничего не могло быть более расплывчатого, чем этот общий закон для всех независимых государств, хотя и объединенных. Если бы турки, в то время злостные враги христианства, не пришли, чтобы насадить полумесяц в Европе, и постоянно бы не угрожали вторжением в империю, вряд ли бы тонкая нить, связывавшая сообщество, могла остаться целой. Ужас, внушаемый Магометом II и его свирепыми солдатами, был первым общим интересом, который заставил правителей Германии объединиться друг с другом вокруг императорского трона».

Автор, которого мы цитировали, упоминает о Золотой булле. Давайте взглянем на этот древний и любопытный документ, он передаст нам образ того времени. Его автор – Карл IV, император и король Богемии. Приблизительно в 997 году Папа Григорий учредил семь членов коллегии выборщиков. Из них трое были служителями церкви, трое светскими правителями, и потом добавлен еще один королевского рода, чтобы получилось мистическое число семь, как некоторые думали, но скорее всего, чтобы был перевес при голосовании. Тремя церковниками были: архиепископ Трира, канцлер Франции, архиепископ Майнца, канцлер Германии, архиепископ Кельна, канцлер Италии. Четырьмя мирянами были: король Богемии, герцог Саксонии, граф Палатина-на-Рейне и маркиз Брандербурга.

Архиепископ Майнца должен был назначить день выборов, которые должны были состояться не позже трех месяцев после смерти предыдущего императора. Если бы архиепископу не удалось созвать членов коллегии выборщиков, они, тем не менее, должны были встретиться, чтобы выбрать императора. Члены коллегии выборщиков должны были предоставлять друг другу бесплатный проезд и безопасность на своих территориях при исполнении обязанностей выборщиков. Если выборщик не мог приехать лично, он должен был послать представителя. Выборы должны были проходить во Франкфурте-на-Майне. Ни одному выборщику не разрешалось входить в город в сопровождении более чем двухсот верховых, из которых только пятьдесят были вооружены. Жителей Франкфурта были ответственны за безопасность выборщиков под угрозой потери имущества и прав. На следующее утро после прибытия выборщики, одетые официально, проследовали верхом от зала заседаний до кафедрального собора св.Варфоломея, где состоялась месса. Затем архиепископ Майнца взял клятвы у алтаря с каждого члена коллегии выборщиков о том, что он без взяток и вознаграждений выберет светского правителя христианского мира. Затем они встретились на закрытом конклаве. Они должны были принять решение в течение тридцати дней, а если они не уложатся в это время, то должны питаться только хлебом и водой, и не могут покинуть город пока не закончат выборы. Большинство голосов делало выборы действительными, решение объявлялось с возвышения, сооружонного для этой цели перед церковными хорами.

Человек, избиравшейся императором, должен был принести клятву исповедовать католическую веру, защищать все права церкви, быть послушным Папе, отправлять правосудие, и беречь все традиции и права выборщиков и стран империи. Затем ему давались императорские регалии, включавшие золотую корону, скипетр, сферу, именовавшуюся императорским яблоком, меч Карла Великого, Евангелие, которое по преданию было найдено в его могиле, и богатую мантию, подаренную одному из императоров арабским принцем.

Церемонии, предписанные Золотой буллой при коронации, - любопытны; подробное и живое их описание дано одним путешественником. В тронном зале император восходит на трон, а герцог Саксонский, сложив груду овса на высоту конского седла у дверей зала, должен передать овес с помощью серебряной меры в двенадцать марок главному конюшему, а затем, воткнув свой жезл в овес, должен удалиться. Вице-маршал раздает оставшийся овес. Три архиепископа произносят благословения за столом императора, а тот, кто является канцлером этого места, почтительно кладет перед императором печати, которые он ему возвращает; жезл канцлера должен стоить двенадцать марок серебром. Маркиз Брандербурский, сидя на лошади с серебряным тазом в двенадцать марок весом и полотенцем, должен сойти с лошади и подать воду императору. Граф Палатинский, сидя на лошади с четырьмя серебряными блюдами полными мяса, каждое весом в три марки, должен сойти с лошади и поставить блюда на стол. Король Богемский, сидя на лошади с серебряной чашей достоинством в двенадцать марок, наполненной водой с вином, должен сойти с лошади и дать отпить императору. Камергер из Фалькенштейна, помощник управляющего, камергер из Нортенберга, распорядитель по кухне, и камергер Лимбурга, помощник дворецкого, а в их отсутствии рядовые слуги двора, должны держать лошадей, таз, блюда, чашу, жезл и меру у стола императора. Стол императора должен быть на шесть футов выше других столов, за которым он сидел один, стол императрицы находился рядом, но на три фута ниже. Столы членов выборной коллегии должны быть на три фута ниже стола императрицы, и три стоять справа от императора, три слева, а один перед императором, и каждый должен сидеть за столом один. Когда один член выборной коллегии закончит свою обязанность, он стоит у своего стола, пока другие не исполнят своих обязанностей, и тогда семеро садятся одновременно.

«Император должен избираться во Франкфурте, короноваться в Аугсбурге, устраивать первый прием при дворе в Нюрнберге, если нет законных препятствий. Предполагается, что члены выборной коллегии немцы, чьи сыновья в возрасте семи лет начинают изучать грамматику, итальянский и славянский языки, а в возрасте четырнадцати лет хорошо владеть ими и быть достойными советниками императору».

Члены выборной коллегии по рождению являются членами тайного совета императора; они должны, по словам Карла IV, «освещать Святую Империю как семь зажженных светильника в единстве семикратного духа», и согласно тому же монарху являются «самыми почетными членами императорского общества». Были подробно описаны права, которыми император мог пользоваться своею властью, права, которые он мог приводить в действие с согласия советников, а также права, которые принадлежали ему только с согласия всех князей и государств империи. В общем, император не мог устанавливать новые законы, вводить налоги, набирать

рекрутов, начинать войны, возводить укрепления, подписывать договоры о перемирии и альянсах без согласия членов выборной коллегии, князей и государств империи. У него не было особых доходов для поддержания императорского звания и власти для выполнения императорских приказов. Князья следили, чтобы император не имел большой власти, чтобы он не смог ограничить их суверенитета, который каждый имел в своих владениях, а вольные города были особенно ревнивы, чтобы императорская власть не посягнула на их хартии и права. Авторитет императора был почти номинальным. Мы говорим о временах, предшествовавших перемирию в Вестфалии; благодаря этому урегулированию конституция империи была определена более четко.

Ее первые дни были самыми энергичными. Она начала приходить в упадок, когда более не удерживалась властью и не руководилась гением Карла Великого. Когда-то славный род Пепинов перестал рождать воинов и законодателей. Из-за неожиданной деградации он дегенерировал в род простаков и недоумков. Постепенно империя перешла от королей-франков к Саксонским монархам. При последних к ней вернулась некоторая мощь, но вскоре появился Григорий VII со своим грандиозным проектом сделать тиару выше не только всех корон, но и императорской диадемы. Григорий преуспел в конце дня, так как в результате развязанной им продолжительной и кровавой войны, империя вынуждена была поклониться митре, а император принести клятву вассала понтифику. У империи были только две причины для объединения: католицизм внутри и страх перед турками снаружи. Федеральные правители были скорее конкурентами, чем членами одной конфедерации. Распри и разногласия постоянно возникали между ними. Они захватывали территории друг у друга, несмотря на неудовольствие императора. Из-за войн торговля была затруднена, знание подавлялось, насилие и грабежи достигли такой степени, что угрожали обществу уничтожением. Авторы этих несчастий, наконец, почувствовали необходимость других путей решения споров, кроме меча. Имперский совет, рейхстаг, имперский сейм были успешными методами для устранения частых и жестоких обращений к применению силы, которые превращали провинции империи в опустошенные и обезлюдившие районы.

В 1519 году после смерти Максимилиана имперская корона была свободной. Два знаменитых и сильных правителя вышли состязаться за блестящий приз: Франциск I Французский и Карл Австрийский, внук Максимилиана и король Испании. Генрих VIII Английский, третий великий монарх того времени, тоже был в этом списке, но посчитав, что на первом этапе его шансы на успех малы, устранился. Франциск I был галантным королем, храбрым рыцарем, приветствовал новые науки, и был так искренен и дружелюбен, что снискал симпатии всех, кто общался с ним. Но немцы не были расположены принять главой империи короля страны, чьи таланты, язык и поведение существенно отличались от их собственных. Их выбор пал на Карла,

который, хотя ему и не доставало блестящих качеств его соперника, вел свою родословную из их народа, его колыбелью был один из их городов, Гент, и он был наследником двадцати восьми королевств.

Существовала опасность, а также и безопасность в огромной власти человека, которого немцы выбрали для ношения короны, и которая имела такое большое великолепие и такую маленькую власть. Покоритель Востока, Селим II, постоянно топтался на их границе. Им нужна была крепкая рука, чтобы отразить неприятеля, и они думали, что нашли ее в правителе стольких королевств; но рука, защитившая их от исламской тирании, кто бы мог подумать, сокрушила их собственные права. Им следовало принять меры предосторожности относительно возможной катастрофы. Они составили Капитуляцию или требование о правах, перечислив права и привилегии немецкого общества; послы Карла подписали ее от имени своего господина, и он сам подтвердил ее клятвой на коронации. Этим документом правители Германии неосознанно готовились защитить более высокие права, чем их собственные королевские привилегии и прерогативы. Они создали убежище, где мог укрыться протестантизм, когда наступит день, в который император поднимет бронированную руку, чтобы сокрушить его.

Карл V был могущественнее всех других предшествующих императоров на протяжении многих лет. К имперскому титулу, тени многих его предшественников, добавилась его существенная власть в Испании. Совпадение событий сделало Испанию более сильным королевством, чем любое другое со времен Цезаря. В этой великолепной монархии все средства были в руках одного человека, который был одновременно обладателем императорского титула и врагом реформации. Поэтому нам надо взглянуть на размеры и величие Испанского королевства, чтобы оценить огромную силу, выставленную против протестантизма.

По мере приближения реформации Испания неожиданно изменила свою форму, вместо собрания миниатюрных королевств, она стала мощной империей. Различные княжества, рассыпанные до сих пор по поверхности полуострова, слились в два королевства: Арагонское и Кастильское. Оставался еще один шаг, чтобы сделать Испанию единой монархией, и такой шаг был сделан в 1464 году браком между Фердинандом Арагонским и Изабеллой Кастильской. Через несколько лет эти две королевские особы взошли на троны Арагона и Кастилии, и таким образом, все короны Испании объединились на их голове. Теперь один монарх управлял скипетром на всем Иберийском полуострове, от Сант Себастьяна до гор Гибралтара, от Пиренеев до проливов, омывающих подножие гор Мавритании. Все средства страны стекались в одну казну; все ее народы собрались под одним знаменем, и вся ее власть была в одной руке.

Уже великая Испания должна была стать еще величественнее. Колумб готовил небольшое судно, на котором он должен был исследовать Атлантику, и добавить в корону Испании своим мастерством и необычайной отвагой самое великолепное добавление, которое мог сделать подданный монарху. Со времен древнего Рима не поднималась еще такая громадная политическая система, как готовая появиться Испанская монархия. Сама Испания была частью королевств, составлявших огромную империю. Вассалы Испании в Европе были многочисленны. Ей принадлежали плодородные равнины и покрытые виноградниками холмы Сицилии и Неаполя. Ее были обширные сады Ломбардии, окруженные водами реки По и Альпами, с царственными городами, плантациями оливковых и тутовых деревьев, пшеницей, растительным маслом и шелком. Ее были Нижние Страны с каналами, плодородными лугами, усеянными стадами, соборами и музеями, величественными городами, центрами образования и промышленности. Если Европа была слишком узка, чтобы вместить такую колоссальную силу, то Испания протянула свой скипетр через западный океан и огромные провинции Нового света называли ее госпожой. Мексика и Перу были ее, продукты их целинных земель, богатство их золотых шахт привозились, чтобы пополнить ее базары и ювелирные магазины. Не только Запад складывал богатство у ее ног; Испания положила руку на Восток, ароматные пряности и драгоценные камни служили ее удовольствию. Солнце никогда не садилось во владениях Испании. Многие страны, находившиеся под ее властью, посылали самую ценную и дорогую продукцию, чтобы наполнить ее рынки и обогатить ее казну. В Испанию поступали смолы из Аравии, снадобья из Малукки, алмазы с острова Борнео, пшеница из Ломбардии, вино из Неаполя, дорогие ткани, изготовленные на станках в Брюгге и Генте, оружие и столовые приборы, выкованные на заводах и отделанные в мастерских Льежа и Намюра.

Этой огромной империи служили многочисленные армии и мощные флоты. Ее солдаты, набранные из всех стран и хорошо обученные, были смелы, выносливы, знакомы с опасностью и приучены к любому климату, от тропического до арктического. Ими руководили квалифицированные командиры, и знамя, под которым они маршировали, побеждало в сотнях битв. Когда господин всех этих провинций, армий и флотов добавил еще и императорскую диадему ко всем своим титулам, как это сделал Карл V, его слава возросла. К испанскому монарху можно применить яркий образ, с помощью которого пророк описывал величие Ассура. «Вот «испанец» был кедр в «Европе» с красивыми ветвями и тенистой листвою, и высокий ростом; вершина его находилась среди толстых сучьев. Воды растили его, бездна поднимала его, реки ее окружали питомник его, и она протоки свои посылала ко всем деревьям полевым. Оттого высота его превысила все дерева полевые, и сучьев на нем было много, и ветви его умножались, и сучья его становились длинными от множества вод, когда он разрастался».

Испанский монарх, хотя и владел многим, строил планы о расширении уже разросшихся владений, чтобы стать абсолютным мировым правителем. Со времен римской империи права человечества не были в такой опасности как теперь. Тень мирового деспотизма все больше и больше надвигалась на королевства и народы Западной Европы. Люди того времени не знали ни одного принципа, который мог бы бороться с этим колоссом и сдержать его продвижение. Этот деспотизм, в чьи руки, казалось, попали христианские народы, заявлял о божественном праве, и был поддержан духовными силами священников и материальными силами флотов и армий. Свобода отступала перед ним. Литература и искусство стали его союзниками, и плели цепи для тех, кого обещали освободить. Когда Свобода посмотрела вокруг, она не нашла ни одной руки, о которую могла опереться, ни одного борца, который мог бы постоять за нее. Если бы протестантизм не появился в кризис, деспотизм захватил бы всю Европу, и Свобода, изгнанная с земли, должна была бы вернуться на родное небо. «Д-р Мартин Лютер, монах из графства Мансфельд…благодаря только своему героизму дал половине Европы новую душу; создал оппозицию, ставшую стражем свободы».

Глава 3 - Папство или христианство под тиарой.

Сложное устройство папства. – Светская власть ограничена папскими государствами. – Верховная власть понтифика распространяется на весь христианский мир. – Механизм управления. – Легаты. – Интердикт. – Конкордат. – Конкордат с Австрией. – Папство в Пьемонте. – Индульгенции. – Исповедь. – Абсолют папства как в светской, так и духовной областях. – Необыкновенная сила.

Сейчас мы восходим на вершину европейской системы взглядов, сложившихся в начале шестнадцатого века. В мире был более высокий монарх, чем император, в христианском мире более сильное королевство, чем империя. Этим монархом был Папа, а империей – папство. Любой взгляд на христианство, который не замечает отношений папства с королевствами, не видит характерной особенности Европы в то время, когда началась великая борьба за веру и свободу. Отношение папства к королевствам Европы было главенствующим. Оно было их главой, их правителем. Оно учило видеть в Семи Холмах восседающую там власть, узы их единства, источник их законодательства и трон их правительства. И таким образом, связало все королевства Европы в одну конфедерацию или монархию. Они жили и дышали папством. Их флоты и армии, их конституции и законы существовали больше для него, чем для них самих. Их использовали, чтобы продвигать политику и поддерживать власть суверенов, сидевших на папском престоле.

В одном правительстве понтифика было, по существу, два правительства, один в другом. Меньшее охватывало область папских государств; в то время как большее, наступая на узкие границы, охватывало весь христианский мир, сделав из его тронов и народов одну монархию, одно теократическое королевство, над которым простирался скипетр абсолютной власти.

Чтобы понять, как такое произошло, нужно кратко перечислить различные приемы, с помощью которых папству удалось осуществлять управление за пределами своей территории и стать не только духовной, но и светской главой христианского мира – настоящим правителем королевств средневековой Европы. Как, якобы духовная, монархия могла осуществлять светское управление, и особенно, как могла она сочетать светское управление с христианством, не сразу понятно. Тем не менее, история свидетельствует об этом факте.

Основным приемом, с помощью которого папство осуществляло светское управление и направляло политический вектор других королевств, было служении «legate-a-latere». Этот термин означает папского посла. Легат был фактически alter ego Папы, чью особу он представлял, и чьей властью был облечен. Его посылали во все страны, не для того, чтобы быть посредником, а чтобы управлять; его функции

были аналогичны функциям послов или управляющих, которых языческие правители посылали из Рима для управления подвластными провинциями Империи.

Во время своей миссии легат первым делом учреждал свой суд в той стране, куда приезжал, рассматривал дела и выносил судебные решения от имени Папы. Ни авторитет суверена, ни законы страны не признавались в суде легата; все дела определялись по каноническому закону римской церкви. Огромное множество дел, и дела, несомненно, духовные, легат пытался подвести под свои законы. Он заявлял о правах на решение всех дел о разводе. Такие решения касались и гражданских вопросов, таких как переход имения, права на другую собственность, а в некоторых случаях право на трон. Все вопросы, касавшиеся земель или имущества женских или мужских монастырей, аббатств, решались легатом. Это давало ему непосредственный контроль над половиной всей земельной собственности большинства европейских королевств. Он мог вводить налоги и взимать пенни с каждого дома во Франции и Англии. Он обладал властью устанавливать чрезвычайные сборы для особых нужд церкви, как с духовенства, так и с мирян. Он чувствовал себя верховным судьей войны и мира. Он вмешивался во все дела правителей, плел постоянные интриги, разжигал бесконечные ссоры и пытался быть судьей во всех разногласиях. Если кто-то был недоволен судом легата, он не мог обратиться в суд страны или даже суд правителя. Он должен был сам ехать в Рим. Таким образом, Папе удалось через легата сделать себя высшей юридической властью королевства.

Огромная юридическая власть легата поддерживалась и укреплялась «интердиктами». Интердикт для легата был вместо армии. Удар, который он наносил, был более быстрым, порабощение тех, на кого он падал, было более полным, чем можно было достичь с помощью любого числа вооруженных людей. Если монарх проявлял упрямство, легат обнажал против него меч. Священники по всему королевству мгновенно прекращали отправление обрядов. Все подданные делались соучастниками правителя в этом духовном и ужасном наказании. В ту эпоху, когда не было иного спасения кроме как через священников, и другого источника благодати кроме Евхаристии, ужас перед интердиктом был непреодолимым. По всей стране, на которую пало наказание, были видны признаки проклятия, шокировавшие воображение с еще большей силой, так как их принимали за признаки Страшного Суда, который не закончиться на земле, а продолжится на том свете. Интердикт всегда добивался своей цели, так как люди, наказанные за действительное или предполагаемое преступление своего монархом, поднимали волнения, иногда бунт, и несчастный правитель понимал, в конце концов, что он либо должен был готов к бунту, либо примириться с церковью. Таким образом, у короля оставалась лишь тень власти, сущность монархии; украденная у него, она была отдана Риму и перешла к папскому престолу.

Другой выдумкой, с помощью которой папство, оставив правителям только звание короля, забрало у них действительное управление королевством, был конкордат. Эти соглашения или договоры между Папой и христианскими королями отличались лишь мелкими деталями, но основное содержание было одинаковым, ключевым принципом была верховная власть Рима и подчинение государства, с которым эта надменная власть соблаговолила вступить в договор. Конкордат обязывал правительство, с которым он был заключен, не принимать никаких законов, ни провозглашать никакую религию, не открывать никаких школ, не разрешать преподавать ни одну науку в своих владениях без согласия Папы. Более того, он обязывал всегда радушно принимать легатов, епископов и нунций, когда Папе будет угодно послать их с целью духовного руководства, и принимать буллы и бреве, когда ему будет угодно их опубликовать. Они должны были иметь силу закона в той стране, где эти послания посягали на права и привилегии, или совсем отменили их. Преимущества, предоставляемые подписавшейся стороной, напротив, были совсем незначительными, и соблюдались лишь до тех пор, пока это было в интересах церкви. В общем, конкордат давал Папе первое место в управлении королевством, оставляя второе место монарху и представителям сословий. Он превращал правителя в вассала, а народ в политических и духовных рабов.

Еще одним орудием достижения этой цели была иерархия. Борьба, начатая Гильдебрандом за инвеституры, закончилась тем, что Папа получил право назначать епископов во всей империи. Таким образом, в руки понтифика попала большая часть управления королевствами. Иерархия образовала мощную структуру по своей сплоченности, интеллекту, почтению, оказываемому такому святому служению. Все члены этой структуры приносили Папе клятву послушания. Епископ был уже не просто священником, а также и правителем, отправлявшим правосудие, имел власть закона, причем канонического закона римской церкви. «Капитул» был еще одним названием суда, с помощью которого епископ отправлял правосудие, и так как было признано, что правосудие епископа в такой же степени светское, как и духовное, иерархия представляла собой магистрат, и магистрат, насажденный в стране иностранной властью, и находящийся под клятвой послушания поставившей его власти. Этот магистрат не подчинялся монарху и вершил светское и духовное правосудие над каждым человеком королевства, управлял им в его религиозных действиях, политических обязанностях и личной собственности.

Давайте возьмем в качестве иллюстрации небольшое королевство Сардинии. В 1855 году, 8 января правительство Турина издало указ о закрытии монастырей и более справедливом распределении церковных земель. Территория для проживания в основном находится в богатой долине реки По, и ее население составляет всего четыре с половиной миллиона. Однако из указа видно, что на этой маленькой территории было семь архиепископов, тридцать четыре епископа, сорок один

капитул, восемьсот шестьдесят каноников, прикрепленных к диоцезам, семьдесят три простых капитула с четырехсот семьюдесятью канониками, тысяча сто бенефиций для каноников, и, наконец, четыре тысячи двести сорок семь приходов с несколькими тысячами приходских священников. Земельная собственность церкви представляла капитал в четыреста миллионов франков, приносивший ежегодный доход в семнадцать миллионов и больше. Это было еще не все церковное бремя для такого маленького государства. К белому духовенству нужно добавить еще восемь тысяч пятьсот шестьдесят три человека, носивших капюшоны и монашеские сутаны. Они жили в шестистах четырех монастырях с годовым доходом в два с половиной миллиона франков.

Таким образом, в Пьемонте было от двенадцати до двадцати тысяч человек, находившихся под клятвой или обетом, приравненном клятве, послушания только орденам, пришедшим из Рима. Их земельные владения составляли одну четвертую часть всех земель королевства, они были свободны от соблюдения законов страны. Они заявляли о праве диктовать всем подданным королевства, как им поступать в любом деле, связанным с обязанностями, то есть абсолютно в любом деле. У них была власть заставлять подчиниться посредством принудительных наказаний. С первого взгляда понятно, что фактическое управление королевством было в руках этих людей, а именно их господина в Риме.

Давайте взглянем на другие княжества полуострова, на Левитское государство, как Италия хотела называться. Мы не рассматриваем белое духовенство с его шикарными соборами, украшенными серебром, золотом, а также статуями и живописью, ни его обширные церковные земли, ни многочисленные поборы, взимаемые ими с людей. Мы ограничимся монашеским сословием. В 1863 году «проект закона» был вынесен на рассмотрение Итальянской палаты депутатов для конфискации. Из этого проекта, очевидно, что в Италии было восемьдесят четыре монашеских ордена, распределенных по двум тысячам тремстам восьмидесяти двум монастырям. У каждого из этих восьмидесяти четырех орденов было много филиалов по всей стране. У всех была собственность, кроме четырех нищенствующих орденов. Стоимость монастырской собственности оценивалась в сорок миллионов лир, а количество человек в сумме составляло шестьдесят три тысячи двести тридцать девять. Проект не включал ни монастыри папских государств, ни монастыри Пьемонта, которые были конфискованы до 1863 года. Если учесть и их, то монашеские организации в Италии насчитывали около ста тысяч человек.

Кроме тех, что мы перечислили, было много других средств для достижения той же цели, давления Рима, в основном в светских вопросах, на монархов других государств. Главным была исповедь. Исповедь называлась «местом покаяния», а

фактически она была местом правосудия. Это был трибунал, высший из всех трибуналов, потому что это был для паписта Божий трибунал. Его запугивание настолько превосходило человеческий суд, насколько меч вечной анафемы превосходит виселицу земного правителя. Он давал неограниченные возможности, чтобы сеять семена недовольства и устраивать мятежи. В этом случае священник оставался невидимым, час за часом, день за днем копая яму под тем правителем, которого предназначили к свержению, и последний никогда не подозревал о подготовке свержения до самого конца. Было также орудие отлучений и индульгенций. Никакой купец самым отважным предприятием, и никакой государственный деятель самым искусным финансированием не преуспели в накоплении такого богатства, как Римская церковь, просто продавая прощения. Она посылала торговцев со своим товаром во все страны, и так как все нуждались в прощении, то все стекались на ее рынок, и таким образом, «как собирающая яйца», выражаясь языком пророка, Римская церковь собирала богатства со всей земли. Она следила, чтобы у этих богатств «не было крыльев, и они бы не улетели». Она придумала «мертвую руку». Ни пенни из ее хранилищ, ни акра из ее владений никогда не отдавала «мертвая рука». Ее собственность не была под законом, это было верхом зла. Собственность знати подлежала гражданскому суду, если ее размеры угрожали общественному благу. Церковной собственности предназначено было расти, а вместе с ней гордыне и высокомерию ее владельцев. И какими бы губительными не были средства, к которым она обращалась, и как бы она не истощала ресурсы государства и ослабляла производство страны, от этого несчастья не было найдено средства. Век от века зло возрастало, пока не пришла реформация, и не разрушила заклятие, с помощью которого Риму удавалось сохранять свои огромные богатства неприкосновенными для закона, прикрывая их поддержкой Небес.

Так поступал Рим с помощью этих приемов и других, которые долго перечислять, чтобы распространить свое управление на все христианские государства, как в светской, так и духовной сферах. «Папское правосудие – писал один из францисканцев – является вселенским, охватывающим весь мир, как в светских, так и духовных вопросах». Римская церковь не поставила престола Петра во всех этих странах и не пересадила им механизм папского правления, который был в ее собственной столице. В этом не было необходимости. Она добилась довольно легко своей цели с помощью легатов, конкордатов, епископов, булл, индульгенций, с помощью силы, которая стояла за всеми ними и другими, и давала им права и возможности, пользуясь Непогрешимостью, которая, несомненно, была фикцией, но для католика реальностью, духовного могущества, которой он не мог ослушаться, так же как не мог ослушаться Бога, так как для него это было Богом. Непогрешимость позволила Папе собрать всю разбросанную по миру католическую

общину в одну армию, которая подчиняясь своему руководителю, могла быть приведена в действие из центра до периферий, как один человек, образуя совокупность политических, духовных и материальных сил, которым не было в мире подобных.

Понтифик, вторгаясь во владения другого монарха, не возводил своего трона и не правил сам лично. В этом не было никакой необходимости. Он не трогал трона, и вместе с ним весь механизм управления – суды, учреждения, армию – все было как прежде, но он лишал их силы и превращал их в средства и каналы папской власти. Из них сделали периферийные части монархии понтифика. Так римская церковь связала в одну федерацию разные народы и королевства Западной Европы. У всех она установила одно и то же правление – теократическое. Она всех подчинила одной воле и одной политике. Древний Рим проявил замечательный талант в сплочении разных стран в одну, и научил их слушаться его повелений, но его самую великую победу в этой области затмила еще большая победа папского Рима. Последний нашел еще более мощный принцип для объединения, чтобы сцементировать народы, который не был известен первому, так как римская церковь обладала искусством внушать им дух более глубокой покорности, чем ее языческие предшественники. И как следствие, в отличие от Империи Цезаря, которая могла сохранить единство и силу на короткое время, Папы пребывали в силе и славе почти тысячу лет.

Таково было устройство христианского мира в конце пятнадцатого, начале шестнадцатого столетий. Вердикт, произнесенный Адамом Смитом Римской церкви, как главе и госпоже огромной структуры, выражает истинную правду: «это самый чудовищный союз, который когда-либо был создан против авторитета и благополучия гражданского правления, а также против свободы, здравого смысла и счастья человечества». Это не просто система церковного управления, имеющая своей целью руководство сознанием людей в вопросах религии и спасения душ. Это, так называемая, Сверхчеловеческая Юрисдикция, Представительство Бога, созданное, чтобы управлять разумом, сознанием, собственностью, правами и жизнью людей. Плотские силы не могли справиться с такой властью. Тщетно боролся бы с ней здравый смысл и аргументация. Бесполезно посылали бы свои стрелы философия и литература, насмешки и скептицизм. Только духовный противник мог сбросить ее, и таким противником стал протестантизм.

Книга пятая. История протестантизма в Германии до дебатов в Лейпциге в 1519 году.

Глава 1- Происхождение, детство и школьные годы Лютера.

Геологические эпохи. – Божественные эпохи. – Подготовка к новому веку. – Родители Лютера. – Рождение Мартина. – Мансфельд. – Отправлен в школу в Магдебурге. – Школьная дисциплина. – Переезжает в Айзенах. – Пение ради хлеба. – Фрау Котта. – Нищета и суровость его юности. – Результат.

Геологи рассказывают о многих катаклизмах, длившихся много веков, через которые прошла земля, прежде чем стала готова для жизни человека, веками земля была погружена в кромешную тьму и страшный холод, и еще многие века пылающее солнце изливало на нее свой свет и жар. Прошли эпохи, во время которых океан спал в стагнации, и еще эпохи, когда бури и громы сотрясали небо; и посреди стихий суша, поднятая вулканическим огнем, возможно, появилась над океаном. Но как в бури, так и в покое природа трудилась с неутомимой энергией, и мир уверенно шел к порядку. Наконец, он достиг его, и потом под спокойным небом и на земле, покрытой зеленым ковром, появился человек, обитатель и правитель мира.

Так было, когда мир готовился стать обителью чистых церквей и свободных народов. От падения Западной Империи до одиннадцатого века был период ужасной апатии и темноты. Казалось, что человеческий разум стал дряхлым. Казалось, что общество потеряло жизненный принцип прогресса. Люди вспоминали прошедшие времена с чувством отчаяния. Они вспоминали разные успешные достижения ранних веков и вздыхали, думая, что лучшие дни прошли, что старое не вернется и конец уже близок. Было распространено убеждение, что в тысячном году наступит Судный День. Это было ошибкой. Лучшие времена были еще впереди, и это поистине золотой век не мог придти без тяжелых политических и нравственных бурь.

Ураган крестовых походов первым разбил лед долгой зимы мира. Ледяные связки Ориона были развязаны, и на общество начало действовать благотворное влияние Плеад. Появились торговля и ремесла, поэзия и философия, и как ранние цветы возвестили о приходе весны. Правда, эта философия не имела существенного значения, подобно тому, как детские спортивные игры развивают мускулатуру и способности будущего человека, размышления Средневековья, когда упражнялся молодой ум Европы, проложили дорогу к будущим достижениям человечества.

Постепенно появилась печать, истинно Божий дар, и с трудом искусство книгопечатания усовершенствовалось после падения Константинополя, гробницы античной литературы было открыты, и сокровища античного мира распространились по Европе. Из этих семян пробились не старые, а новые мысли большей силы и красоты. Потом появился морской компас, и с ним пришел новый мир, или, что, то же самое, открытие человеком огромных и прекрасных размеров

мира. Из этого следовало, что он был ограничен лишь частью его, и на этом небольшом участке он сажал и строил, обрабатывал землю плугом, а чаще всего обагрял ее мечом, не зная, что вокруг него лежали незаселенные и необработанные более плодородные и богатые земли. И вот, великолепные континенты и прекрасные острова возникли из первобытной ночи. Это было похоже на второе Творение. Мир окружал человека со всех сторон, и неожиданное открытие обширности царства, которого он был господином, пробудили в его груди новые желания и быстро рассеяли мрачные предчувствия, которые начинали овладевать им. Он думал, что ход Времени прекратился, и, что мир катиться в могилу; но к своему удивлению и радости видел, что наступает лишь юность мира, и человек находиться только в начале пути. Он очень хотел вступить на новый путь, открывавшийся перед ним.

По сравнению с его состоянием в одиннадцатом веке, когда человек был погружен в темную ночь, усиленное дыхание крестовых походов только начало пробуждать от вековой летаргии, ему должно быть казалось, что он уже видел день во всей его полноте. Но истинный свет пока не воссиял, если учесть слабый рассвет в небе Англии и Богемии, где сгустившиеся тучи грозили уничтожить его. Философия и поэзия, если даже добавить к ним древние знания и современные открытия, не могли сделать его днем. Если бы ничего лучшего не последовало за этим, пробуждение шестнадцатого века осталось бы ночной стражей. Мир после истощения земных сил снова бы сошел в могилу. Божие дыхание было необходимо для его оживления, если ему было предназначено жить дальше. Логика центров образования, фимиам наук и стимулировавшее действие искусств не могли оживить труп. Как в первого человека, так и в общество Бог должен был вдохнуть дыхание жизни, чтобы тот стал душой живой. Давно похороненная Библия была воскрешена, переведена на разные европейские языки, и, таким образом, дыхание Бога оживило общество. Свет с неба после долгого и ужасного затмения снова воссиял в мире.

Три великих короля занимали три главных трона Европы. К ним можно добавить правителя Ватикана, в некотором отношении наименьшего правителя, но в некотором наибольшего из четырех. Спорные интересы и увлечения четырех человек создавали некоторое равновесие и удерживали шквал войн от уничтожения христианского мира. Долгие и кровавые конфликты, опустошившие Германию, окончились с завершением пятнадцатого века. Меч успокоился на некоторое время в Европе. Как и в Римском мире войны многих столетий были закончены, двери храма Януса закрыты, когда родился великий человек; началась новая эра, так было в начале шестнадцатого века. Протестантизм собирался выйти на сцену и провозгласить благую весть о возвращении давно потерянного Евангелия; и везде, от Карпат до Атлантики, было сравнительно тихо, так что народы могли услышать благословенные вести. Именно тогда родился Лютер.

Сначала об отце. Его звали Ганс - Ганс Лютер. Его семья была из старинного рода и поселилась в этих местах давно. Родовое наследство исчезло, и без имения и титула, прекрасно умственно одаренный Ганс Лютер зарабатывал на хлеб ежедневным трудом. Честный труд более достоин, чем титулованное безделье.

Этот человек женился на дочери жителя Нойштада, по имени Маргарет Линдеманн. Когда они поженились, они жили недалеко от Айзенаха, романтического городка у подножья Вартбурга в окружении Тюрингского леса. Вскоре после женитьбы они уехали из Айзенаха и поселились в соседнем Айслебене, принадлежавшим графу Мансфельду.

Они были достойной, уважаемой парой, хотя и жили скромно. Ганс Лютер, отец реформатора, был богобоязненным человеком, честным в поведении и прилежным в делах. Он отличался здравым рассуждением, мужским характером и твердостью в отстаивании своих суждений. Он любил книги, что было редкостью в то время. Книг было мало, и они были сравнительно дорогими. У Ганса Лютера было немного денег, чтобы приобретать их, и немного времени, чтобы прочитать те, которые ему удалось купить. Все же рудокопу, так как по профессии он был рудокопом, удалось купить несколько книг, которые он читал во время еды или тихими немецкими вечерами, вернувшись с работы домой.

Маргарет Линдеманн, мать Лютера, была женщиной удивительного ума и характера. Она была крестьянкой по происхождению, как уже говорилось, но была истинно благочестивой, а благочестие дает благодать при смирении, чего не хватает в высших кругах. Страх Божий утончает чувства и поведение более удивительным способом, чем общепринятая праздность или атмосфера, предоставленная короной. Чистота души светится в лице, делая его красивым, также как лампа, освещающая алебастровую вазу, делает ее более гармоничной. Маргарет Линдеманн уважали все ее соседи, считавшие ее образцом для подражания из-за ее благоразумия, бережливости и добродетели. У этой благочестивой пары, много времени проводившей в молитве, 10 ноября 1483 года родился сын. Он был первенцем, и так как 10 ноября было кануном праздника св.Мартина, они назвали своего сына Мартином. Так пришел в мир будущий реформатор.

Когда рождается принц, звонят колокола, стреляют пушки. И поздравления от народа приносятся к подножью трона. Какое ликование и пышность вокруг колыбели, где лежит наследник великой империи! Нет таких церемоний, когда Бог посылает Своих героев в этот мир. Они тихо выходят на сцену, где им предстоит сыграть великие роли. Как и царство, которого они глашатаи и борцы, они приходят неприметным образом. Давайте заглянем в дом Ганса Лютера в Айслебене 10 ноября 1483 года, там спит первенец рудокопа. Рудокоп с женой, конечно, гордятся младенцем, а дитя похоже на других немецких детей; ничто не говорит о чудесном

будущем, которое ждет ребенка, появившегося на свет в этом скромном семействе. Когда он вырастет, то, несомненно, будет трудиться с отцом на шахте. Если бы Папа (правящий тогда Секстий V) взглянул на этого ребенка и на простую колыбель, в которой он лежал без всяких знаков власти и богатства, он бы с презрением спросил: «Может ли быть вред папству от этого ребенка? Может ли опасность для престола Петра, который выше трона королей, скрываться в этом бедном жилище»? Или если императору бы случилось проезжать этой дорогой, и он узнал, что у рудокопа Ганса Лютера родился сын, он бы спросил: «Ну, что из этого? Одним ребенком больше в Германии, вот и все. Однажды он, возможно, станет солдатом в моей армии и поможет выиграть в сражениях». Как просчитались бы такие монархи, смотря только на видимое, и рассчитывая только на материальные силы! Сын рудокопа должен был стать могущественнее Папы и императора. Один Лютер был сильнее всех кардиналов Рима, всех легионов Империи. Его голос должен был сотрясти папство, а руки разрушить его столпы, чтобы на этом месте построить новое здание. И снова можно повторить, как при рождении еще более великого Младенца: «Он рассеял надменных помышлениями сердца их; низложил сильных с престолов, и вознес смиренных».

Когда Мартину было шесть месяцев, его родители переехали в Мансфельд. В то время его отец обладал небольшим имуществом; но шахты Мансфельда были прибыльными, а Ганс Лютер трудолюбивым, и понемногу его дело начало процветать, а на столе появляться лучшая еда. Он стал владельцем двух плавилен и членом городского совета и мог удовлетворить любовь к знанию, иногда принимая наиболее образованных местных священников, и их беседы, несомненно, оказывали влияние на ум сообразительного мальчика, каким был юный Мартин.

Ребенок рос, его можно было видеть играющим с другими детьми Мансфельда на берегах Виппера. Он был счастлив в своем доме, у него было хорошее здоровье, бодрое настроение, его чистый радостный голос выделялся среди голосов его сверстников. Но и тогда в его жизни были испытания. Эпоха была мрачная. Ганс Лютер при всех отличных качествах был несколько суровым человеком. Как отец, он был сторонником строгой дисциплины, ни одна вина сына не оставалась без наказания, и часто наказание превышало вину. Такая строгость не была благоразумна. Ребенок с менее гибким характером, чем у Лютера, мог бы замкнуться или ожесточиться. Но, что земной отец делал ради своей прихоти, или из-за неправильного чувства долга, то Отец Небесный обернул во благо для будущего реформатора. Человеку хорошо испытать бремя в юности, так как в юности, а иногда и в детстве, случаются в жизни поворотные моменты. Характер Лютера был очень импульсивным, эти качества пригодились в его будущей работе, но если бы он не был научен дисциплине и не мог бы управлять характером, то он бы стал порывистым, опрометчивым и безрассудным человеком; следовательно, он был

своевременно научен подчиняться ограничениям. Если бы не дисциплина, то он со своим сверхчувствительным характером стал потакать своим похотям. Отвернувшись от жизненных трудностей, Лютер мог бы наслаждаться доступными ему благами, если бы лишения и суровость юности не сбалансировали его характер, и не предали бы ему твердости, необходимой для будущих судебных разбирательств.

Кроме примеров благочестия, которые он видел каждый день, Лютер получил небольшое начальное образование под отчей крышей. Но со временем его послали в школу в Мансфельде. Он был пока «маленьким», используя выражение Меланхтона; таким маленьким, что отец иногда относил его в школу на плечах. Мысль о том, что его сын может стать ученым, ободряла Ганса Лютера; и его надежда крепла, так как юный Лютер проявлял хорошую память, благоразумие и прилежание.

В четырнадцать лет Мартина отправили во францисканскую школу Магдебурга. В школе прибавилось невзгод и лишений, среди которых прошло его детство. Учитель порол его, так как в то время было правило: без розги ничего не выучишь; можно представить, что жизнерадостный и бурный характер мальчика часто приводил его к нарушению школьных правил. Он вспоминает, что в течение одного дня его секли пятнадцать раз. В добавление к этим невзгодам существовал обычай во всех немецких городах, продолжавшийся до недавних пор, и даже не совсем оставленный, чтобы ученики кроме того чтобы зубрить уроки, должны были просить подать им на хлеб. Они ходили маленькими группами от двери к двери, распевая песни и получая милостыню от добрых горожан. Иногда они получали больше тумаков или, по крайней мере, оскорблений, чем милостыни.

Обучение было бесплатным, но у юного студента не было хлеба, и хотя его отец был богаче, чем раньше, все уходило на содержание большой семьи. Спустя год Лютера забрали из Магдебурга и отправили в школу в Айзенахе, где были родственники, и полагали, что там ему будет легче жить. Но надежды не оправдались, так как, возможно, родственники были бедными. Юному студенту приходилось зарабатывать на пропитание пением на улицах. Однажды Лютер ходил по Айзенаху, останавливаясь перед подающими надежду домами и пытаясь пением пробудить в их жителях доброту. Он страдал от голода, но, ни одна дверь не открывалась, и, ни одна рука не протянулась к нему. Он был очень подавлен и стоял, раздумывая о том, что с ним может случиться. Увы, он не мог больше терпеть такие лишения, он должен бросить учебу, вернуться домой и работать с отцом на шахте. Именно в этот момент Провидение открыло перед ним дверь одного дома.

Когда он стоял, погруженный с такие невеселые мысли, недалеко от него открылась дверь, и голос пригласил его войти. Он повернулся, чтобы посмотреть на того, кто с ним говорил. Это была Урсула, жена Конрада Котта, уважаемого

гражданина Айзенаха. Урсула Котта еще прежде заметила юного студента. Он пел обычно в церковном хоре по воскресеньям. Ее поразил его мелодичный голос. Она слышала, как грубо его прогоняли от других дверей. Сжалившись, она пригласила его войти, усадила за обеденный стол, и не только утолила его голод на тот момент, но ее муж, покоренный открытым лицом и приятным характером мальчика, уговорил его жить у них.

Теперь у Лютера был дом, ему не надо было просить милостыню и петь ради куска хлеба. Он обрел отца и мать в этой почтенной паре. Его сердце раскрылось, и дух становился энергичнее и прекраснее с каждым днем. Нужда, как зимняя стужа, грозила погубить его способности в зародыше, но доброта, подобно солнечному теплу, пробудила в них новые силы. Он предался учебе с новым рвением, трудные до этого задачи стали легкими. Его голос стал реже слышан на улицах, и чаще в доме его приемных родителей. Фрау Кота любила музыку, и юный студент мог лучше всего отплатить ей за ее доброту развитием своего певческого таланта и упражнением в нем к восторгу «доброй Шуламит». После этого Лютер провел почти два года в Айзенахе, с удовольствием изучая в школе латынь, риторику и стихосложение, и счастлив был дома, где часы досуга были заполнены пением, которое он не редко сопровождал игрой на лютне. Он никогда в своей последующей жизни не забывал Айзенах и добрую фрау Котта. О первом он обычно говорил как о «родном красивом городке», а о последней он говорил: «Нет ничего добрее сердца хорошей женщины». Этот случай укрепил его веру в Бога. Когда еще большая опасность угрожала ему на дальнейшем пути, когда все отдалились, и не откуда было ждать помощи, он вспоминал свое отчаяние на улице Айзенаха, и как видимо Бог пришел ему на помощь.

Нельзя не отметить Божью премудрость в обучении будущего реформатора. По природе он был нежным и доверчивым, с сердцем полным человеческой симпатии, и умом, беспокоившимся о счастье других людей. Но этого было недостаточно. Эти качества должны были смешаться с другими, которые позволили бы ему противостать оппозиции, вынести позор, презреть комфорт и смотреть в лицо опасности. Первые без последних принесли бы в результате филантропические проекты, и Лютер, умирая, вздыхал бы о глупости и испорченности тех, кто им препятствовал. Он бы оставил свои планы при первом сопротивлении и сказал бы: «Ну, если мир нельзя преобразовать, я оставлю его». Лютер, с другой стороны, рассчитывал встретить сопротивление, он был обучен терпению и выдержке, в его ранней жизни мы видим сменяющимися по очереди процессы закаливания и развития. И так происходит со всеми, кого Бог избирает для великого служения церкви или миру. Он отправляет их в трудную школу и держит их там до конца обучения. Давайте сравним орла и певчую птичку, как непохожи их выводки. Одна должна проводить жизнь в рощах, перелетая с ветки на ветку и оживляя лес своим

пением. Посмотрите, в каком теплом гнезде она сидит, толстые сучья покрывают его, и самка высиживает там яйца. Как отличается выращивание орлят! На уступе, среди голых скал под проливным дождем, колющем градом и порывами штормового ветра разложены несколько веточек. Это и есть гнездо птицы, которая проводит свою жизнь, паря в облаках, борясь с ветрами и глядя на солнце.

Лютеру предстояло провести жизнь в борьбе с императорами и папами, силами плотского и духовного деспотизма, поэтому его колыбель была в доме рудокопа, его детство и юность прошли в лишениях и опасности. Через это он узнал, что человек живет не для удовольствий, а для достижения цели; и чтобы достичь чего-то великого, он должен пожертвовать собой, не надеяться на человека, а полагаться только на Бога.

Глава 2 - Университетская жизнь Лютера.

Эрфурт. – Город и университет. – Учеба. – Фома Аквинский и другие. – Цицерон и Вергилий. – Библия. – Бакалавр искусств. – Доктор философии. – Болезнь. – Совесть пробуждается. – Приезд к родителям. – Гроза. – Обет. – Прощальный ужин с друзьями. – Поступает в монастырь.

В 1501 году Лютер поступил в Эрфуртский университет. Он достиг восемнадцати лет. Этот центр образования был основан веком ранее, и своим развитием был обязан покровительству правящих домов Брунсвика и Саксонии, и уже стал одной из самых знаменитых школ Центральной Европы. Эрфурт – старинный город. По дороге из Айзенаха на восток по Тюрингской равнине он впечатляет видом своих шпилей, соборов и крепостных сооружений, встающих перед взором путешественника. Юный студент приехал сюда, чтобы утолить жажду знаний. Отец хотел, чтобы он изучал юриспруденцию, не сомневаясь, что с его талантами он скоро добьется высокого положения и займет важный пост в гражданском правительстве страны. С этой надеждой Ганс Лютер еще больше, чем раньше трудился, чтобы оказать сыну более щедрую поддержку.

В Эрфурте новые науки привлекли внимание Лютера. Схоластическая философия тогда пользовалась популярностью. Аристотель и другие философы с более скромными именами, такие как Фома Аквинский, Дунс Скот и Оккам, были в школах на первом месте. Итак, вердикт веков был провозглашен, хотя близилось время, когда он будет изменен и тьма забвения погасит огни, помещенные, как казалось, навечно на небосводе для руководства человечеством.

Молодой человек с жадностью набросился на эту сферу науки. Была попытка собрать виноград с терновника и смоквы с репейника, и все же Лютер, приложив усилия, извлек пользу, так как в философии Аристотеля есть некоторые положительные стороны. Она полностью противоречила истинному методу обретения знаний, предложенному позже Бейконом, однако, она испытывала таланты на прочность, и дисциплина, к которой она приучала их, приносила пользу пропорционально ее строгости. Она не только способствовала развитию логического мышления, но и быстроте ума, проницательности, диалектическому умению и изяществу в спорах, что особенно ценилось в обсуждениях тонких вопросов. На этих занятиях Лютер ковал оружие, которое ему пришлось применять много раз в сражениях последующей жизни.

Прошли два года обучения в университете. С тернистых, хотя и полезных путей науки он иногда уходил на более пышные и злачные поля, открывавшиеся ему в трудах Цицерона и Вергилия.

Он старался проникнуть не в слова, а в мышление древних, он хотел постичь их мудрость. Он многого достиг, стал по-настоящему выпускником Эрфурта.

В это время произошло событие, которое изменило жизнь молодого студента. Увлекаясь книгами, как и его отец, он каждый день ходил в университетскую библиотеку, и проводил несколько часов среди ее сокровищ. Ему было двадцать лет, он наслаждался окружавшими его богатствами. Однажды, когда он брал с полок книги и открывал одну за другой, он натолкнулся на том непохожий на другие. Взяв, он открыл его и обнаружил, что это была Библия, Вульгата, латинский перевод Священного Писания, выполненный Иеронимом.

До этого он не видел Библии. Радость его была велика. Церковь предписывает читать на воскресных и праздничных служениях лишь некоторые отрывки, и Лютер думал, что это была вся Библия. Он очень удивился, когда открыв фолиант, обнаружил книги и послания, о которых он никогда не слышал раньше. Он начал читать с таким чувством, как будто отверзлись небеса. Он читал историю Самуила, посвященного Богу от рождения своей матерью, выросшего в Храме, ставшего свидетелем порочности сыновей Илии, священников Всевышнего, которые заставляли людей грешить и небрежно относиться к жертвоприношениям Всевышнему. Во всем этом Лютер видел отражение своего времени.

Каждый день Лютер приходил снова в библиотеку, брал старинную книгу, жадно читал главу из Нового или Ветхого Завета, радуясь, как человек, нашедший огромную добычу, вглядываясь в ее страницы, как Колумб вглядывался в равнины и горы Нового Света, когда морская дымка рассеялась, и они предстали перед ним. Между тем, при чтении книги, с Лютером происходили перемены. Другие книги развивали и усиливали его дарования, а эта книга пробудила в нем новые силы. Прежнего Лютера не стало, на его месте появился другой Лютер. С того момента в его душе началась борьба, которой было предназначено продолжаться пока не появиться не просто новый человек, но и новая эпоха, новая Европа. Из Библии в Оксфорде забрезжил первый рассвет реформации, из той же старинной Библии в Эрфурте наступило ее второе утро.

Был 1503 год. Лютер получил свою первую степень. Но эта степень бакалавра искусств чуть не стоила ему жизни. Так велико было его прилежание, что он серьезно заболел и был на грани смерти. Среди тех, кто его навещал, был старый священник, у которого было предчувствие об исключительности Лютера. « Мой бакалавр, – сказал он – крепитесь, вы не умрете от этой болезни, Господь сделает вас утешителем других людей; на тех, кого Он любит, Он возлагает святой крест, и те, кто терпеливо его несут, познают мудрость». Лютер услышал в словах пожилого священника призыв Бога вернуться к жизни. Он поправился, как и было предсказано,

но с тех пор он всегда помнил, что жизнь его была продлена для какого-то особого предназначения.

Через два года он стал магистром искусств или доктором философии. Прославление первого ученого Эрфуртского университета, а затем самого известного во всей Германии, было весьма важным событием и сопровождалось факельным шествием. Лютер понимал, что он уже не занимал посредственного места в обществе и мог подняться до самого высокого положения в государстве. Он посвятил себя, согласно желанию его отца, судебному делу, как самому быстрому способу продвижения, и начал читать лекции по физике и этике Аристотеля. Казалось, древняя книга была в опасности, а реформатор христианства пропадет в богатом адвокате или образованном судье.

Но Господь посетил и испытал его. Два случая, произошедшие с ним, вернули его к переживаниям и убеждению в греховности, которые начали исчезать из-за возбуждения, связанного с восхвалением Аристотеля. И снова он стоял на краю вечного мира. Однажды утром ему сообщили, что его друг Алексис был поражен внезапной и ужасной смертью. Новость ошеломила Лютера. Его товарищ упал как будто рядом с ним. Сознание, оживленное старинной Библией, снова пробудилось.

Вскоре после этого, он навестил родителей в Мансфельде. Он возвращался в Эрфурт и был недалеко от городских ворот, когда собрались черные тучи над головой, и разразилась ужасная гроза. Молния ударила у его ног. В некоторых рассказах говорится, что он был брошен на землю. Великий Судья, думал он, сошел в этой туче, и лежал, ожидая мгновенной смерти. Охваченный ужасом, он поклялся, что посвятить жизнь служению Богу, если Он его пощадит. Молнии прекратились, раскаты грома утихли, и Лютер, поднявшись с земли и неторопливо продолжив путешествие, вскоре вошел в ворота Эрфурта.

Обет надо выполнять. Чтобы служить Богу, надо было надеть монашескую одежду; так думали в это время, так думал и Лютер. Для того, кто так радовался дружбе, мог добиться почета, кто почти достиг высокого положения, должно было очень больно оторвать себя от мира и уйти в монастырь, живую могилу. Но это решение было окончательным.

Чем больше жертва, тем выше заслуга. Он должен был успокоить свою совесть, он не знал пока лучшего пути.

Еще раз он встретится с друзьями, а потом…Он готовит скромный ужин, собирает знакомых, веселит их музыкой, разговаривает с очевидной радостью. Вот вечеринка закончилась, гости разошлись. Лютер идет 17 августа 1505 года прямо в монастырь августинцев. Он стучится у ворот, дверь открывается и он входит.

Лютеру, страдавшему под гнетом греха, искавшему освобождение делами закона, этот монастырь, такой тихий, такой святой, такой близкий к небесам, как он думал, казался самим раем. Как только он переступит его порог, мир останется снаружи, а также и грех; терзания души прекратятся. «Мститель» будет уже за закрытой дверью. Так думал Лютер, когда переступал порог. Бывают города-убежища, куда грешник может убежать, если его преследует смерть или ад, но это было не такое место, куда вошел Лютер.

Глава 3 - Жизнь Лютера в монастыре.

Удивление сограждан. – Гнев отца. – Надежда Лютера. – Монастырские труды. – Милостыня днем. – Учение ночью. – Читает Августина. – Изучает Библию. – Агония души. – Необходимые уроки.

Когда друзья и сограждане узнали на следующий день о том, что Лютер надел монашескую сутану, они остолбенели от удивления. То, что тот, кто в изобилии обладал интеллектуальными и социальными качествами, и кому горожане уже предназначили самое высокое положение, как гению, должен стать монахом, казалось национальной утратой. Его друзья и университетские товарищи собрались у ворот монастыря и ждали в течение целых двух дней в надежде увидеть Лютера и уговорить его отказаться от глупого шага, который он сделал в порыве каприза или минутного исступления. Ворота оставались закрытыми, Лютер не вышел, хотя чаяния и просьбы друзей были ему небезызвестны. Чем были для него все награды гения, все высокие посты, которые предлагал мир? Его интересовало лишь одно – как спасти душу. Целый месяц он никого не видел.

Когда новость дошла до Мансфельда, удивлению, разочарованию и гневу его отца не было предела. Он трудился день и ночь, чтобы дать образование своему сыну, он видел, как тот получал одну ученую степень за другой, в своем воображении он уже видел его, занимающим высокие посты и носящим высокие государственные знаки отличия. В один момент все эти надежды рухнули, и все закончилось монашеской сутаной. Ганс Лютер заявил, что его сын ничего не наследует, а согласно некоторым источникам он отправился в Эрфурт, и добившись разговора со своим сыном у монастырских ворот, резко спросил: «Как может сын не подчиниться желанию родителей?»

В дальнейшем, когда он рассказывал отцу о впечатлении, которое произвела на него гроза, и как будто голос с небес сказал ему стать монахом, Ганс Лютер ответил: «Берегись, как бы ни обольстил тебя дьявол».

При поступлении в монастырь он изменил свое имя на Августина. Но в монастыре он не нашел покоя и мира, ради которых он убежал туда. Он все еще искал жизнь, но не с Христом, а с монашеской святостью, и если бы он нашел покой в монастыре, он бы потерял вечный покой. Прошло немного времени, когда он понял, что принес свое бремя с собой в монастырь, что опасение гнева, преследовавшее его в миру, пришло с ним и туда, что монастырские засовы заперли его с этим опасением внутри монастыря. Совесть стала обличать его еще больше, и внутренние терзания становились с каждым днем все невыносимее. Куда теперь Лютеру бежать? Он не знал более святого места на земле, чем келья. Где найти тень, чтобы укрыться от великого огня, крепость во время ужасной бури? Бог готовил его

стать реформатором христианства, и первый урок необходимый в его обучении дал ощущение тяжести непрощенного греха, страданий проснувшейся совести и невозможности получить облегчение делами самоправедности. Лютер должен был стать орудием освобождения христианства от этого бремя, и он сам, прежде всего, должен был почувствовать всю его тяжесть.

Давайте посмотрим, какую жизнь вел Лютер в монастыре августинцев: жизнь, в корне отличавшуюся от жизни в университете.

Невежественные, ленивые монахи, любящие быть только в хорошем настроении, не могли оценить натуру их нового брата и отнестись благожелательно к его настроениям. То, что один из самых выдающихся богословов стал членом их братства, было для них честью, но разве его слава не бросала на них тень? Кроме того, что хорошего принесут его учения монастырю? Они не пополнят ни их винных погребов, ни кладовых. Братия находила злорадное наслаждение в том, поручала ему самые унизительные служения в монастыре. Лютер безропотно все исполнял. Блестящий университетский ученый должен был исполнять работу привратника «открывать и закрывать ворота, заводить часы, мести в церкви и убирать кельи». Но это было не самое плохое; когда он выполнял все поручения, вместо того, чтобы разрешить ему вернуться к занятиям, монахи говорили: «Ну-ка доставай свою суму, «saccum per nackum», ступай в город и достань нам что-нибудь поесть». Приходилось откладывать книгу ради сумы. Монахи говорили, что не учением, а выпрашиванием хлеба, крупы, яиц, рыбы, мяса и денег монах может помочь своей обители». Лютер не мог не чувствовать грубости и унижения; боль должно быть обострялась пропорционально развитию его интеллекта и очищению понятий. Но став монахом, он решил идти до конца, потому что как иначе он смог бы достичь смирения и святости, которые он стремился обрести, и с помощью которых он должен был обрести покой сейчас и жизнь вечную? Нет, он не должен отступать или уклоняться от трудов и неприятностей святого монашества. Поэтому можно было видеть монаха Августина, проходящим по улицам с сумой за спиной – по тем же самым улицам, по которым он раньше прогуливался в качестве известного богослова, – стучащимся в дверь какого-нибудь бывшего знакомого или друга, и просящим милостыню.

За такой тяжелой работой проходил день. Ночью, когда другие монахи погружались в сон, или в другое, что для них выпросил брат Мартин, и когда он тоже утомленный многими трудами, должен был лечь отдохнуть, он поправлял лампу, открывал книги св.отцов и ученых богословов и читал далеко за полночь. Особенно он любил св.Августина. В трудах епископа Гиппона было больше Божьего благословения, в контрасте с глубокой порочностью человека, неспособного исцелить себя, чем в работах других отцов церкви; Лютер начал чувствовать, что

учение Августина находит отражение в его опыте. Среди ученых богословов, таких как Жерсон и Оккам, которые уже упоминались как противники папской светской власти, были писатели, к которым Лютер часто обращался.

Хотя он придавал большое значение работам Августина, существовала еще одна книга, которую он ценил гораздо выше. Это было слово Самого Бога, экземпляр которого он нашел в монастыре. О, каким желанным для Лютера в высохшей земле был этот колодец, пьющий из которого, как сказал Великий учитель, «не возжаждет вовек». Эту Библию он не мог взять в свою келью, чтобы читать и изучать ее, так как она была прикована цепью в часовне монастыря; но он мог приходить, и приходил к ней, и иногда проводил целые дни в размышлении над одним стихом или словом. Именно тогда он обратился к изучению языков первоисточника, чтобы читать Писание на том языке, на котором оно было написано, для лучшего его понимания. Недавно появился словарь иврита Рохлина, помощью его и других книг он преуспел в изучении иврита и древнегреческого языка. В пылу занятий он забывал повторять ежедневные молитвы. Совесть обличала его в нарушении правил ордена, он не мог ни есть, ни спать пока не выполнял пропущенных молитвенных правил. Однажды случилось так, что в течение семи недель он едва смыкал глаза.

Общительный и веселый студент превратился в молчаливого отшельника. Личность и поведение Лютера претерпели изменения. Из-за утомительной работы днем, занятий по ночам, скудной еды, которую он себе позволял – «немного хлеба и небольшая селедка были часто его единственной пищей» - длительных постов он был похож больше на мертвеца, чем живого человека. Внутренний огонь все еще жег его. Иногда он падал совсем ослабленный на пол своей кельи. «Однажды утром дверь его кельи не открылась по обыкновению и братья встревожились. Они постучали, ответа не последовало. Дверь взломали, бедный монах Мартин был найден распростертым на полу в состоянии экстаза, почти бездыханным и близким к смерти. Один монах взял флейту, и тихо сыграв одну из любимых мелодий Лютера, постепенно вернул его в сознание». В тот момент было вполне вероятным, что вместо жизни в борьбе с Папой и сокрушении столпов его царства единственной памятью о том, что когда-то жил монах Лютер, могла быть скромная могила где-нибудь на территории монастыря.

Действительно Лютер пил горькую чашу в то время, и она не могла миновать его. Он должен был испить ее до конца. Дела, которые он совершал в таком духовном рабстве, как он думал, могли искупить ему прощение. Бедных монах снова и снова приходит с этой праведной платой к небесным вратам, но они оставались закрытыми. Разве этого было недостаточно? « Я буду делать еще больше», думал Лютер. Он возвращается, возобновляет духовные подвиги и вскоре несет в руке еще большую плату. Он вновь отвергнут. Увы, бедный монах! Что ему делать? Он мог

только придумать более продолжительные посты, более строгие епитимии, более многочисленные молитвы. Он возвращается в третий раз. Ну, уж теперь он будет принят! Увы, нет, плата еще слишком мала; врата все еще закрыты, правосудие требует еще большей платы. Он возвращается снова и снова, и каждый раз с еще большей платой, но врата не открываются. Господь учит его, что небеса нельзя купить ни за какую плату, как велика она бы не была, что вечная жизнь – это дар Божий. «Я был по-настоящему благочестивым монахом – писал он Георгу, герцогу Саксонскому, об этом периоде своей жизни – и следовал правилам ордена более строго, чем можно представить. Если монах мог бы заслужить небеса своим монашеским трудом, то мне, наверняка, было бы дано такое право. Это могут подтвердить все монахи, знавшие меня. Если бы я продолжал и дальше, то мое послушание в бдении, молитве, чтении и других подвигах привело бы меня к смерти».

Но не пришел еще час, чтобы вкусить Лютеру умиротворение. Христос и Его искупление еще не открылись ему, и пока он этого не узнал, он не знал покоя. Его страдания продолжались и даже увеличились; его внешнего вида было достаточно, чтобы вызвать сострадание у злейшего врага. Он скользил словно тень из кельи в келью; глаза ввалились, кости выпирали, тело согнулось до земли; на лбу лежала тень яростных бурь, разрывавших его душу; его слезы орошали каменный пол; горькие рыдания и стенания отражались эхом в длинных галереях монастыря к ужасу других монахов. Он пытался облегчить душу перед своим исповедником, пожилым монахом. У него не было такого случая раньше, ему это было не по силам, рана была слишком глубока, чтобы он мог исцелить ее. «Спаси меня по Своей праведности, - что это значит?» – спрашивал Лютер. «Я понимаю как Бог может осудить меня по Своей праведности, но как Он может спасти меня по Своей праведности?» На этот вопрос отец-исповедник не мог ответить.

Хорошо, что Лютер не отчаялся и не оставил поисков, как безнадежных. Он настойчиво читал Августина и еще более настойчиво изучал прикованную Библию; и ее лучи не могли не пробиться сквозь его тьму. Почему он не мог обрести покоя? Он не переставал задавать себе вопрос: «Какое правило ордена я не исполнил – или, если, вообще, мне не удалось достичь цели, могут ли слезы и покаяние смыть вину? Моя совесть говорит, что мой грех непростителен. Являются ли эти правила все же только эмпирическими способами человека? Разве нет святости в тех трудах, которые я изо всех сил пытаюсь выполнять, и в том смирении, которого я добиваюсь? Что мне нужно: сменить одежду или изменить сердце?» Таков был ход мыслей, который монах не мог избежать. Между тем, он настойчиво использовал средства, в которых было обетование: «Ищите и найдете; стучите, и отворят вам». «Если будешь призывать знание и взывать к разуму,…то уразумеешь страх Господень и найдешь познание о Боге».

Мы слышим голос не одного Лютера. Христианство стенает в Лютере, роды совершаются в муках. Крик многих находящихся в оковах плененных из всех стран христианства сливается в крик этого пленника и доходит до слуха Великого Владыки, освободитель уже в пути. Когда Лютер час за часом погружается глубже в бездну, тогда час за часом все слышнее шаги человека, который должен помочь ему разорвать оковы его собственной и мировой тюрьмы.

Глава 4 - Монах Лютер становится Лютером реформатором.

Штаупиц. – Посещает монастырь в Эрфурте. – Встречает Лютера. – Беседа генерального викария с монахом. – Крест. – Покаяние. – Спасение даром. – Начинается рассвет. – Ночь возвращается. – Старый монах. – Прощение грехов. – Полное освобождение Лютера. – Подготовка. – Бремя христианства. – Свобода.

Как темной ночью бывает видна временами звезда, особенно красивая, когда светит она из-за грозовых туч, так и в длинную темную ночь христианства появляются временами несколько людей выдающейся праведности в церкви Рима. Наученные Святым Духом, они верят в спасение не через церковь, а только через Христа; и сквозь тьму, окружавшую их, они видели свет и шли за ним. Одним из таких людей был Иоганн Штаупиц.

Штаупиц был генеральным викарием августинцев в Германии. Он познал путь спасения, изучая Августина и Библию. Он видел и различал заблуждения и пороки того времени и сокрушался о разрушении, которое они наносили церкви. Чистота его жизни осуждала порочность, царившую вокруг него, но у него недоставало смелости, чтобы стать реформатором христианства. Но Всевышний почтил его тем, что сделал полезным для человека, кому было предопределено стать реформатором.

Случилось так, что в то время главный викарий объезжал с осмотром монастыри августинцев в Германии, и путь, который он выбрал, привел к тому самому монастырю, в стенах которого велась описанная нами мучительная борьба. Штаупиц приехал в Эрфурт. Его взгляд, привыкший читать по лицам, просветлел, упав на молодого монаха. При первом же взгляде он заинтересовался им. Он отметил его лоб, на котором была видна скорбная тень, взгляд, говоривший о внутренних страданиях, тело, превратившееся почти в скелет из-за духовной борьбы; весь он был таким кротким, таким смиренным, таким согбенным. И в то же время его дух не был побежден и сила не иссякла. Штаупиц сам пил из той же чаши, что и Лютер. У него были душевные переживания, хотя, говоря языком Библии, ему «оставалось только бежать с лакеями», в то время как Лютер состязался «с лошадьми». Его собственный опыт позволил ему догадаться о внутренней борьбе монаха, стоявшего перед ним.

Главный викарий подозвал монаха, сказал ему несколько добрых слов – это показалось Лютеру странным, так как насельники монастыря объясняли его переживания только одержимостью злым духом – и постепенно завоевал его доверие. Лютер ощущал некое таинственное воздействие слов Штаупица, которое проникало в его душу и действовало успокаивающе на него. В главном викарии монах впервые встретил человека, который действительно его понимал.

Они общались в уединении монастырской кельи. Лютер открыл свою душу, ничего не утаив от главного викария. Он рассказал ему об искушениях, об ужасных помыслах – он тысячи раз давал обеты и столько же раз нарушал их; как он сжимался при взгляде на свою греховность, и как часто он содрогался при мысли о Божией святости. Он жил не под обетованием милости, а под угрозой закона. «Кто выдержит день пришествия Его, и кто устоит, когда Он явится?»

Мудрый Штаупиц понимал, как все происходило. Монах стоял в присутствии Великого Судьи без посредника. Он пребывал в Огне Поедающем, он общался с Богом, как будто на Голгофе никогда не было креста, не было «места для покаяния». «Почему ты истязаешь себя такими мыслями? Посмотри на раны Христа – говорил Штаупиц, стараясь отвернуть его взгляд от своих собственных ран – изнеможение плоти, посты, которыми он надеялся разжалобить Всевышнего». «Посмотри на кровь, которую Христос пролил за тебя, продолжал опытный наставник, и тогда милость Божия откроется тебе».

«Я не смею приблизиться к Богу, отвечал Лютер, пока не стану лучше; я недостаточно каялся». «Лучше!» говорил главный викарий. «Христос пришел спасти не праведников, а грешников. Возлюби Господа и покаешься; нет настоящего покаяния, если оно не начинается с любви к Богу, нет любви к Богу без понимания милости, дающей грешнику свободу от греха через кровь Иисуса Христа». «Вера в милость Божию. Это звезда, которая идет перед покаянием, это огненный столп, который направляет его в скорбной ночи, дает свет и указывает путь к Божьему престолу».

Это были мудрые слова, а слова мудрости как гвозди, забитые в нужном месте столяром. Так случилось и со словами главного викария; свет с небес, сопровождавший их, освятил разум Лютера. Он почувствовал, как исцеляющий бальзам коснулся его ран, как освежающий елей излился на его раненый дух. Прежде чем покинуть его, главный викарий подарил ему Библию, которую Лютер принял с безграничной радостью; особенно с благоговением он отнесся к напутствию Штаупица: « Пусть изучение Писания станет твоим любимым занятием».

Но преобразование Лютера не было еще закончено. Трудно войти в жизнь – выбросить из сердца сомнения, страх перед Богом, которым грех наполнял его, и принять великую и истинную мысль о Божьей огромной любви и абсолютно бескорыстной и безграничной милости.

Вера Лютера была пока размером с горчичное зерно. После того, как Штаупиц покинул его, он опять перевел взгляд со Спасителя на себя; тучи отчаяния и страха мгновенно сгустились, и возобновились прежние противоречия, хотя и с меньшей силой. Он серьезно заболел и находился при смерти. На этом ложе с помощью

простого орудия Бог довершил преобразование, которое начал главный викарий. Пожилой монах, который был истинным христианином, как рассказал потом Лютер, хотя и носил «сутану проклятия», подошел к его постели и начал просто и настойчиво повторять апостольский символ веры, «Я верю в оставление грехов». Лютер еле-еле повторял за ним «Я верю в оставление грехов». «Нет – говорил монах. Ты должен верить не только в прощение грехов Давида и Петра, но и в прощение своих собственных грехов. Решающие слова были сказаны. Луч света проник во тьму, окружавшую Лютера. Он понял все: все Евангелие в одной фразе, прощение грехов, не искупление, а прощение.

В тот час догмат папства рухнул в душе Лютера. Он больше не ждал спасения от себя или церкви. Он понимал, что Бог просто простил его в Своем сыне Иисусе Христе. Двери его тюрьмы открылись. Он оказался в новом мире. Бог развязал его вретище и препоясал его радостью. Исцеление духа принесло выздоровление телу, и через некоторое время он поднялся с одра болезни, который чуть не стал его смертным одром. Врата разрушения по чудесной Божьей милости обратились во врата рая.

Борьба, которую он вел в келье, была более значительной, чем та, которую ему пришлось вести потом на Сейме в Вормсе. Не было ни глазеющей толпы, ни освещавших сцену огней, борьба проходила во мраке кельи, но все элементы значимости присутствовали. В Вормсе Лютер стоял перед земными начальствами и властями, которые могли убить только тело и больше ничего не могли сделать. Здесь он встретил начальства и власти тьмы и вступил в борьбу, исход которой означал вечную жизнь или вечную смерть. И он победил! Келья стала колыбелью новой жизни для Лютера и новой жизни для христианства. Но прежде, чем она стала колыбелью, она должна была стать могилой. Лютеру пришлось бороться не до слез и стонов, но до смерти. «Безрассудный! То, что ты сеешь, не оживет, если не умрет». Так Дух Божий вдохновил Павла сказать, что такое всеобщий закон. Во всяком случае, смерть должна предшествовать новой жизни. Новая жизнь церкви в начале христианской эры возникла из гроба Христа. Прежде чем мы обретем бессмертие, мы должны умереть и быть похоронены. В Эрфурте, в келье умер монах Лютер, и в этой келье родился Мартин Лютер христианин, а рождение христианина Лютера было рождением реформации в Германии.

Давайте остановимся здесь и обратим внимание, как реформация сначала готовилась в келье, в Эрфурте, в душе Лютера, прежде чем показать свою силу на общественной сцене Германии и христианского мира.

Перст божий коснулся человеческого разума, и пробудились могучие силы. Реформация родилась ни в королевских палатах, ни в кабинете философа или

ученого; она вышла из глубин духовного мира, непрестанных потребностей и чаяний человеческой души, разбуженной после долгого сна божественным содействием.

Веками душа человека «стенала под бременем». Этим бременем было осознание греха. Избавлением от этого бремени было не прощение, а искупление греха. Возникла церковь, которая хотя и оставив «прощение грехов» частью своего символа веры, выбросила его из своей практики, или подменила Божие прощение своим собственным.

Евангелие вначале проповедовало прощение даром. Предлагать прощение на других условиях значило закрыть небеса. Но римская церковь повернула взоры людей от спасения Евангелия к спасению, единственным обладателем которого она себя объявила. Евангелие не назначало за него цену, так как даже самая маленькая цена противоречила ему, а церковь назначила высокую цену. Спасение сделалось рыночным товаром; оно было выставлено на продажу, и, кто хотел получить его, должен был заплатить установленную церковью цену. Кто-то платил добрыми делами, кто-то – аскетизмом и епитимиями, а некоторые – деньгами. Каждый платил той монетой, которая была ему по вкусу, способности или удобству; но все должны были платить. Христианский мир со временем был охвачен огромным механизмом, осуществлявшим духовную торговлю. Была организована структура людей, через чьи руки проходил этот поток. Кроме этого главного торгового центра, открытого на семи холмах, появились сотни и тысячи лавок во всех концах христианского мира. Монастыри возникали для тех, кто предпочитал платить епитимиями, соборы и церкви строились для тех, кто платил молитвами и мессами; привилегированные гробницы и исповедальни для тех, кто предпочитал платить деньгами. Половина христианства погрязла в грехах, потому что были богаты, вторая половина стенала от самовольного смирения, потому что были бедны. Когда, наконец, догмат о спасении, который должен был куплен у церкви, достиг своего апогея, он провалился.

Но христианство не освободилось от догмата искупления. Освобождение пришло не от гаранта церкви и выполнения епитимий и добрых дел. Христианство поняло, что этот путь никогда бы не привел к освобождению. Его бремя с каждым веком становилось все тяжелее. Положение стало безнадежным, когда звуки старого Евангелия, как серебряные трубы юбилейного дня, прозвучали в самые его уши; оно услышало, сбросило иго обрядов; повернулось от прощения человека к Божьему прощению; от церкви к Христу; от епитимии к жертве Христа. Его освобождение совершилось.

Глава 5 - Лютер – священник, профессор и проповедник.

Рукоположен на священника. – Виттенбергский университет – Лютера сделали профессором. – Лекции по Библии – Популярность – Студенты съезжаются. – Лютер проповедует в Виттенберге. – Деревянная церковь – Слушатели – Впечатление – Евангелие возобновляет свой марш. – Кто его остановит?

Лютер был уже два года в монастыре, когда в воскресенье 2 мая 1507 года он был рукоположен в священники. Его рукоположил Иероним, епископ Бранденбургский. Присутствовал его отец, Ганс Лютер, в сопровождении двадцати верховых, старых товарищей Лютера, в подарок он привез своему сыну двадцать гульденов. Самое раннее письмо Лютера, сохранившееся до наших дней, - это приглашение Иоганну Брауну, викарию Айзенаха. Оно передает живую картину эмоций, с которыми Лютер вступал в новое служение. «Так как великий Бог, – писал он – святой во всех Своих твореniях соблаговолил возвысить меня, презренного и во всем недостойного грешника, и призвать к высокому служению единственно по Своей великой милости, я благодарен за величие такой Божьей благости (насколько может быть благодарным прах и пепел), и буду должным образом исполнять служение, порученное мне».

В протестантских церквях рукоположение означает служение, а в римской церкви, где был рукоположен Лютер, оно означает принадлежность к священству. Епископ Бранденбургский при рукоположении Лютера дал ему в руки чашу, сопроводив действие следующими словами: «Получаешь власть приносить жертву за живых и умерших». Одним из основополагающих принципов протестантизма является то, что только Христос принес жертву, и с приходом этого «Единственного Священника» и Его «единственной жертвы» навсегда отменяется жертвоприношение священников. Лютер не понимал этого тогда, но воспоминание о словах, сказанных ему епископом, приводило его в смятение в последующие годы. «Если земля не разверзлась и не поглотила нас обоих, – писал он – то только по великому Божьему долготерпению».

Лютер провел еще один год в келье, и наконец, поспешно ее покинул, как Иосиф тюрьму, когда его пригласили в более широкую сферу. Фридрих Мудрый, курфюрст Саксонский, основал университет в Виттенберге в 1502 году. Он хотел, как написал в своей хартии, сделать его светом для своего королевства. Он даже и не мечтал о таком исполнении своего желания. Курфюрст искал в своем окружении подходящих людей для ее кафедр. Штаупиц, чья проницательность и благородство снискали уважение Фридриха, рекомендовал монаха-августинца из Эрфурта. Приглашение курфюрста немедленно отправили Лютеру, и он принял его. Итак, мы видим его, наученного Богом, с богатым собственным опытом, просвещенным светом

Евангелия, прощающимся с монастырем, но пока не с сутаной, и отправляющимся преподавать в только что открытый университет в Виттенберге.

Его назначили на факультет «диалектики и физики», другими словами схоластической философии. Однажды и не так давно, Лютер получал удовольствие от этой философии, и считал ее совершенством мудрости. С тех пор он попробовал «старое вино» апостолов, и потерял интерес к «новому вину» схоластов. Он очень хотел открыть источник Воды Живой своим студентам. Тем не менее, он принялся за работу, порученную ему, и его труды на этом неплодородном поле принесли пользу в окончательной подготовке себя к борьбе и свержению философии Аристотеля – одного их идолов того времени.

Вскоре «философия» была заменена «богословием» в качестве факультета нового профессора. Тогда Лютер оказался на своем месте; он выбрал для рассмотрения Послание к Римлянам, которое светит как великолепное созвездие на небесном своде Библии, собрав воедино все великие темы откровения.

Перейдя из кельи в аудиторию с открытой Библией в руках, этот профессор говорил, как никакой другой преподаватель в течение многих веков в христианском мире. Он не был ни ритором, показывавшим свое мастерство, ни диалектиком, гордившимся утонченностью своей логики и искусством софистики, ни философом, излагавшим с чувством превосходной мудрости последние изобретения разных школ. Лютер говорил как человек, пришедший из другой сферы. Он, действительно, поднимался ввысь, или, говоря точнее, нисходил вниз в преисподнюю более чем великий поэт, автор «Божественной комедии», и ценой слез, стенаний и страданий души он узнал то, что сейчас даром сообщал другим. В этом заключался секрет силы Лютера. Молодежь окружала его, их число росло день ото дня; профессоры и ректоры сидели у его ног; слава об университете дошла до других стран, и студенты из-за рубежа стекались, чтобы услышать мудрость профессора из Виттенберга. Вода жизни, сдерживаемая так долго, была освобождена и текла среди обителей людей, обещая превратить высохшую пустыню, в которую превратилось христианство, в цветущий Божий сад.

«Этот монах – говорил д-р Моллерштадт, ректор университета, человек большой эрудиции и славы – реформирует всю церковь. Он строит на пророках и апостолах, которых не могут опровергнуть ни последователи Скотта, ни Фомы Аквинского».

Штаупиц наблюдал за продвижением молодого профессора с особым и живым удовлетворением. Он даже планировал для него более широкое поле деятельности. Почему, думал Штаупиц, Лютер должен был ограничивать свой свет стенами университета? Вокруг него в Виттенберге и во всех городах Германии есть толпы, которые как овцы без пастыря, пытаются удовлетворить голод рожками,

получаемыми от монахов. Почему бы не дать им Хлеб Жизни? Главный викарий предложил Лютеру проповедовать открыто. Лютер уклонился от такого важного служения – так велика была ответственность. «Менее чем через шесть месяцев – говорил он – я сойду в могилу». Но Штаупиц знал монаха лучше, чем самого себя; он продолжал настаивать на своем предложении, и, наконец, Лютер согласился. Мы шли за ним от кельи до кафедры университета, а теперь проследуем от кафедры университета до церковной кафедры.

Лютер начал свое открытое служение не в богатом соборе, а в одной из самых скромных церквей Германии. Посередине площади стояла старая деревянная церковь, тридцать футов длиной и двадцать шириной. Далеко не великолепная в свои лучшие дни, сейчас она была в очень плохом состоянии. Угрожая падением, она нуждалась в подпорках со всех сторон. В этой часовне было возвышение, поднимавшееся на три фута над уровнем пола. Это место было отведено для молодого проповедника. И с этого грубого помоста Божье слово было впервые проповедано простым людям после нескольких веков молчания.

«Это здание – пишет Мукони – можно сравнить с хлевом, в котором родился Христос. Бог захотел, чтобы в таком убогом месте, можно сказать, Его возлюбленный Сын родился во второй раз. Среди тысяч соборов и церквей не нашлось ни одного в то время, которое Бог выбрал для славной проповеди вечной жизни».

Если эрудиция и проницательность снискали Лютеру известность в университете, в ни меньшей степени сила его красноречия привлекала внимание его соотечественников. До него авторитет церковной кафедры был очень низким. В то время ни один приходской священник во всей Италии не поднимался на кафедру. Проповедь была отдана нищенствующим монахам. Эти люди не имели ни человеческого, ни Божественного знания. Чтобы удерживать слушателей, им приходилось развлекать их. Это было нетрудно, так как публика была также неразборчива, как и проповедники. Шутки, чем грубее, тем эффективнее, легенды и сказки, чем чуднее и невероятнее, тем более привлекали внимание; жизнь и чудеса святых были основной темой проповеди тех дней. Данте запечатлел эти художества, истина его описаний подтверждается изображением таких сцен, которые дошли до нас в скульптурах некоторых соборов. А проповедник, который появился на скромной кафедре деревянной часовни Виттенберга, говорил со властью, а не как монахи. Его живое лицо, горящий взгляд, красноречие в добавление к величию возвещаемых им истин овладевали сердцами и внушали трепет слушателям. Он говорил о прощение, как о даре не через священников, а непосредственно от Бога. Люди удивлялись этому, как нечто новому, неизвестному и в то же время

живительному и желанному. Было очевидно, говоря языком Меланхтона, что «его слова рождались не в устах, а в душе».

Слава его, как проповедника, росла. Толпы приходили из соседних городов, чтобы послушать его. Деревянный пол старого строения трещал под толпами слушателей. Оно было слишком мало, чтобы вместить всех желающих. Муниципалитет Виттенберга избрал его своим проповедником и предоставил ему церковь. Однажды курфюрст Фридрих был среди его слушателей и восхищался простотой и силой его речи, а также богатством и глубиной предмета обсуждения. В присутствии многочисленной публики его красноречие обретало новую силу. Все ярче разгорался свет, и все многочисленнее были глаза, обращавшиеся в ту сторону, где он горел. Реформация почти начала свой путь. Бог повелел ей идти вперед, и человек не мог ее остановить. Папы, императоры и мощные армии бросятся на нее, будут возведены эшафоты и разложены костры; через все она пройдет с победой и, наконец, взойдет на мировой престол. Появившись из этого убогого строения в Виттенберге, как солнце, что встает из земной дымки, она поднимется выше и засияет ярче пока, наконец, Истина в своем зените не осветит мир от полюса до полюса.

Глава 6 - Путешествие Лютера в Рим.

Ссора – Лютера посылают наладить отношения. – Выезжает в Рим. – Сны – Итальянские монастыри – Их роскошь – Предзнаменование – Заболевает в Болонье. – Голос – «Праведный верою жив будет». – Флоренция – Красота места и зданий – Ренессанс – Савонарола – Кампанья ди Рома – Первое впечатление Лютера от Рима.

Было необходимо, чтобы Лютер сделал передышку в своих трудах. Некоторое время он работал в большом напряжении, а ни разум, ни тело не могут долго вынести такую нагрузку. Во времена покоя и размышления душа анализирует свое развитие и делает новый скачок. Кроме того Лютеру, как будущему реформатору, нужен был еще один урок для полного обучения, и этот урок он мог получить только заграницей. В келье Эрфурта ему открылась греховность его сердца и беспомощность пропавшего грешника. Это должно было стать фундаментом его обучения. В Риме ему должна была открыться порочность той церкви, которую он считал церковью Христа и обителью святости.

Как часто бывает, самое тривиальное дело привело к огромным последствиям, как для Лютера, так и для всего христианства. Разразился скандал между семью монастырями августинцев и их главным викарием. Было решено представить дело на рассмотрение Папе, и благодаря благоразумию и красноречию, Лютера рекомендовали, как наиболее подходящего человека для выполнения этой задачи. Это было в 1510 или, согласно другим, в 1512 году. Мы видим молодого монаха, отправляющегося в столицу христианства. Можно предположить, что его сердце билось быстрее при приближении к Вечному Городу, известному, как пристанище Цезаря, и еще более известному, как пристанище Пап. Для Лютера Рим был вроде как Святое Святых. Там находился престол наместника Бога. Там находился оракул Непогрешимости. Там жили посвященные священники и служители Господа. Туда шли год за годом армии набожных паломников, группы святых отшельников и монахов, чтобы исполнить обеты в его храмах, и упасть ниц перед скамеечкой апостолов. Сердце Лютера переполняли необычные эмоции, когда он думал, что его нога ступит за ворота этого трижды святого города.

Увы, какое ужасное разочарование ждало монаха в конце путешествия; или скорее, какое счастливое освобождение от расслабляющей и губительной иллюзии! Пока это заклятие было на нем, Лютер оставался пленником силы, которая заключила истину в темницу и сковала народы. Рука в оковах не могла наносить удары для освобождения христианства. Он должен был увидеть Рим, но не так, как он рисовал его в своем воображении, а таким, каким его сделали грехи. И он должен был поехать туда, чтобы увидеть все своими глазами, так как он бы не поверил в его уродство, если кто-то другой рассказал ему. Чем глубже было его

идолопоклонническое благоговение при приближении к нему, тем решительней становилась задача Лютера при переходе через его порог не оставить камня на камне от этой деспотичной и нечестивой власти.

Лютер перешел через Альпы и спустился на плодородные равнины Ломбардии. Этих великолепных дорог, по которым легко и приятно передвигается сейчас путешественник через снега и скалы, образующие северную стену Италии, тогда не было, и Лютеру приходилось пробираться через этот бастион по труднопроходимым и опасным тропам. Величественность, которую встретил и которой радовался его взор во время путешествия, несомненно, оказала облагораживающее влияние на его ум, и смешало итальянскую идиллию с тевтонским здравомыслием. Он, как и другие, был очарован быстрым переходом от простоты немецких равнин и массивности Альп к изумительному небу, чудесному воздуху и земле, изобилующей цветами и плодами, которые нашел его взор при завершении спуска с гор.

Измученный путешествием, он вошел в монастырь, располагавшийся на берегу реки По, чтобы отдохнуть несколько дней. Он был поражен его великолепием. Его ежегодный доход, составлявший огромную сумму в тридцать шесть тысяч дукатов, весь тратился на питание, одежду и помещения для монахов. Апартаменты были роскошны до предела. Они были выложены мрамором, украшены живописью и обставлены богатой мебелью. Так же роскошны и утонченны были облачения монахов. Их одежды были сшиты в основном из шелка и бархата; и каждый день они садились за стол, уставленный изысканными и искусно приготовленными блюдами. Монах, который в своей родной Германии жил в пустой келье, и чьим дневным пропитанием иногда была одна селедка и небольшой кусок хлеба, был удивлен, но ничего не сказал.

Подошла пятница, а по пятницам церковь запрещала верующим есть мясо. Стол монахов ломился от такого же изобилия, как и раньше. Как и в другие дни, на столе были мясные блюда. Лютер не мог больше сдерживаться. «В этот день – сказал Лютер – нельзя этого есть. Папа запретил». Монахи в удивлении обратили взгляды на немца-грубияна. Действительно, подумали они, он был очень дерзок. Это не испортило им аппетита, но они стали бояться, что немец может сообщить об их образе жизни начальству, и советовались как избежать опасности. Привратник, сострадательный человек, намекнул Лютеру об опасности дальнейшего пребывания в монастыре. Воспользовавшись добрым советом, пока позволяло здоровье, он покинул монастырь и все, что было в нем, как можно было скорее.

Отправившись далее пешком, он пришел в Болонью, «престол римского закона». В этом городе Лютер заболел, болезнь была настолько серьезна, что угрожала смертельным исходом. Болезнь сопровождалась депрессией, естественной для того, кто должен был найти свою могилу заграницей. Судное Место представало перед

его глазами, и тревога наполняла его душу при мысли, что он должен предстать перед Богом. Короче вернулись старые страдания и страх, хотя и в меньшей степени. Когда он ждал смерти, ему показалось, что он слышал голос, говоривший: «Праведный верою жив будет». Ему казалось, что голос говорит ему с небес, так ярко было впечатление. Во второй раз этот отрывок из Писания возник в его уме, как будто кто-то произнес его. На своей кафедре в Виттенберге, когда он читал лекцию о Послании к римлянам, он пришел к этим словам: «Праведный верою жив будет». Они так сильно захватили его, что он был вынужден сделать паузу и поразмыслить над ними. Что они означают? Что они могут значить, кроме того, что у праведника новая жизнь, и эта жизнь возникает из веры? Но вера в кого и во что? В кого, как ни во Христа, и во что, как ни в праведность Христа ради спасения грешника? Если так, то прощение и вечная жизнь не по делам, а по вере: это Божий дар грешнику ради Христа.

Так рассуждал Лютер, когда эти слова впервые приковали его внимание, и так же он рассуждал в больничной палате Болоньи. Они явились необходимым предупреждением, когда он подходил к городу, где были изобретены всевозможные обряды и служения, чтобы люди могли жить делами. Болезнь и страдания вернули его единственному источнику жизни и святости. Он был научен, что эта святость не ограничена никакой территорией, никакой системой, никаким обрядом; она появляется в сердце, где живет вера. Ее источник не в Риме, а в Библии; ее податель не Папа, а Святой Дух.

«Праведник верою жив будет». От этих слов вокруг него, казалось, распространялся свет. Он поднялся с постели, исцеленный и телом, и душой. Он продолжил путешествие, пересек Апеннины, испытав, несомненно, после болезни живительную силу их бодрящих бризов и аромат их лесных долин, напоенный цветением ранней весны. Пройдя через горы, он спустился в роскошную долину, где Флоренция, омываемая водами Арно и окаймляемая оливковыми и кипарисовыми рощами, покоится под солнцем, где свет делает красивым все, на что он падает. Здесь Лютер остановился вновь на отдых.

«Этрусские Афины», как называли Флоренцию, приобретали славу. Недавно было возведено много роскошных зданий, и они сверкали первоначальной свежестью и красотой. Уже Брунеллески повесил самый большой купол в мире на воздухе, уже Джотто возвел свою Кампанилу, сделав ее благодаря огромной высоте, элегантной форме и богатству разноцветного мрамора, достопримечательностью города. Уже и Баптистерий был построен со своими бронзовыми вратами, которые Микеланджело назвал «достойными быть вратами рая». Кроме них другие памятники и произведения искусства украшали город, где будущий реформатор остановился. К этим гениальным творениям Лютер не мог оставаться равнодушным,

до этого он был знаком только с довольно простой архитектурой северных земель. В Германии и Англии нередко применялось дерево при строительстве домов, в то время как итальянцы строили в мраморе.

С этрусской столицей было связано и другое, что достаточно образованный Лютер мог оценить. Флоренция была колыбелью Ренессанса. Дом Медичи занимал высокое положение в прошлом столетии. Козимо, основатель рода скопил огромные богатства, занимаясь торговлей. Страстно любя науку и искусство, он тратил состояние на поддержку ученых и художников. Поклонники науки изо всех стран приглашались им и его сыном Лоренцо в его шикарную виллу на берегу Фьезоле, и им оказывалось царское гостеприимство. Ученые с востока, образованные люди из Англии и северной Европы встречались с поэтами Италии. И, когда они гуляли вдоль террас или собирались группами в беседках сада, (город, Арно, оливковые и кипарисовые рощи под ними) они продолжали дискутировать о новом учении и возрожденной эпохе, которую литература принесла с собой, пока не спускались тени, сумерки не скрывали купола Флоренции, и звезды не появлялись на небесной лазури. Итак, город Медичи стал центром интеллектуального и литературного возрождения, которое потом распространилось по всей Европе, и которое возвестило о дне более благословенного света, чем любая философия или наука могли дать. Увы, в Италии, где этот свет впервые забрезжил, утро вскоре должно было превратиться в смертную тень!

Но Флоренция совсем недавно была ареной событий, которые не могли не быть известны Лютеру, и которые должны были затронуть более глубокие струны в его груди, чем великолепные сооружения и литературная слава. За четырнадцать лет (1498г.) до приезда Лютера в этот город Савонарола был сожжен на Пьяза дель Гран Дукка за обличение порочности церкви, за то, что придерживался авторитета Писания и учил, что люди могут быть спасены не благими делами, а искупительными страданиями Христа. Эту истину Лютер узнал в келье, ее свет открылся ему со страниц Библии; Святой Дух железным пером страданий написал ее у него в сердце. Он проповедовал о них слушавшим толпам в деревянной часовне в Виттенберге. На этом месте, уже отмеченном статуей Нептуна, его брат монах был сожжен заживо в Италии за то же самое, что он делал в Саксонии. Мученическую смерть Савонаролы он не мог не признать как хорошее и одновременно плохое предзнаменование. Его, несомненно, ободряла мысль о том, что в далекой стране другой человек, изучая ту же книгу, пришел к тому же заключению, к которому он сам пришел относительно жизненного пути, и смог засвидетельствовать об истине своею смертью. Это показало ему, что Дух Божий действовал и в этой стране, что свет вспыхнул в разных местах, и что день, который он ждал, был недалеко.

Но костер Савонаролы можно было интерпретировать по-другому, его можно истолковать, как пророческий в отношении ко многим кострам, которые были потом зажжены. Смерть флорентийского исповедника показала, что древняя ненависть тьмы к свету осталась такой же как прежде, и что тьма не откажется от упорной борьбы. Не на мирную почву должна была ступить Истина, не под восхваления толпы ее путь должен быть завершен. Напротив, бури и битвы будут на ее пути; каждый шаг вперед будет завоеван в страшном противостоянии. Она должна страдать и истекать кровью, прежде чем воцарится. Такими были уроки, которые Лютер получал на этом месте, куда он, несомненно, приходил для размышлений и молитв.

Сколько последователей оставил Савонарола в городе, в котором он пролил свою кровь? Это, неbсомненно, был еще один вопрос пристального изучения Лютера, но ответ был неположительным. Рвение флорентинцев охладело. Трудно было вступить в жизнь, как вступил в нее Савонарола – врата были слишком узкими, а путь тернистым. Они восхваляли его, но подражать не могли. Флоренция не должна была стать колыбелью евангельского ренессанса. Климат был роскошным, а церковь примиренческой; поэтому ее граждане, которых расшевелил голос великого проповедника, казалось, были близки от царствия небесного, но отпрянули назад, когда лицом к лицу столкнулись с костром, и согнулись под двойным бременем чувственности и суеверия.

До сих пор Лютеру не удавалось найти святость, которую он нарисовал в своем воображение перед путешествием, и которая непроизвольно должна была быть на этой святой земле. Чем далее он углублялся в Италию, тем более он был шокирован непочтительностью и неверием, характерными для всех слоев общества, особенно «религиозных». Моральное разложение было всеобщим. Гордость, жадность, роскошь, омерзительные пороки и ужасающие преступления осквернили землю, и, в довершении всего, «святое» было предметом презрения и насмешек. Казалось, что уникальный климат, питавший плодами земли с неизвестным для севера избытком, питал с таким же избытком аппетиты плоти и страсти души. Он тосковал о сравнительной умеренности, экономности, простоте и благочестии своей родины.

Но сейчас он был недалеко от Рима, а Рим, думал он, все компенсирует. В этом святом городе христианство проявится в незапятнанной красоте апостольской юности. В этом городе нет монахов, разряженных в шелка и бархат, нет роскошных диванов, камчатных тканей и необычной мебели, инкрустированной серебром и перламутром, в то время как их стены украшены мрамором, живописью и позолотой. Нет священников, имеющих пристрастие к вину и садящихся во время поста за стол, уставленный блюдами из мяса и дичи. Звуки виолы, лютни и арфы никогда не слышны в монастырях Рима, там слышно только слова молитвы, заутрени встречают

день, а вечерни сопровождают его уход. Ничего скверного не входит в этот святой город. Горя желанием попасть в благочестивое общество того места, куда он спешил, и забыть те сцены, которые видел по дороге туда, он оставил Флоренцию и начал последний этап путешествия.

Мы видим его в пути. Он спускается с южных склонов гор, на которых находится Витербо. Подойдя ближе, он напрягает зрение в надежде рассмотреть в недрах равнины, простирающейся у его ног, признаки той, которая однажды была «царицей народов». Справа от него, омывая берега Лация – голубое Средиземное море, слева – трехглавый Сократ и «пурпурные Апеннины» - белые города, висящие на их вершинах, оливковые рощи и сосновые леса, покрывающие их склоны – переходящие в величественную стену скалистых пиков, пока не пропадет из глаз на горизонте с южной стороны. Лютер приближается к легендарной Кампанье.

Тот, кто пересекает равнину в наши дни, находит ее без травяного покрова, молчаливой и безлюдной. Множество людей, которых она питала когда-то, исчезли из ее недр. Многие большие города, которые в лучшие дни венчали конусообразные вершины ее поверхности, были погребены в ее земле; оливковые и апельсиновые рощи были уничтожены, на их месте рос чертополох, вьюн и камыш. Ее дороги, по которым проходили армии, проезжали послы и проконсулы, сейчас заброшены и пустынны. Разбитые колонны, торчащие из земли, остатки кирпичной кладки с облезшим мрамором, фундаменты храмов и гробниц, ставшие прибежищем лисам и разбойникам, и подобные памятники – это почти все, что осталось в свидетельство о процветающей цивилизации и величественных строениях, когда-то украшавших эту равнину.

Но во времена Лютера Кампанья не была еще безлесной, заброшенной территорией, как сейчас. Конечно, многие признаки упадка встречались ему, когда он проезжал мимо. Война оставила несколько ужасных шрамов на этой равнине, праздность и невежество ее жителей усугубились; но, однако, в шестнадцатом веке она не совсем была оставлена людьми и города не были разорены, как сегодня. Земля все еще продолжала наслаждаться тем, что потом прекратилось: севом и жатвой. Кроме того, Лютер оказался там в начале лета; молодая зелень, окутывавшая землю под лучами итальянского солнца, представляла приятную картину. Но его мысли были поглощены одним предметом: он приближался к столице христианского мира. Сначала он увидел вершины Монте Марио, примыкавшие к холму Ватикан, так как купол собора св.Петра не был еще построен, а дальше он увидел длинную ломаную линию, образованную зданиями и башнями города. Лютер впервые увидел город, который всегда вызывал в первый раз эмоции, хотя и не такие бурные, как те, которые поразили Лютера в тот момент. Пав на колени, он воскликнул: «Святой Рим, я приветствую тебя!»

Глава 7 - Лютер в Риме.

Восхищение – Руины – Святые места – Римские назореи – Святость Рима – Глаза Лютера начинают открываться. – Лестница Пилата – Голос слышен в третий раз. – Ключ, который открывает закрытые врата рая. – Что Лютер узнал в Риме.

После многих утомительных километров нога Лютера, наконец, шагнула за ворота Рима. Каковы его чувства? Куда он попал, в рай или преисподнюю?

Его восхищение недолго продолжалось. Он пытался найти подтверждение своим мечтам, которые освещали трудное путешествие. Он старался убедить себя, что здесь он дышит более святым воздухом, общается с набожными людьми, назареи Господа каждую минуту проходили мимо в своих длинных рясах, колокола звонили весь день и даже ночью, говоря о том, что молитвы и восхваления возносятся в храмах столицы христианского мира.

Первое, что поразило Лютера – это физический упадок и разорение этого места. Везде были великолепные дворцы и памятники, но довольно странно то, что рядом были груды мусора и руин. Это были остатки имперской славы города – военных трофеев, гениальных творений, произведений искусства, украшавших его в период расцвета. Они показали ему, каким был Рим при языческих консулах и императорах, и позволили ему судить, сколько им он был обязан Папам.

Лютер смотрел с почтением на поврежденные и обезображенные остатки, которые ассоциировались в его сознании с бессмертными именами великих людей, чьи деяния вызывали у него трепет, и по чьим трудам он учился на родине. Здесь тоже, думал Лютер, были мученики. На арене громадных руин Колизея они противостояли львам, на том месте, где сейчас стоит грандиозный собор св.Петра, и где наместник Христа воздвиг свой престол, их использовали «в качестве факелов для освещения ночной тьмы». В этом городе ступала нога Павла, в этот город было отправлено письмо, открыто и впервые прочитанное, в котором были слова, давшие ему новую жизнь: «праведный верою жив будет».

Первые несколько недель пребывания в Риме Лютер был занят посещением святых мест и служением месс в самых святых церквях. Так как, хотя Лютер в сердце был обращен и полагался только на Одного Посредника, его знания были несовершенны и разум оставался частично в темноте. Закон жизни в его душе не мог сразу сформировать свободного образа действий. Понятия могут преобразовываться, а старые действия и привычки традиционного верования оставаться какое-то время. Нелегко было Лютеру или христианству выбраться из ночи двенадцати веков. Особенно в то время, когда ночь нависала над половиной Европы. Именно физическое уродство Рима – шрамы, которые оставили войны и

варвары – стало первым камнем преткновения для Лютера. Прошло совсем немного времени, когда он начал понимать, что внешние дефекты не шли ни в какое сравнение со скрытым нравственным и духовным разложением, существовавшим под поверхностью. Роскошь, похотливость и неверие, которые потрясли его во время первых посещенных им итальянских городов, и которые сопровождали его на каждом шагу, с тех пор как он спустился с Альп, повторились в Риме в семикратном размере. Служение им месс в наиболее знаменитых церквях сблизило его со священниками. Он видел их за кулисами, слышал их разговоры и не мог скрыть от себя, (хотя это открытие потрясло его и причинило боль), что эти люди просто играют роль и наедине презирают и насмехаются над теми самыми обрядами, которые исполняют на публике с великим благоговением. Если он был шокирован их нечестивым легкомыслием, то они, ни в меньшей мере, были очень удивлены его святой доверчивостью. И насмехались над ним, как над глупым немцем, который не был достаточно одаренным, что быть скептиком и недостаточно хитрым, чтобы быть лицемером – короче, ископаемый вид фанатика двенадцатого века к их удивлению существовавший и в шестнадцатом.

Однажды Лютер служил мессу в одной из церквей Рима с привычным благоговением. Пока он служил одну мессу, священники в соседних алтарях служили семь месс. «Поторопись и отправь деву Марию назад к ее Сыну», такой ужасной насмешкой они, как считали, бранили его за задержку. Они ценили «Деву и Сына» только за деньги, которые они приносили им. Но это были простые священники. Конечно, думал он, вера и благочестие сохранились среди высокопоставленных лиц церкви! Как ошибочно было это убеждение, Лютеру вскоре пришлось узнать. Однажды он оказался за столом с прелатами. Приняв немца за человека с такой же поверхностной верой, они приподняли покрывало довольно откровенно. Они открыто высказывали свое неверие в церковные таинства, и бесстыдно хвалились своим мастерством обмана и одурачивания людей. Вместо слов: «Hoc est meum corpus», - при произношении этих слов хлеб пресуществляется, как учит Римская церковь, в тело и кровь Христа – эти прелаты, как они сами рассказали ему, обычно говорили: «Panis es, et panis manebis», то есть «Хлеб есть, и хлебом остается», и после этого, говорили они, мы поднимаем Св.Дары, и люди поклоняются. Лютер был буквально потрясен, как будто бездна отверзлась перед ним. Но ужас был спасительным, он открыл ему глаза. Просто он должен был отвергнуть веру в христианство или в римскую церковь. Его борения в Эрфурте углубили его веру в христианство, что невозможно было отвергнуть его, поэтому надо было расстаться со вторым, но пока Лютер отверг священников римской церкви, а не ее доктрины и обряды.

Рим не был городом молитв и милостыни, кающихся сердец и святой жизни, а городом притворного лицемерия, дерзкого скептицизма, глумливого неверия и

бесстыдного веселия. Борджиа недавно завершил свой бесславный понтификат, и сейчас правил воинственный Юлий II. Влиятельная полиция патрулировала город каждую ночь. Им была дана власть вершить быстрый суд над нарушителями, и те, которых они хватали, вешались на ближайшем столбе, или бросались в Тибр. Но бдительность патруля не могла обеспечить спокойствие и безопасность улиц. Грабежи и убийства случались каждую ночь. «Если есть ад, - сказал Лютер – то Рим построен над ним».

И, однако, именно в Риме, посреди всей этой тьмы, в уме реформатора заблестел свет, и великая выдающаяся мысль, на которой основывалась вся его жизнь, и на которой он основал всю реформацию, доверенную ему Богом, - доктрину оправдания только по вере – возникла у него в полном блеске. Естественно задать вопрос, как это случилось. Что было такого в городе папских обрядов, что проявило реформатскую веру? Лютер хотел использовать каждый час пребывания в Риме, где действия верующих, совершенные на этой святой земле, у знаменитых алтарей и гробниц, имели десятикратное значение. Поэтому он занялся их умножением, чтобы вскормить свои добродетели, и вернуться более святым человеком, чем до приезда, так как еще смутно понимал роль веры в оправдании грешника.

Однажды под влиянием таких чувств он отправился в Латеранскую церковь. Там есть Scala Santa, Святая лестница, по которой, как говориться в легенде, Христос спускался, возвращаясь из зала суда, где Пилат вынес Ему приговор. Эта мраморная лестница, по легенде, была перенесена из Иерусалима в Рим ангелами, которые не раз оказывали подобную услугу церкви, например Дом Св.Девы в Лоретто. Лестница, перенесенная таким образом, бережно хранилась в Латеранском дворце, и каждый, кто забирался по ней на коленях, заслуживал индульгенцию на пятнадцать лет за каждый подъем. Лютер, который не сомневался ни в легенде относительно лестницы, ни в награде, назначенной папской буллой за подъем по ней, пошел однажды, чтобы принять участие в этом святом действе. Он поднимался по ней определенным образом, а именно на коленях, зарабатывая на каждой ступени прощение на год, когда вздрогнул от неожиданного голоса, который как бы сходил с небес: «Праведный верою жив будет». Лютер в изумлении поднялся на ноги. Это уже третий раз, когда эти слова пронеслись в его уме с такой силой, что, как будто, громовой голос произнес их. Казалось, что он прозвучал громче прежнего, и он более полно понял ту великую истину, которую они возвещали. Как глупо, думал он, искать прощение у церкви, которое дается лишь на несколько лет, в то время как Бог посылает мне в Своем Слове прощение, которое будет навечно! Как тщетно принимать участие в этих действиях, когда Бог хочет очистить меня от грехов не за плату, а даром, по вере в Его Сына! « Праведный верою жив будет».

С тех пор учение оправдания только по вере – другими словами, спасение по благодати – являлось для Лютера великим всеобъемлющим учением откровения. Он полагал, что отход от этого учения поверг церковь в рабство, и она стала стенать от епитимий и дел самоправедности. Он верил, что церковь может вернуться к истине и свободе не иначе, как только вернувшись к этому учению. Оно было путем к истинной реформации. Этот великий церковный догмат христианства был, в известной мере, его фундаментальным догматом, и с тех пор Лютер начал провозглашать его фактически как Евангелие – все Евангелие в одной фразе. Он больше не имел дело с мощами, знаменитыми алтарями, лестницей Пилата. Одно только предложение: «Праведный верою жив будет» содержит в себе силу в тысячу раз больше, чем все сокровища Рима. Это был ключ, который открыл закрытые врата рая. Это была звезда, которая шла перед ним и привела к престолу Спасителя, чтобы обрести спасение даром. Нужно было вновь зажечь прежний огонь на церковном небосводе, чтобы день, такой же ясный, как в апостольские времена, засиял на нем. Именно это Лютер намеревался сделать.

Слова, которыми Лютер передал свое намерение – уникальны: «Я, доктор Мартин Лютер, писал он, недостойный вестник Евангелия нашего Господа Иисуса Христа, исповедую церковный догмат о том, что вера без дел оправдывает перед Богом, и я заявляю, что этот догмат пребудет вовек, несмотря на императора римлян, императора турок, императора татар, императора персов, несмотря на Папу и всех кардиналов с епископами, священниками, монахами и монахинями, несмотря на королей, принцев и знать, несмотря на весь мир и дьявола. А если они посмеют бороться с истиной, они навлекут адский огонь на свои головы. Это истинное и святое Евангелие и заявление от меня, доктора Мартина Лютера, согласно учению Святого Духа. Мы твердо придерживаемся его во имя Бога. Аминь».

Вот что узнал Лютер в Риме. Он верил, что долгое, утомительное путешествие стоило того, чтобы узнать одну истину. Из нее должна возникнуть жизнь, которая оживит христианство, свет, который осветит его, и святость, которая очистит и украсит его. В одном этом учение заключена вся реформация. «Я не поехал бы в Рим и за сто тысяч флоринтов» – говорил Лютер потом.

Когда он повернулся спиной к Риму, тогда он повернулся лицом к Библии. С тех пор Библия стала для Лютера городом Бога.

Глава 8 -Тетцель проповедует индульгенции.

Лютер возвращается в Виттенберг. – Изучает Библию. – Лев X - Его литературные вкусы – Его курия – Выгодная басня – Перестройка собора св.Петра – Продажа индульгенций – Архиепископ Майнца – Тетцель – Его характер – Красный крест и железный ящик – Сила индульгенций – Отрывки из его проповедей – Продажа – Что думают немцы.

Пребывание Лютера в Риме длилось не больше двух недель, но в это короткое время он получил такие уроки, которых не забывал всю свою жизнь. Благодать, которую он надеялся обрести в Риме, он нашел, но в Слове Божьем, а не у престола Папы. Последний оказался источником, который перестал давать живую воду. Итак, отвернувшись от этой пустой цистерны, он вернулся в Виттенберг изучать Писание.

Год его возвращения – 1512. Осталось еще пять лет до возникновения реформации в Германии. Лютер провел эти годы в напряженном труде проповедника, профессора и исповедника Виттенберга. Спустя несколько месяцев после его возвращения он получил степень доктора богословия, и это не могло не повлиять на сознание реформатора. По этому случаю, Лютер поклялся на Библии изучать, пропагандировать и защищать веру, содержащуюся в Святом Писании. С тех пор он смотрел на себя, как на присягнувшего рыцаря реформаторской веры. Распрощавшись с философией, с которой по правде он рад был расстаться, он обернулся к Библии, как делу всей его жизни. Он стал еще более прилежным учеником, чем раньше, его знакомство с Писанием росло с каждым днем, его понимание Писания все углублялось. Таким образом, в Виттенберге и соседних районах Германии было положено начало той великой работы, для которой Бог предназначил Лютера, с помощью Евангельского света, распространявшегося через его проповеди. Однако у него и мысли не было, чтобы отделиться от римской церкви, в которой, как он предполагал, присутствовала некая непогрешимость. Это были последние оковы рабства, и римская церковь сама неразумно изобретала меры, чтобы порвать их и освободить руку, предназначенной нанести ей удар, от которого она никогда полностью не оправиться.

Нужно опять обратить взгляд на Рим. Воинственный Юлий II, который был держателем тиары во время приезда Лютера, умер, и Лев X занял Ватикан. Лев был из рода Медичи, и принес с собой на папский престол все вкусы и страсти, которые отличили глав Медичи Флорентийской республики. С утонченными манерами, чувственный и сладострастный, любитель и покровитель изобразительных искусств, имевший представление о науках, любивший помпу и представления, он имел курию, одну из самых пышных в Европе. Не запрещены были ни утонченность, ни развлечения, ни удовольствия. В действительности, курия не ограничивалась ничем

в своей свободе. Она служила прибежищем искусству, живописи, музыке, пирам и маскарадам.

Понтифик нисколько не был обременен религиозными верованиями и убеждениями. Это не было модно ни в его роду, ни в его время. Его служение в качестве понтифика было, конечно, связано с «гигантской басней», которая пришла из прошлых времен. Но разоблачить эту басню значило разрушить кресло, на котором он сидел, и престол, который давал ему величие и власть. Поэтому Лев выразил свой скептицизм в известной колкости: «Каким доходным делом для нас является басня о Христе»! Вот до чего они дошли! Христианство служили лишь источником дохода для Пап.

Лев, как мы говорили, сочетая любовь к искусству с удовольствиями, задумал преобразить Рим. Его род украсил Флоренцию красивыми сооружениями. О ее славе говорили во всех странах, и люди приезжали издалека посмотреть на ее памятники. Лев сделает для Вечного Города то, что его предки сделали для столицы Эритреи. Войны, неряшливость и бедность Пап ввергли церковь св.Петра в плохое состояние. Он уберет это обветшалое строение и заменит его прекрасным сооружением, которого еще не знало христианство. Но для осуществления этого проекта потребуются миллионы. Откуда их взять? Представления и развлечения, которыми Лев льстил тщеславию своих придворных, и удовлетворял праздность римлян, опустошили его казну. Но величественному замыслу нельзя было позволить пропасть из-за недостатка денег. Если плотская сокровищница Папы была пуста, но духовная сокровищница была полной. И там было достаточно богатств. Чтобы возвести храм, который затмит все другие сооружения, и по достоинству будет столичной церковью христианства, было решено открыть особую продажу индульгенций во всех европейских странах. Эта торговля обогатит обе стороны. С Семи Холмов потечет поток духовных благословений. Обратно в Рим потечет поток золота.

Была проведена подготовка к открытию этого огромного рынка

(1517 г.). Разрешение на продажу в разных странах Европы давалось главному участнику торгов, цена заранее оплачивалась понтифику. Индульгенции в Германии передоверялись Альберту, архиепископу Майнца и Магдебурга. Архиепископ в Германии был тем, кем Лев X был в Риме. Он любил видеть себя, окруженным блестящим двором; он не отказывал себе в удовольствиях, любил развлечения, не выезжал без большого эскорта, и, как следствие, очень нуждался в деньгах. Кроме того, он должен был Папе за облачение, как некоторые говорят, 26 000 флоринтов, а другие 30 000 флоринтов. Не страшно, если он немного отделит от тех денег, что текут в Рим, в каналы, которые смогут приносить доход ему. Сделка была заключена, и архиепископ стал искать подходящего человека для продажи

индульгенций в Германии. Он нашел человека, подходившего для этого по всем статьям. Это был монах-доминиканец, по имени Иоганн Детцель или Тетцель, сын ювелира из Лейпцига. Он выполнял гнусное служение инквизитора, и, добавив к этому спекуляцию индульгенциями, приобрел большой опыт в этом бизнесе. Он был осужден за ужасное преступление в Инсбруке, приговорен к утоплению в мешке, но в результате властного вмешательства был помилован и продолжал жить, бессознательно помогая свержению системы, которая его кормила.

Тетцель не страдал отсутствием качеств необходимых для осуществления этого скандального занятия. У него был голос глашатого и красноречие шута.

Качество последнего позволяли ему раскрашивать самыми богатыми красками чудесные достоинства товаров, которые он предлагал. Источник его изобретательности, степень наглости и сила индульгенций были безграничны.

Этот человек продвигался по Германии. За его продвижением от одного места до другого можно было проследить на расстоянии по большому красному кресту, который он нес сам, и по папскому гербу на нем. Впереди процессии на бархатной подушечке несли буллу понтифика. Позади мулы везли кипы индульгенций, которые будут даны не тем, кто имел покаяние в сердце, а тем, у кого были деньги в руке.

Когда процессия приближалась к городу, жителям объявляли, «у их ворот милость Бога и святых отцов». Их приветствовали, как очень почетных гостей. Ворота открывались, и большой красный крест со всеми духовными сокровищами, для которых он являлся знамением, входил через них. За ним следовали большие, впечатляющие группы духовной и светской иерархии, монашеские ордена, различные торговцы и все население города, которые вышли приветствовать этого великого торговца индульгенциями. Процессия продвигалась под звуки барабанов, звон колоколов, со знаменами и зажженными свечами.

Войдя в город, Тетцель и его компания направились сразу в собор. Толпа напирала и наполняла церковь. Крест устанавливали перед алтарем, рядом с ним ставили железный ящик, куда складывали деньги, полученные за индульгенции, и Тетцель в одежде доминиканца, взобравшись на кафедру, начанал перечислять громким голосом несравненные достоинства своего товара. Он просил лютей подумать о том, что к ним пришло. Никогда прежде в их дни или дни их отцов не было такого счастливого дня. Никогда прежде врата рая не были так широко открыты. «Подходите и покупайте, пока рынок открыт, – кричал доминиканец – как только крест унесут, рынок закроется, небеса уйдут, и вы начнете стучаться и скорбеть, так как по глупости отказались воспользоваться благословениями, которые оказались уже далеко от вас. С такой речью Тетцель обращался к толпе. Его

собственные слова имели простоту и силу, которую нельзя передать при пересказе. Приведем несколько отрывков из его выступлений.

«Индульгенции – самые ценные и благородные из Божьих даров», говорил Тетцель. Затем показав на красный крест, он вставал перед толпой во весь рост и восклицал: «Этот крест имеет такую же силу как сам крест Христа». «Придите, я дам вам хорошо запечатанные письма, по которым вам простятся даже те грехи, которые вы намереваетесь сделать». «Я не отниму привилегий у последователей Св.Петра на небесах, так как я спас больше душ своими индульгенциями, чем апостол своими проповедями». Доминиканец знал, как возвысить свое служение, а также и прощения, которые он давал тем, кто имел деньги. «Более того, - говорил Тетцель, так как он еще не полностью раскрыл все чудесные достоинства своего товара – индульгенции помогают не только живым, но и умершим». Так установил Бонифаций VIII два века назад, а Тетцель продолжил практическое осуществление этой догмы. «Священник, вельможа, купец, женщина, юноша, девица, разве вы не слышите, как ваши умершие родители и друзья кричат из бездны преисподней: «Мы испытываем ужасные страдания! Небольшая милостыня спасет нас, разве вы не можете дать ее?»

Эти слова, сказанные громовым голосом, заставляли слушателей содрогаться.

«В тот самый момент, когда деньги падают на дно ящика, душа освобождается из чистилища и летит на небеса. Вы можете выкупить так много душ, жестоковыйные и безрассудные люди; за мелкую монету ты можешь освободить отца из чистилища, разве ты настолько неблагодарен, чтобы спасти его! Я буду оправдан в День Суда, а ты – ты будешь наказан еще более сурово за то, что отверг такое великое спасение. Я заявляю тебе, что если даже у тебя нет ничего, кроме одной одежды, ты должен снять и продать ее, чтобы получить благодать…Господь, наш Бог больше не царствует, он передал всю власть Папе».

Монах не жалел никаких аргументов, чтобы заставить людей получать индульгенции, другими словами, наполнять железный ящик. От огня чистилища – ужасной реальности для людей того времени, даже Лютер верил, что есть такое место – Тетцель переходил к ветхому состоянию собора св.Петра и рисовал впечатлявшую картину открытости дождю и граду тел двух апостолов, Петра и Павла и других мучеников, погребенных в его ограде. После паузы он вдруг подвергал анафеме всех, кто пренебрегал благодатью, предлагаемой Папой и им самим. А затем, меняя тон на более спокойный, он заканчивал отрывком из Писания: «Блаженны ваши очи, что видят, и уши, что слышат, ибо истинно говорю вам, что многие пророки и праведники желали видеть, что вы видите, и не видели, и слышать, что вы слышите, и не слышали». Дойдя до конца, монах неожиданно бросался с

кафедры по ступеням вниз и бросал монету в ящик, за которой должен был последовать поток монет, как будто звон монеты был заразительным.

Вокруг церкви были построены исповедальни. Исповедь была короткой, как бы давая исповеднику еще одну возможность убедить кающегося в необходимости индульгенции. От исповеди человек шел к прилавку, за которым стоял Тетцель. Он пристально рассматривал всех, кто подходил к нему, чтобы догадаться об их социальном положении и о сумме, которую можно было с них взять. С королей и принцев требовалось двадцать пять дукатов за обычную индульгенцию, с аббатов и баронов – десять, с тех, кто имел доход в пятьсот флоринтов – шесть, а с тех, у кого было только двести флоринтов дохода – один дукат. За отдельные грехи была особая шкала расценок. Многоженство стоило шесть дукатов; ограбление церкви и лжесвидетельство – девять дукатов; убийство – восемь, а колдовство – два дуката. Самсон, который вел такую же торговлю в Швейцарии, как Тетцель в Германии, брал за отцеубийство и братоубийство по одному дукату. Нельзя было одной рукой давать прощение и принимать деньги. Кающийся должен был опускать их в ящик. От ящика было три ключа. Один был у Тетцеля, другой – у казначея дома Фуггера в Аугсбурге, агента архиепископа и курфюрста Майнца, который отдавал на откуп индульгенции, и третий хранился у светских властей. Время от времени ящик открывали в присутствии нотариуса, и содержимое пересчитывали и регистрировали.

Прощение давалось в форме письма отпущения грехов. В письме говорилось следующее: «Да помилует Господь Иисус Христос тебя, N.N, и простит тебя по заслугам Своего святейшего страдания. А я своей апостольской властью, дарованной мне, освобождаю тебя от всех церковных порицаний, осуждений и наказаний, которых ты, возможно, заслуживал, и от всех нарушений, грехов и преступлений, которые ты, возможно, совершил, какими бы ужасными они не были и по какой причине не были бы совершены, даже если они должны были рассматриваться только нашим святейшим отцом Папой и апостольским престолом. Я изглаживаю всякое бесчестие и следы всякого позора, который ты, возможно, навлек на себя; я снимаю с тебя наказание, которое ты должен был получить в чистилище; я снова делаю тебя участником церковных таинств; я вновь ввожу тебя в общину святых; я восстанавливаю тебя в той безгрешности и чистоте, которую ты имел при крещении, чтобы врата, которые ведут к месту мучений и наказаний, были бы закрыты для тебя, а врата, ведущие в рай, открыты. И если тебе суждено еще долго прожить, это милость неизменно останется с тобой до самого конца. Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа. Аминь. Брат Тетцель, специальный уполномоченный, подписал сие собственноручно».

Каждый день толпы направлялись на этот рынок, за небольшую сумму тленного золота можно было купить все благословения небес. Тетцель и его индульгенции стали единственной темой для разговоров в Германии. Этот предмет обсуждался во всех кругах, от дворца и университета до рынка и постоялого двора. Более здравомыслящая часть населения была шокирована этим предприятием. То, что за небольшие деньги можно было искупить вину и изгладить позор самых чудовищных преступлений, противоречило естественной справедливости человечества. То, что отъявленные грешники ставились наравне с благочестивыми и порядочными людьми, наносило удар по основам нравственности, дестабилизировало общество. Папские ключи вместо того, чтобы открыть источник благодати и святости, открыли шлюзы неверия и порока, и люди испугались шквала распущенности, готового захлестнуть всю страну. Те, кто хоть немного знал Слово Божие, видели это еще в худшем свете. Они знали, что прощение грехов было только от Бога, что он не передавал этого права никому из смертных, что те, кто собирался вокруг красного креста Тецеля и покупали его индульгенции, были обмануты относительно денег и душ одновременно. Христианство вместо источника чистоты, казалось, стало источником загрязнения; и вместо того, чтобы быть стражем и исправителем греха, стало покровителем и пропагандистом безбожия.

Мысли некоторых людей изменили свое направление. Они посмотрели на «власть ключей» в новом свете, пролитым на нее индульгенциями, и начали сомневаться в законности того, чем сейчас злоупотребляли. Что, спрашивали они, нам думать теперь о гуманном и милосердном Папе? Однажды рудокоп из Шнееберга встретился с продавцом индульгенций. «Правда, - спросил он – что мы можем спастись от чистилища, бросив пенс в ящик?» «Да, так», – ответил торгаш. «Ну, тогда – продолжил рудокоп – каким безжалостным человеком должен быть Папа, что из-за какого-то несчастного пенса он оставляет бедную душу кричать так долго в огне!» Лютер отразил в своих Тезисах об индульгенциях общее настроение. Когда он спросил: «Почему Папа не освободит сразу все души из чистилища по святой милости и по причине их убогости, как освобождает по любви к тленным деньгам и собору св.Петра?» Хорошо иметь красивое здание в Риме, думали люди в Германии, но открыть врата скорбной тюрьмы, в которой так много несчастных находятся в пламени, и навсегда сделать чистилище необитаемым, было бы более благородным памятником милосердия и величия, чем самый роскошный храм, который он смог бы воздвигнуть в Вечном городе.

Тем временем монах Иоганн Тетцель и Папа Лев X трудились изо всех сил, и, хотя неосознанно и не желая того, прокладывали дорогу Лютеру. Если что-нибудь и могло углубить впечатление, произведенное скандалом торговли Тетцеля, так это позорные факты его жизни. Он проводил каждый день без малейшего участия в богослужениях церкви, чьи индульгенции он превозносил. А ночью ему требовалось

подкрепление, и он подкреплялся. «Сборщики вели беспорядочную жизнь, – пишет Сарпи – они проматывали деньги в тавернах, игорных домах и домах с плохой репутации, куда люди не считали нужным ходить».

Что касается Льва X, то, когда золотой поток стал течь из стран за Альпами, его радость стала безмерной. У него не было, как у императора Карла, «Мексики» за Атлантикой, но была «Мексика» в доверчивом христианском мире, и он не видел, ни пределов, ни конца тому богатству, которое она могла ему дать. Никогда больше у него не было причин скорбеть о пустой казне. Люди никогда не перестанут грешить, и пока они продолжают грешить, им нужно прощение. А куда они пойдут за прощением, как ни в церковь – другими словами, к нему? Только он, из всех людей на земле, владел ключами. Он мог бы сказать, как древний монарх. «Моя рука сделала гнездо богатств всех народов и складывает туда яйца, итак, я собираю со всей земли». Таким образом, Лев продолжал ежедневно строить собор св.Петра и разрушать папство.

Глава 9 - Тезисы.

Невысказанные мысли – Приезд Тетцеля – Открывает рынок в Ютербоке. – Нравственное опустошение – Лютер осуждает индульгенции. – Гнев Тетцеля – Сопротивление Лютера растет. – Пишет архиепископу Майнца. – Узкое место, большой конфликт – Канун праздника всех святых – Толпы паломников – Лютер прибивает тезисы на дверь церкви. – Некоторые из них – Бесповоротный шаг – В некоторых это движение наводит ужас. – Другие приветствуют его с радостью. – Сон курфюрста

Большой красный крест, громовой голос Тетцеля и частое позвякивание монет в железном ящике заставили народы Германии задуматься. Римская церковь слишком приблизилась к этим народам. Пока она была на далеком расстоянии, отделенная от них Альпами, тевтонские народы склонялись перед ней в благоговении. Но, когда она предстала как торговка духовным товаром за презренный металл, когда она стояла перед ними в образе монаха, который с трудом избежал утопления в мешке в реке Инн за свои собственные грехи, прежде чем привел к прощению грехи других людей, чары были разрушены. Но германские народы пока только думали, они пока не произносили вслух свои мысли. Был слышан только шепот, сильный голос пока не прозвучал.

Между тем Тетцель, переезжая из одного города в другой, ел самое лучшее в гостиницах и платил по счету в проекте на рай. Оказывая давление на возчиков и других людей, служивших ему в перевозке товара и компенсируя их труд и труд их мулов индульгенциями, он подошел к Лютеру на расстояние в четыре мили. Он вряд ли ожидал, насколько опасна земля, по которой он шагал! Курфюрст Фридрих восставший против торговли этого человека, и еще больше против позорных фактов его жизни, запретил ему входить в Саксонию. Но он приблизился к ней, насколько у него хватило наглости, и в Ютербоке, небольшом городке на границе Тетцель воздвиг красный крест и открыл рынок. Виттенберг был всего в полутора часах ходьбы, и тысячи людей хлынули из него в Ютербок, чтобы заключить сделку с торговцем индульгенций. Когда Лютер впервые услышал о Тетцеле незадолго до этого, то сказал: «С Божьей помощью я сделаю дыру в этом барабане», и, возможно, кое-что добавил об его господине, Льве X. Тетцель был от реформатора на расстоянии слышимости.

Лютер, который был не только проповедником, но и исповедником, вскоре обнаружил разрушительное нравственное действие индульгенций Тетцеля. Нужно помнить, что Лютер все еще верил в церковь, и подчиняясь ее указаниям, настаивал на исповеди и покаянии со стороны своей паствы, хотя в качестве подготовки, а не цены за спасение, которое, как он учил, дается только по заслугам Христа и по вере.

Однажды, когда он был в исповедальне, несколько горожан Виттенберга пришли к нему и исповедовались в совершении воровства, прелюбодеянии и других гнусных грехах. «Вы должны оставить злые пути, – сказал Лютер – иначе я не могу отпустить вам грехи». К его удивлению и огорчению они сказали, что не собираются оставлять свои грехи, что в этом нет никакой необходимости, так как эти грехи уже прощены, и они гарантированы от наказания за них. Обманутые люди вынули индульгенции Тецеля, и показали их в свидетельство своей невиновности. Лютер мог лишь сказать им, что эти бумаги бесполезны, что им нужно покаяться и получить прощение у Бога, иначе они погибнут навеки.

Отказ в отпущении грехов и переживания о потерянных деньгах в надежде на небесное царство заставили этих людей вернуться к Тетцелю и рассказать ему, что монах из Виттенберга пролил свет на его индульгенции и предупредил людей о них, как об обмане. Тетцель буквально вскипел от гнева, и, заорав громче обычного, разразился потоком анафем на человека, который посмел уничижительно говорить о Папском прощении. К энергичным словам Тетцель добавил энергичные действия. Зажегши костер на рыночной площади Ютербока, он дал понять, что будет с тем человеком, который мешает его святому делу. Папа, сказал он, дал ему власть предавать огню всех еретиков.

Ничуть не испугавшись гневным слов Тетцеля и костра, горевшего без всякого вреда на рыночной площади Ютербока, Лютер стал еще более рьяным в своем противостоянии. Он осуждал индульгенции со своей кафедры в университете. Он написал архиепископу Майнца, умоляя его вмешаться своей властью и остановить дело, которое было позором для веры и капканом для душ людей. Он вряд ли знал, что обращался к человеку, который брал индульгенции на откуп. Он даже был уверен, что Папа ничего не знал, если не об индульгенциях, то о нарушениях, сопровождавших их продажу. Со своей кафедры со всей любовью, но и в полноте веры, он предупреждал паству не принимать участие в этом великом злодеянии. Бог, говорил он, требует удовлетворения за грех, но не от грешника; Христос принес удовлетворение за грешника, и Бог прощает его даром. Индульгенции Тетцеля не могут открыть врата рая, и те, кто в них верит, верят лжи, и, если не покаются, умрут в грехах.

В этом Лютер очень отличался от своей церкви, хотя и не осознавал еще этого. Она была скорее с Тетцелем, чем с Лютером. Она просто освобождала от церковных наказаний, прощала грехи и отводила Божий гнев от души.

Это – не короткий эпизод, а великая борьба. С кафедры Виттенберга проповедуется свободное спасение. В Ютербоке стоит красный крест, и небеса продаются за деньги. В радиусе нескольких миль ведется борьба, которая вскоре охватит христианский мир. Две системы – спасение Христом и спасение Римской

церковью – столкнулись здесь лицом к лицу. Одна помогает четко определить другую, не только по учению, но и по плодам; святость, которую одна система требует, и блуд, который другая санкционирует, чтобы люди могли отличить одну от другой, и выбрать между евангелием Виттенберга и рынком индульгенций Ютербока. Протестантизм уже обрел территориальный плацдарм, где он развернул свое знамя и призвал последователей.

Тетцель продолжал продажу индульгенций, а Лютер чувствовал, что он должен был принять более решительные меры. Курфюрст Фридрих недавно построил в Виттенберге замковую церковь, и не жалел ни труда, ни денег, чтобы собрать мощи для ее украшения. Священники обычно показывали народу эти мощи в окладах из золота и драгоценных камней в день Всех святых, 1 ноября. Толпы народа приходили в Виттенберг, чтобы напитать свою набожность видом этих драгоценных предметов и заработать индульгенции, предлагаемые всем пришедшим в церковь в этот день. Наступил канун праздника (31 октября). Улицы Виттенберга были запружены паломниками. В полдень Лютер, который никому ничем не намекнул о своих намерениях, присоединился к потоку, направлявшемуся в замковую церковь, которая стояла у восточных ворот. Пробравшись сквозь толпу и вынув лист бумаги, он стал приколачивать его к дверям церкви. Удары молотка собрали вокруг него народ, который начал охотно читать. Что в этом листе? Он содержал девяносто пять тезисов или высказываний об индульгенциях. Мы выбрали следующие, чтобы понять дух и масштаб всех:

5. Папа не хочет и не может прощать какие-либо наказания, кроме тех, что он наложил либо своей властью, либо по церковному праву.

6. Папа не имеет власти отпустить ни одного греха, не объявляя и не подтверждая отпущение именем Господа; кроме того, он дает отпущение только в определенных ему случаях. Если он пренебрегает этим, то грех пребывает и далее.

8. Церковные правила покаяния налагались только на живых и, в соответствии с ними, не должны налагаться на умерших.

21. Поэтому ошибаются те проповедники индульгенций, которые объявляют, что посредством папских индульгенций человек избавляется от всякого наказания и спасается.

25. Какую власть папа имеет над Чистилищем вообще, такую всякий епископ или священник имеет в своем диоцезе или приходе в частности.

32. Навеки будут осуждены со своими учителями те, которые уверовали, что посредством отпустительных грамот они обрели спасение.

37. Всякий истинный христианин, и живой, и мертвый, принимает участие во всех благах Христа и Церкви, дарованное ему Богом, даже без отпустительных грамот.

38. Папским прощением и участием не следует ни в коем случае пренебрегать, ибо оно (как я уже сказал) есть объявление Божьего прощения.

49. Должно учит христиан: папские отпущения полезны, если они не возлагают на них упования, но весьма вредоносны, если через них они теряют страх перед Богом.

50. Должно учит христиан: если бы папа узнал о злоупотреблениях проповедников отпущений, он счел бы за лучшее сжечь дотла храм св. Петра, чем возводить его из кожи, мяса и костей своих овец.

51. Должно учить христиан: папа, как к тому обязывает его долг, так и на самом деле хочет, - даже если необходимо продать храм св. Петра - отдать из своих денег многим из тех, у кого деньги выманили некоторые проповедники отпущений.

52. Тщетно упование спасения посредством отпустительных грамот, даже если комиссар, мало того, сам папа отдаст за них в заклад собственную душу.

53. Враги Христа и папы суть те, кто ради проповедования отпущений приказывают, чтобы слово Божие совершенно умолкло в других церквах.

62. Истинное сокровище Церкви - это пресвятое Евангелие (Благовестие) о славе и благодати Бога.

76. Мы говорим против этого, что папские отпущения не могут устранить ни малейшего простительного греха, что касается вины.

Лютер сделал эти высказывания, чтобы защищаться на следующий день в университете против тех, кто захочет их оспаривать. Никто не явился.

Этим документом Лютер ударял по бо;льшему, чем злоупотребления индульгенций. Внизу находился принцип, подрывавший всю папскую систему. Из среды некоторой оставшейся тьмы – так как он все еще почитал Папу, верил в чистилище и говорил о заслугах святых – он проповедовал Евангелие спасения даром. «Тезисы» ставили Божий дар в противоречие с папским даром. Один был бескорыстным, а другой нужно было покупать. Божие прощение не нуждается в папском подтверждении, но папское прощение без Божьего бесполезно, это – обман, обольщение. Таково положение «Тезисов». Самое значительное из всех прав, власть прощать грехи, и, таким образом, спасать души людей, было взято у церкви и возвращено Богу.

Движение началось, оно набирает скорость, растет не по неделям, а по часам и минутам, но пока никто правильно не оценил его силу, и не предположил, где оно найдет свою цель. Рука, которая вывесила эти утверждения, не может убрать их. Они больше не принадлежат Лютеру, они принадлежат всему человечеству.

Новость распространилась быстро. Вызванные чувства были, конечно, смешанными, но в основном радостными. Люди чувствовали облегчение, как будто тяжесть упала с сердца, и хотя они вряд ли могли сказать почему, но были уверены, что наступил рассвет нового дня. В домах у людей и в кельях многих монахов была радость. «Когда те, пишет Матезиус, кто пришел в монастырь из-за обильного стола, праздной жизни, личных соображений или почестей, осыпал имя Лютера бранью, то те монахи, которые жили в молитве, посте и смирении, благодарили Бога за то, что услышали крик орла, о котором предвозвещал Ян Гус столетие назад». Появление Лютера сгладило вечер старого Рейхлина. Он вел свою собственную борьбу с монахами, и его переполняла радость, когда он увидел более искусного борца за истину.

Мнение Эразма по этому делу является весьма характерным. Когда курфюрст Саксонский спросил его, что он думает об этом, великий ученый отвел с присущей ему проницательностью: «Лютер совершил два непростительных преступления – он напал на папскую тиару и желудки монахов».

Были и другие люди, чьи опасения преобладали над надеждами, вероятно из-за того, что сосредотачивались только на трудностях. Историк Кранц из Гамбурга был на смертном одре, когда ему принесли «Тезисы» Лютера. «Ты прав, брат Лютер, воскликнул он, прочитав их, но ты не добьешься успеха. Бедный монах, поспеши в келью и молись: Боже, милостив будь ко мне». Старый священник из Хекстера в Вестфалии покачал головой и воскликнул: «Дорогой брат Лютер, если тебе удастся сбросить это чистилище и всех продавцов бумаг, истинно ты – великий человек». Но другие, подняв глаза к небу, видели в этом руку Божью. «Наконец, сказал д-р Флек, настоятель монастыря в Штайнлаусице, который на какое-то время перестал служить мессу: «Наконец, мы нашли человека, которого так долго ждали»; и, имея ввиду значение слова Виттенберг, добавил: «Весь мир придет искать мудрости на этой горе, и найдет ее».

На некоторое время покинем область истории и расскажем о сне, который видел ночью курфюрст Саксонский Фридрих накануне памятного дня, когда Лютер прикрепил «Тезисы» к дверям замка-церкви. Курфюрст рассказал его своему брату, герцогу Иоганну, который в то время жил у него во дворце Швайница в шести лье от Виттенберга. Об этом сне писали все хронисты того времени. В его истинности никто не сомневается, однако, мы можем его объяснить. Мы приводим его здесь, как

краткое и драматичное изображение в миниатюре дела «Тезисов» и движения, которое из этого выросло.

Утром 31 октября 1517 года курфюрст сказал герцогу Иоганну: «Брат, я должен рассказать тебе сон, который видел этой ночью, и о значении которого мне хотелось бы узнать. Он произвел на меня такое сильное впечатление, что я бы никогда не забыл его, если бы и прожил тысячу лет. Так как я видел его три раза, и каждый раз с новыми обстоятельствами».

Герцог Иоганн: «Это был хороший или плохой сон?»

Курфюрст: «Я не знаю, Бог знает».

Герцог Иоганн: «Не тревожься, будь добр и расскажи его мне».

Курфюрст: «Когда я лег спать усталый и удрученный, то сразу заснул после молитвы и спал спокойно часа два с половиной, затем проснулся и не спал до полуночи, всякие мысли кружили в голове. Среди прочего я думал, как встретить праздник всех святых. Я молился о бедных душах в чистилище, молил Бога наставлять меня, моих советников и мой народ в истине. Я снова уснул, и мне приснилось, что Всесильный направил мне монаха, который был истинным сыном апостола Павла. Все святые сопровождали его по приказанию Бога, для того чтобы засвидетельствовать мне и объявить, что он не придумал ничего своего, но все, что он делает, соответствует воле Божьей. Они попросили милостиво разрешить ему написать что-то на дверях замковой церкви в Виттенберге. Я разрешил это через моего канцлера. Вслед за этим монах пошел в церковь и начал писать такими большими буквами, что я мог читать написанное из Швайница. Перо, которым он писал, было такое большое, что его конец достигал Рима, где он пронзал уши льва, который припал к земле, и заставил сотрясаться тройную корону на голове Папы. Все кардиналы и вельможи торопливо сбежались, чтобы не дать ей упасть. Ты и я, брат, тоже хотели им помочь, я протянул руку; - но в этот момент я проснулся с протянутой рукой очень удивленный и раздраженный на монаха за то, что он не мог справиться с пером. Затем немного пришел в себя, ведь это был просто сон».

«Я был еще в полудреме, и как только закрыл глаза, сон вернулся. Лев, все еще раздраженный пером, стал рычать со всей силой, так, что весь Рим и все страны Святой империи сбежались посмотреть, что случилось. Папа попросил их воспрепятствовать монаху и в частности обратился ко мне, так как он был в моей стране. Я снова проснулся, прочитал Господню молитву, попросил Бога сохранить меня, и уснул еще раз».

«Затем мне приснилось, что все правители империи, и мы среди них, поспешили в Рим и пытались один за другим сломать перо; но чем больше мы старались, тем

тверже оно становилось, как, будто оно было из железа. Наконец, мы сдались. Затем я спросил монаха (так как был одновременно и в Риме, и в Виттенберге), где он взял перо, и почему оно такое прочное? «Перо – ответил он – принадлежало одному старому гусю из Богемии, которому сто лет. Я получил его от одного моего старого наставника. Что касается его прочности, то это благодаря тому, что его нельзя лишить силы и сущности; и я сам этому удивляюсь». Вдруг я услышал громкий шум – множество других перьев выпрыгнули из длинного пера монаха. Я проснулся в третий раз, было уже светло».

Герцог Иоганн: «Канцлер, каково твое мнение? Если бы с нами был Иосиф или Даниил, просвещенные Богом!»

Канцлер: «Ваше высочество знает известное выражение, что сны девиц, ученых мужей и великих правителей обычно имеют скрытый смысл. Значение этого сна мы сможем узнать через какое-то время – пока не произойдет то, что с ним связано. Поэтому оставьте исполнение Господу, предайте это в Его руки».

Герцог Иоганн: «Я придерживаюсь твоего мнения, канцлер; нам не следует беспокоиться о разгадке его значения. Господь все управит к Своей славе.

Курфюрст: «Пусть Господь сделает так; однако, мне не забыть этого сна. Я думаю об его истолковании, но пока сохраню его. Время покажет, был ли я истинным предсказателем».

Так прошло утро 31 октября 1517 года в замке Швайница. Мы уже подробно изложили события вечера в Виттенберге. Курфюрст едва закончил рассказ о своем сне, когда пришел монах с молотком, чтобы истолковать его.

Глава 10 - На Лютера нападают Тетцель, Приеро и Экк.

Последствия – Непредвиденное Лютером – Быстрое распространение тезисов – Контр-тезисы Тетцеля – Сжигаются студентами Виттенберга. – Сильвестр, Магистр Священного дворца, критикует Лютера. – Церковь – все, Библия – ничто. – Реакция Лютера – Приеро снова нападает. – Папа молчит. – Следующим нападает д-р Экк. – Поражение.

День, когда монах из Виттенберга вывесил свои «Тезисы», занимает выдающиеся место среди великих дней истории. Он отмечает новую и важную отправную точку в религии и свободе. Утверждения Лютера, проповеданные всему христианству о том, что Бог не продает прощения, а дарит его, как бескорыстный дар на основании смерти Своего Сына, - короче, «Тезисы» - являлись эхом песнопений ангелов на равнине Вифлеема пятнадцать веков назад – «На земле – мир, в человеках – благоволение».

Мир забыл это песнопение, так как Библия, содержащая его, была спрятана надолго. Принимая Бога за сурового надсмотрщика, который не пропустит на небо никого, кто не заплатит большую цену, христианство стенало веками под епитимьями и искупительными трудами самоправедности. Но стук молотка Лютера был подобен звуку серебряной трубы в юбилейный год, он провозглашал наступление освобождения – открытие дверей великой темницы, в которой человеческая душа сидела веками в цепях и вздыхала.

Лютер действовал без всякого плана, как он сам потом признавался. Он подчинился побуждению, возникшему в нем; он делал то, что он ощущал своим долгом на тот момент, не рассматривая тщательно цепочку следствий, чтобы понять, не попадет ли удар на личности более значимые, чем Тетцель. Его бы рука лишилась сил, и молоток выпал бы из нее, если бы ему сказали, что его удары не просто отпугнут Тетцеля и сокрушат рынок в Ютербоке, но и отзовутся во всем христианском мире, и спустя века после его сошествия в могилу будут отражаться эхом при падении иерархий и свержении престола, перед которым Лютер все еще преклонялся, как перед седалищем наместника Христа.

Взор Лютера не простирался на столь отдаленные страны и времена; он смотрел только на то, что было перед ним – профессора и студенты университета, его паства в Виттенберге была в опасности заманивания в ловушку; толпы паломников собрались для покупки индульгенций – а также соседние города и районы Германии. На них он надеялся оказать влияние.

Но слава «Тезисов» Лютера распространилась за эти скромные пределы. Они содержали истину, а истина есть свет, и свет должен обязательно рассеиваться и

проникать в темноту со всех сторон. «Тезисы» были приемлемы как в Виттенберге, так и во всем христианском мире, и враждебны как к огромному рынку индульгенций в Риме, так и к небольшому в Ютербоке. Теперь понятна сила того инструмента, который Бог приготовил заранее для такого критического положения – печатный станок. Если бы они переписывались от руки, как долго бы распространялись эти положения, и как бы было ограничено число людей, читавших их! Но печатный станок, размножавший экземпляры, усыпал ими Саксонию как снежинками. К работе приступили и другие печатные станки, пока вскоре не было ни одной европейской страны, где бы «Тезисы» монаха из Виттенберга не были известны, как в Саксонии.

Момент их публикации был исключительно удачным; паломники из соседних стран собрались тогда в Виттенберге. Вместо того чтобы покупать индульгенции, они купили «Тезисы» Лютера, и не в одном экземпляре, и повезли их в бумажниках домой. Через две недели эти положения ходили по всей Германии. Они были переведены на голландский язык, и их читали в Голландии; они были переведены на испанский и изучались в городах и университетах Иберийского полуострова. За месяц они совершили турне по Европе. «Казалось, пользуясь словами Микония, что ангелы были их распространителями». В Иерусалиме также продавались их экземпляры. За четыре короткие недели трактат Лютера стал семейной книгой, а его имя общеизвестным во всей Европе.

«Тезисы» были единственной темой для разговоров во всех кругах и во всех местах. Они обсуждались образованными людьми в университетах и монахами в кельях. На рынке, в магазине, в таверне люди останавливались и разговаривали о смелом поступке и новом учении монаха из Виттенберга. Один экземпляр был доставлен в Ватикан и прочитан Львом X.

Сама тьма того времени способствовала распространению и изучению «Тезисов». Тот, кто зажигает костер на вершине горы днем, может привлечь лишь немногих. Тот, кто зажигает сигнальный огонь темной ночью, поднимает все царство. Это последнее и сделал Лютер. Он зажег большой костер в темноте христианства, и отблеск этого света достиг даже дальние страны. И люди, открыв глаза от неожиданного света, заблиставшего на небе, приветствовали новый рассвет.

Никто не был более удивлен произведенным эффектом, чем сам Лютер. То, что в университетах возникнут острые дискуссии, что монастыри и колледжи Саксонии будут взбудоражены, что одни из его друзей будут одобрять, а другие осуждать его, он предвидел, но, что весь христианский мир будет потрясен, как от землетрясения, он и не мечтал. Однако так и произошло. Удар, который он нанес, пошатнул основание древнего и священного здания, почитавшееся многими предыдущими поколениями, и им самим. Именно теперь он понял всю полноту ответственности,

которую он взял на себя, и чудовищный характер противодействия, который он спровоцировал. Его друзья молчали, ошеломленные неожиданностью и смелостью поступка. Он остался один. Он бросил вызов и не мог уже уклониться от битвы. Битва надвигалась со всех сторон. Однако он не раскаивался в том, что сделал. Он готов был стоять до конца за учение «Тезисов». Он смотрел вверх.

Тетцель к тому времени свернул свой лагерь в Ютербоке – не имея больше грехов для прощения и денег для сбора – и ушел в более богатую местность, Франкфурт-на-Одере. Он поставил красный крест и железный ящик в одном из самых модных мест для прогулок в этом городе. Слух о «Тезисах» Виттенберга следовал за ним. Он сразу оценил ущерб, который нанес ему монах, и по своему обыкновению устроил представление. В гневе он разжег большой костер, и, так как не мог сжечь Лютера лично, сжег его «Тезисы». Подвиг совершен, он освежил в памяти то немногое из богословия, что знал, и попытался ответить богослову из Виттенберга серией контр-положений. Среди них были следующие:

III. «Христиан следует учить, что Папа в полноте своей власти является высшим лицом для вселенской церкви и для соборов; и его указам должны подчиняться все».

IV. «Христиан следует учить, что только Папа имеет право решать вопросы, связанные с христианским учением; только он один, и никто другой имеет власть объяснять согласно своему суждению смысл Священного Писания, и одобрять или осуждать слова и труды других людей».

V. «Христиан следует учить, что мнение Папы о предметах, касающихся христианского учения и необходимых для спасения человечества, не может быть ошибочно».

XVII. «Христиан следует учить, что есть многое, что церковь считает догматами католической веры, хотя их нет ни в Священном Писании, ни у ранних отцов».

В «Тезисах» Тетцеля – один принцип, а именно, превосходство Папы, и при этом одна обязанность – полное повиновение. К ногам Папы должны быть положены Священное писание, ранние отцы и здравый рассудок. Человек, который не готов подчиниться, заслуживает наказания в огне, зажженным Тетцелем. Так думал продавец папских индульгенций.

О деятельности Тетцеля во Франкфурте вскоре стало известно студентам Виттенберга. Они поддержали дело своего профессора с большей горячностью, чем было нужно. Они купили пачку «Тезисов» Тетцеля и открыто сожгли ее. Многие из присутствующих горожан смехом и улюлюканьем безошибочно давали оценку литературным и богословским достижениям известного торговца индульгенциями. Лютер ничего не знал об этом деле. Этот проступок имел признаки характерные для

римской церкви при ответе оппоненту. Когда ему сообщили об этом, он сказал, что излишне сжигать документ, экстравагантность и абсурдность которого сами будут причиной его исчезновения.

Но вскоре в борьбу вступили более сильные противники. Первым появился Сильвестр Маззолини де Приеро. Он был Магистром Священного Дворца в Риме и возглавлял отдел цензуры. Поставленный на сторожевую башню христианства, этот человек был уполномочен объявлять, какие книги должны распространяться, а какие не должны, каким учениям христиане должны были верить, а каким нет. Протестантизм, требовавший свободу мысли, свободу слова и свободу печати, пришел на раннем этапе в конфликт с римским деспотизмом, который требовал абсолютного управления разумом, словом и пером. Монах из Виттенберга, который прибил «Тезисы» к дверям церкви средь бела дня, сталкивается с папским цензором, уничтожающим любую строку несогласную с папством.

Полемика между Лютером и Приеро, начатая последним, открыла «закон веры». Конечно, неслучайно фундаментальное положение дискутировалось на столь раннем этапе. Благодаря этому стали явны два различных основания, на которых стояли соответственно протестантизм и папизм.

Выступление Приеро было в виде диалога. Он выдвигал определенные главные принципы, затрагивая устав церкви, власть, данную ей и покорность всех христиан этой власти. Вселенская церковь в высшей степени, говорил он, является собранием верующих; фактически это – римская церковь; символически – коллегия кардиналов; сжато и по сути это – верховная власть понтифика, который является главой церкви, но в ином смысле, чем Христос. Далее он утверждал, что, так как вселенская церковь не может заблуждаться в устанавливающих вопросах веры и нравственности, так же не могут заблуждаться и учреждения, через которые церковь разрабатывает и выражает свои решения – соборы и понтифик. Эти принципы он практически выражал следующим образом: «Кто не верит учению римской церкви и римскому понтифику, как непогрешимому закону веры, от которого само Священное Писание получает силу и власть, тот – еретик».

Любопытно отметить, что уже при этом первом обмене аргументами между протестантизмом и папизмом, полемика сузилась до одного важного вопроса: «В кого человек должен был верить – в Бога или церковь? Другими словами, имеем ли мы божественное или человеческое основание веры? Библия является единственным непогрешимым авторитетом, говорили люди из Виттенберга. Нет, говорил голос из Ватикана, единственным непогрешимым авторитетом является церковь. Библия – это мертвая буква. Человек не может понять ни строчки, настоящий смысл выше его понимания. Церковь, то есть священство, наделена правом непогрешимо толковать истинное значение Писания и передавать его христианам. Таким образом,

существуют две Библии. Одна книга – мертвая буква, тело без животворящего духа и живого голоса, практически бесполезная. И другая – живая структура, в которой обитает Святой Дух. Одна – написанная Библия, другая – разработанная. Одна была составлена и закончена восемнадцать веков назад, другая растет с годами и появляется на свет через постановления соборов, законы каноников и папские указы. Соборы обсуждают и обдумывают, толкователи и каноники трудятся, Папы издают законы, говоря, как Святой Дух дал им провещевать, и результате всех этих умов и всех этих времен у вас есть Библия – залог веры – единственный непогрешимый авторитет, к которому люди должны прислушиваться. Письменная Библия была исходным семенем; но церковь, то есть иерархия, является стеблем, который вырос из него. Библия сейчас – мертвая шелуха; живое дерево, выросшее из нее, полностью сформировавшееся тело учения церкви для мира, является единственно полезным и авторитетным Божьим откровением и единственно непогрешимым законом, которому люди, по Его воле, должны следовать. Магистр Священного Дворца положил начало этому аргументу. Последующие папские полемисты более полно развили этот аргумент и дали его в той форме, которую мы процитировали.

В Ватикане доктрина Приеро была бесспорно ортодоксальной, так как зенит ее был вычислен. В Виттенберге его трактат читали, как едкую сатиру на папство. Лютер думал или делал вид, что думает, что враг написал его намеренно в экстравагантно возвышенном стиле, чтобы подвергнуть насмешкам и презрению привилегии папского престола. Он сказал, что узнал в этом деле руку Ульрика фон Хюттена, который имел обыкновение вести войну против Рима стрелами остроумия и шуток.

Но Лютер вскоре понял, что должен признать эту реальную власть и отвечать на нападки со стороны подножья папского престола. Приеро хвастал, что ему понадобилось всего три дня на это произведение; Лютеру понадобилось только два дня для ответа. Богослов из Виттенберга выдвинул Библию живого Бога против Библии Приеро, как основу человеческой веры. Фундаментальная позиция, занятая им в этом вопросе, выражалась словами Священного Писания: «Если бы даже мы или ангел с неба стал благовествовать вам не то, что мы благовествовали вам, да будет анафема». Приеро сконцентрировал всю веру, послушание и надежду людей на Папе; Лютер поместил их на Скале, которая есть Христос. Таким образом, с каждым новым днем, и с каждым новым противником истинная природа противоречия и важные вопросы, которое оно поднимало, проявлялись более ясно и определенно.

Приеро, который считал невозможным то, чтобы Магистр Священного Дворца был побежден немецким монахом, написал ответ. Второе произведение было более опрометчивым, чем первое. Он вознамерился вознести папские привилегии еще на

большую высоту, чем прежде. И он был так неосмотрителен, что сделал их основанием весьма экстравагантную часть канонического закона, которая запрещает кому-либо останавливать Папу, или признавать возможность его заблуждения, даже если он оказался бы на дороге, ведущей в погибель, и увлекал за собой весь мир. Папа, найдя, что ответы Сильвестра были значимы только для Папства, предписал молчать слишком ревнивому борцу папского престола. Что касается самого Льва, то он отнесся к делу более сдержанно, чем Магистр его двора. Во все времена были беспокойные монахи, рассуждал он, но папство не упало. Более того, это было лишь слабое эхо той борьбы, которая доставала его среди его статуй, садов, придворных и куртизанок. Он даже восхвалял дар брата Лютера, так как Лев мог простить любую правду, если ее выражали остроумно и изящно. Затем решив, что он воздавал слишком много почестей немцам, он намекнул, что вино отточило остроумие монаха, и, что его перо не будет столь сильным, когда испарятся винные пары.

Не успели избавиться от Пиеро, как появился еще один борец. Им был Хохшратен, инквизитор из Кельна. Этот полемист принадлежал к ордену, печально известному знакомством с факелом, нежели чем с пером. И вскоре Хохшратен показал, что его пальцы, не привычные к перу, чесались, чтобы схватить факел. Он вышел из себя в самом начале и потребовал эшафота. Если, ответил Лютер, ничуть не испугавшись этой угрозы, только хворосту придется разрешить эту полемику, то чем раньше меня сожгут, тем лучше, иначе у монахов будет причина раскаяться в этом.

Еще один оппонент! Первый противник Лютера был из римской курии, второй – из монахов, а появившийся теперь третий – представитель схоластики. Это был д-р Экк, профессор схоластического богословия из Ингольштадта. Он поднялся во всей полноте эрудиции и славы, чтобы уничтожить монаха из Виттенберга, хотя незадолго до этого он завязал с ним дружбу, скрепленную письмами. Будучи ученым, профессор из Ингольштадта не посчитал ниже своего достоинства использовать брань и прибегать к оскорблениям. «Ты распространяешь Богемскую отраву», сказал он Лютеру, стараясь возбудить против него старое предубеждение, которое все еще было живо в немцах против Гуса и реформаторов Богемии. Пока Экк снисходил до аргументов, его оружие, взятое из арсенала Аристотеля, подходило только для схоластического турнира, но оно было бесполезным в настоящей битве, в которой он принимал участие. Оно дрожало в его руке. «Разве вы не посчитаете за дерзость, спросил Лютер, встретив д-ра Экка в его привычной обстановке, что кто-то будет отстаивать, как часть философии Аристотеля, то что невозможно доказать, как принадлежащее его учению? Вы допускаете это. Самая большая дерзость из всех дерзостей утверждать как часть христианства то, чему Христос никогда не учил».

Богослов из Ингольштадта погрузился в молчание. Один за другим противники реформатора в замешательстве покидали его. Сначала Магистр Священного Дворца выступает против монаха, уверенный, что сокрушит его весом папского авторитета. «Папа – всего человек и может заблуждаться», сказал Лютер, одним штрихом уничтожив ложную непогрешимость: «Бог есть истина, и заблуждаться не может». Затем появляется инквизитор, который намекает, что существует такая организация, как «Святое Служение» для убеждения тех, кого нельзя иначе убедить. Лютер высмеивает эти угрозы. Последним появляется богослов, одетый в броню схоластики, разделивший участь своих предшественников. Никто из них не знал секрета силы Лютера, но было очевидно, что все попытки победить ее лишь извещали людей о том, что папская непогрешимость является зыбучими песками, и, что все надежды человеческого сердца могут быть возложены только на Вечную Скалу.

Глава 11 - Поездка Лютера в Аугсбург.

Прогресс Лютера – Глаза курии начинают открываться. – Лютера вызывают в Рим. – Университет Виттенберга ходатайствует за него. – Каэтан отправляется в Германию для разбирательства. – Характер Каэтана – Дело решено заранее. – Меланхтон – Приезжает в Виттенберг. – Его таланты – Сотоварищи – Лютер отправляется в Аугсбург. – Идет пешком. – Без охранной грамоты – Миконий – Одолженная мантия – Предзнаменование – Приходит в Аугсбург.

Глаза Папы и приверженцев папства стали открываться и видеть настоящую значимость движения, инициированного в Виттенберге. Они относились к нему поверхностно, почти презрительно, как к ссоре среди вздорного поколения монахов, которая произошла в отдаленной провинции их владений, и которая быстро стихнет, не потрясая Рим. Но вместо того, чтобы умереть, движение укрепляло свой фундамент и расширяло сферу деятельности; оно объединилось с великими духовными и нравственными силами; оно породило новое мышление в умах людей; уже фаланга последователей, созданная и постоянно умножавшаяся благодаря своей активности, стояла вокруг него. И если его быстро не остановить, движение будет развиваться. Они начали бояться крушения своей системы.

Каждый день Лютер делал шаг вперед. Его слова были крылатыми стрелами, его проповеди – молниями, освещавшими все вокруг; в его вере была сила, которая зажигала души людей; у него была чудесная способность вызывать сострадание и завоевывать доверие. Простые люди особенно любили и уважали его. Многие поддерживали его, так как он противостал Папе. Таких было немало потому, что он дал им Хлеб, который они давно алкали.

Его «Тезисы» неправильно понимались или выставлялись в ложном свете невежественными и предубежденными людьми, и он решил объяснить их более понятным языком. Он опубликовал то, что назвал «Резолюциями», в которых с удивительной сдержанностью и твердостью смягчил более жесткие части и пролил свет на более темные части «Тезисов», но ни в чем не отступил от учения.

В этой новой публикации он утверждает, что любой истинно кающийся имеет Божие прощение, и ему не надо покупать индульгенцию. То, от чего индульгенции освобождают, является чистой химерой, существующей в мозгу торговца ими. Власть Папы не идет далее того, чтобы позволять ему объявлять о прощении, которое Бог уже даровал; законом веры является Священное Писание. Эти утверждения были отчетливыми этапами нового движения. Особенно последнее, единственный непогрешимый авторитет Библии, было само по себе реформацией – семенем, из которого должна была возникнуть новая система.

Римской церкви в этом кризисе нужно было быть решительной и быстрой. Но она странным образом мешкала и грубо ошибалась. Лев X был скептиком, скептицизм губителен для вдумчивости и энергичности. Император Максимилиан лучше осознавал угрозу, нависшую над папским престолом, чем Лев. Он был ближе к колыбели этого движения, и с беспокойством наблюдал за распространением лютеранских доктрин в своих владениях. Он энергично писал, что Лютер может разбудить Папу, спавшего в своем дворце и не думавшего ни о чем, кроме литературных и художественных сокровищ, в то время, когда над ним собиралась гроза. В тот момент (1518 год) в Аугсбурге заседал Сейм империи. Император стремился возбудить членов сейма, произнеся яростную обличительную речь против Лютера, включая покровителей и защитников, которых Лютер нашел среди влиятельных людей. Прежде всего, он имел в виду курфюрста Саксонского Фридриха. Император очень досадовал на то, что вследствие влияния Фридриха ему не удалось протащить через сейм проект, с помощью которого он намеривался укрепить свою династию – выборы своего внука, будущего Карла V, его преемника в империи. Но если Фридрих оказал императору плохую услугу, он тем самым завоевал расположение папской курии, так как Лев X мало чего боялся больше, чем объединения скипетров половины Европы в одной руке.

Между тем, энергичное письмо Максимилиана не было безрезультатным; было решено сдержать движение Виттенберга. В 1518 году, 7 августа Лютер был вызван в Рим, чтобы дать ответ на обвинения, выдвинутые против него, ему было дано шестьдесят дней. Поехать в Рим значило шагнуть в собственную могилу. Но опасность остаться была едва ли меньшей, чем опасность ехать. Он был бы осужден, как не явившийся на вызов суда, Папа затем ударил бы по нему отлучением, если не своей рукой, так рукой императора. Земные силы, возглавляемые царем на семи холмах, понимались на Лютера. У него не было очевидной защиты – никакого авторитетного покровителя. Казалось, не было выхода у оставленного всеми монаха.

Университет Виттенберга, чьей душой был Лютер, ходатайствовал за него перед судом Ватикана, особенно подчеркивая находившийся вне подозрений характер его учения и незапятнанный образ его жизни, очевидно, не рассуждая, какой малый вес или оправдание будет это иметь у лиц, настаивавших на этом. Более сильного заступника Лютер нашел в курфюрсте Фридрихе, который заявил о праве немцев решать все церковные вопросы на своей земле, и настаивал, чтобы был послан соответствующий человек для рассмотрения дела в Германии, одновременно упомянув своего брата-курфюрста, архиепископа Трира, как человека компетентного во всех отношениях осуществить эту функцию. Опасность миновала легче, чем можно было себе представить. Папа вспомнил о том, что Фридрих Саксонский оказал ему услугу на сейме в Аугсбурге, и подумал, что ему понадобятся его услуги и в будущем. А затем, его легат, бывший тогда в Германии, жаждал

вынести приговор по делу Лютера, нисколько не сомневаясь, что он сможет искоренить ересь в Германии, и что слава этого дела компенсирует его унижение на сейме в Аугсбурге, где ему не удалось уговорить правителей принять участие в войне против турок. Поэтому у него не было предлога для взимания подати с этих королевств. В результате Папа издал 23 августа бреве, уполномочив легата, кардинала де Вио, вызвать Лютера к себе и вынести решение по его делу. Лев, как казалось, обязав Фридриха и кардинала, не раскрыл всех своих намерений. Передача дела в Германию была еще одним способом, как надеялся Папа, привести Лютера в Рим.

Томмазо де Вио, кардинал Сикстинской капеллы, но больше известный, как кардинал Каэтан, вызвал богослова Виттенберга к себе в Аугсбург. Человек, перед которым Лютер должен был предстать, родился (1469г.) в Гаэле, приграничном городке Неаполитанского королевства, что стало известно из биографии следующего Папы Пия IX намного позднее. Вио принадлежал доминиканскому ордену и, кроме того, был горячим поклонником и ревностным защитником схоластической философии. Он был чрезвычайно обходительным внешне, но мрачным по духу. Под лощеной, утонченной и приятной внешностью скрывался доминиканец. Его таланты, образованность и общеизвестная святость делали его одним из самых выдающихся членов Тайного колледжа. Его наставник, Папа, всецело доверял ему, и он это ценил; так как де Вио истинно верил во все догмы церкви, даже в тех грубых формах, которые они начали приобретать, и никто кроме него не ставил права Папы выше, и не боролся за них более решительно. Кардинал Каэтан взошел на судейское место с большой помпой, так как твердо придерживался принципа, что легаты выше королей. Но он воссел там, не для того чтобы исследовать дело Лютера, а чтобы добиться абсолютного и безоговорочного его подчинения. Дело, как мы увидим позже, уже было решено в высшей инстанции. Распоряжения легата были короткими и точными, и имели одну цель: заставить монаха отречься, а при неудаче, заточить его в тюрьму, пока Папа не соблаговолит послать за ним. Это было равносильно тому, что сказать: «Пришлите его в Рим в кандалах».

Мы должны здесь остановиться и обратиться к эпизоду, произошедшему, когда Лютер был готов отправиться в Аугсбург, и, который из небольшого в начале имел самые значительные последствия для реформации и для Лютера лично. За несколько дней до отъезда Лютера для представления перед кардиналом в Виттенберг приехал Филипп Меланхтон, чтобы занять кафедру греческого языка в университете. Он был назначен на эту должность, после того, как его настоятельно рекомендовал Рейхлин. Слава шла впереди него, и профессора Виттенберга ждали его прибытия с немалым нетерпением. Но, когда он появился среди них, его чрезвычайно молодая внешность, хрупкое телосложение, скромное поведение и робкий характер не соответствовали

заранее составленному мнению о нем. Они не ждали ничего значительного от молодого профессора греческого языка. Но они еще не знали, какое сокровище они обрели, и Лютер даже не мог себе представить, кем для него окажется этот молодой худощавый человек впоследствии.

Через день или два новый профессор читал свою первую лекцию, и тогда стало видно, какая великая душа была в этом небольшом теле. Он излил на изысканной латыни поток глубоких философских, и, однако, ясных мыслей, которые восхитили всех, кто слушал, и завоевали их сердца и умы. Меланхтон показал такое глубокое знание и суждение, такое здравое и зрелое в сочетании с красноречием такого изящества и силы, что все почувствовали, что он создаст себе великое имя и принесет славу университету. Молодому ученому было предназначено сделать все это и еще больше.

Мы должны посвятить несколько предложений его предыдущей жизни – ему было тогда всего двадцать один год. Меланхтон был сыном оружейного мастера из Бреттона в Палатине. Он родился 14 февраля 1497 года. Его отец, благочестивый и достойный человек умер, когда ему было одиннадцать лет, и его образованием занимался дед со стороны матери. Характер у него был настолько мягкий, насколько прекрасной была его одаренность, и с ранних лет сила его разума делала приобретение знаний не только легким, но и весьма приятным для него. Его обучение велось сначала под руководством частного педагога, затем в частной школе Пфорцхайма, и наконец в Хайдельбергском университете, где он получил степень бакалавра в четырнадцать лет. Именно в это время он изменил свою фамилию с немецкой Шварцэрд на греческую Меланхтон. Знаменитый Рейхлин был его родственником, и, очарованный его одаренностью и любовью к греческому языку, он подарил ему грамматику греческого языка и Библию: две книги, которые он изучал всю свою жизнь.

Лютер тогда стоял на пороге своей бурной карьеры. Ему нужен был товарищ, и Бог послал ему Мелахтона. Они дополняли друг друга, а вместе они были законченным реформатором. В одном мы видим уникальное собрание прекрасных качеств, в другом – также уникальное собрание всех сильных качеств. Мягкость, застенчивость и проницательность Меланхтона сочетались с силой, мужеством и страстной энергичностью Лютера. Работоспособность каждого удваивалась при работе в одной упряжке. Одна одаренность могла скрепить их дружбой, но у них была духовная связь – любовь к Евангелию. С того дня, когда эти двое встретились в Виттенберге, в сердце Лютера появился новый свет, а в движении реформации – новая сила.

Как и в начале христианства, так было и тогда относительно выбора инструментов, через которые совершалась работа по реформации церкви, как

раньше по ее образованию. Ни из академии греческой философии, ни из театра римской риторики, ни из школы еврейского образования были взяты первые проповедники Евангелия. Эти сосуды были слишком полны старым вином человеческого знания, чтобы принять божественную мудрость. К выносливым и необразованным рыбакам Галилеи был обращен призыв: «Идите за Мною, и Я сделаю вас ловцами человеков».

Все великие реформаторы без исключения были людьми низкого происхождения. Лютер впервые увидел свет в доме рудокопа, Кальвин был внуком бондаря из Пикарди, Нокс был сыном простого горожанина шотландского провинциального городка, Цвингли родился в хижине пастуха в Альпах, Меланхтон рос в мастерской оружейника. Таков Божий путь. Закон Божьего промысла – получать высокие результаты посредством слабых инструментов. Таким образом Бог прославляется Сам, а затем прославляет Своих рабов.

Мы возвращаемся к той обстановке, которую недавно оставили. Лютер уехал, несмотря на опасения его друзей, чтобы предстать перед римским легатом. Ему могли устроить засаду по дороге, или странствие могло закончиться в римской темнице. Сам Лютер не разделял этих опасений. Он бесстрашно отправился в путь. До Аугсбурга было далеко, и надо было идти пешком, потому что, конфликт многое принес монаху, но только не богатство. Однако курфюрст Фридрих дал ему денег на поездку, но не охранную грамоту. Последнее, сказал он, было не нужно. Судьба Яна Гуса, о которой многие помнили, была подтверждением этому.

Наш путешественник добрался до Веймера 28 сентября и остановился в монастыре босоногих монахов. Молодой послушник монастыря, который уже принял всем сердцем учение Лютера, сидел и смотрел на него, не смея заговорить. Это был Миконий. Кордельеры не были благосклонно расположены к мнению гостей, однако, один из них, Иоганн Кестнер, поставщик, думая, что Лютер идет на смерть, не мог не выразить ему своего сочувствия. «Дорогой брат, сказал он, в Аугсбурге ты встретишься с итальянцами, образованными людьми, который скорее сожгут тебя, чем дадут ответ». «Молись Богу и Его Возлюбленному Сыну Иисусу Христу, ответил Лютер, чье это дело, чтобы сохранили меня». Лютер встретился там с курфюрстом, возвращавшимся из Аугсбурга, и по его просьбе проповедовал перед его двором в Михайлов день, но, ни слова не сказал, как было отмечено, во славу этого святого.

Из Веймара Лютер продолжил свой путь, все еще пешком, до Нюрнберга. Там его встретили хорошие друзья. Среди них был известный художник и скульптор Альберт Дюрер, монах и проповедник Венцеслав Линк и другие. Нюрнберг некогда переживал расцвет ремесел, и все еще был известен своими художниками; науки также не были в пренебрежении, поэтому независимость мышления привела к

раннему восприятию учения Лютера. Многие пришли увидеть его, и когда они узнали, что он странствовал без охранной грамоты, не могли скрыть своего опасения, что он может никогда не вернуться из Аугсбурга. Они пытались отговорить его идти дальше, но Лютер отказывался слушать их советы. Никакие мысли об опасности не могли изменить его намерений или поколебать его мужество. «Даже в Аугсбурге, писал он, посреди врагов царствует Христос. Да живет Христос, да умрет Лютер; да будет превознесен Бог спасения моего».

Была одна услуга, которую Лютер принял из рук своих друзей в Нюрнберге. Ряса, которая была не совсем новой и свежей, когда он покинул Виттенберг, ко времени прибытия к берегам Пегница носила явные признаки длительного странствия; и его друзья решили, что не подобало ему являться в ней перед легатом. Поэтому они одели его в мантию, принадлежавшую его другу Линку. Пешком и в одолженной мантии он отправился в путь, чтобы предстать перед церковным правителем; но саржа Лютера была выше тонкого пурпурного полотна де Вио.

Линк и еще один друг сопровождали его; вечером 7 октября они вошли в ворота Аугсбурга и поселились в монастыре августинцев. Наутро он послал Линка уведомить кардинала о своем прибытии.

Если бы Лютер пришел на несколько недель раньше, то нашел бы в Аугсбурге многих князей и графов, среди которых были бы желавшие защищать его. Но к тому времени все уехали, так как сейм подходил к концу, никого не осталось кроме римского легата, чьей тайной целью было беспрекословное подчинение Лютера, в противном случае ему не покинуть живым ворот, через которые к восторгу де Вио он тогда входил.

Глава 12 - Появление Лютера перед кардиналом Каэтаном.

Урбан из Сьерра Лонга – Его беседа с Лютером – Revoco – Non-revoco – Охранная грамота – Лютер и папский легат лицом к лицу – Лютер нарушает молчание. – От учения нужно отречься. – Отказ – Вторая беседа – Обсуждение таинств и индульгенций – Лютер стоит на Писании. – Третья беседа – Лютер читает изложение своего учения. – Надменность легата – Непримиримое разногласие

Небольшая мелодрама предшествовала серьезной части дела. Вскоре после приезда Лютера итальянский придворный, Урбан из Серра Лонга, человек кардинала, хотя старался не говорить об этом, появился у дверей монастыря, где Лютер остановился. Он заверял в дружбе богослова из Виттенберга, и, как он сказал, пришел, чтобы дать совет перед тем, как предстать перед де Вио. Невозможно представить больший контраст, чем контраст между улыбающимся, кланяющимся и говорливым итальянцем и грубовато-добродушным и честным немцем.

Совет Урбана выражался одним словом: «Подчинитесь». Он, конечно, проделал столь долгий путь не для того, чтобы скрестить оружие с кардиналом. Он полагал, что говорил с умным человеком.

Лютер намекнул, что дело обстояло не так просто, как предполагал советник. «О, - продолжал итальянец, расточая любезность, - я понимаю, что вы вывесили «Тезисы», вы выступали с проповедями, вы давали обет, но четыре слога, всего шесть букв решат дело – revoco (отрекитесь)».

«Если меня убедят на основании Священного Писания, - отвечал Лютер, - что я заблуждаюсь, то я буду рад взять свои слова обратно».

Итальянец Урбан широко открыл глаза, когда услышал, что монах обратился к Книге, которую давно запрещали читать и верить ей в столице христианства. Конечно, он думал, что Лютер не такой уж фанатик, чтобы противопоставлять авторитет Библии авторитету Папы; и поэтому придворный продолжал.

«Папа, говорил он, может одним кивком головы изменить или отменить догматы веры; конечно, он чувствовал себя в безопасности, имея Папу на своей стороне, особенно, когда жалование, положение и жизнь зависят от общего мнения с его святейшеством». Он убеждал его не упускать момента, порвать «Тезисы» и отменить обеты.

Урбан из Серра Лонга промахнулся мимо цели. Лютер счел необходимым объяснить ему в более простой форме, что это невозможно, если кардинал не убедит его аргументами из Слова Божьего, что он учил неверно.

То, что один монах или даже целая армия монахов восстанет оспаривать дело с Римом, казалось уступчивому итальянцу чудом. Ему было это непонятно. Богослов из Виттенберга казался придворному человеком, стремившемуся к собственному краху. «Что! Продолжал итальянец, неужели вы себе воображаете, что князья и феодалы защитят вас от папского престола? Кто вас поддержит? Где вы окажетесь?»

«У меня всегда будет небо», ответил Лютер.

Лютер видел сквозь притворство этого человека, несмотря на все его умение и заверения об уважении, и понимал, что тот является агентом легата, посланным, чтобы прозондировать и по возможности завлечь его в ловушку. Поэтому он стал более сдержанным, и отпустил своего болтливого посетителя, заверив его, что будет смиренен, когда предстанет перед кардиналом, и отречется от того, что будет доказано ошибочным. Вслед за этим, Урбан, обещав вернуться и препроводить его к легату, вернулся к тому, от кого он пришел, чтобы сообщить о провале задания.

Аугсбург был одним из главных город империи, и Лютер воодушевился, обнаружив, что даже здесь его учение пробило себе дорогу. Многие почетные советники города ждали его, приглашали его к себе за стол и расспрашивали о деле. Когда они узнавали, что он пришел в Аугсбург без охранной грамоты, они не могли не выразить своего удивления по поводу его смелости – «мягкое слово, сказал Лютер, для опрометчивости». Друзья в один голос убеждали его ни в коем случае не рисковать являться к легату без охранной грамоты, и они взяли на себя задачу достать грамоту для него у императора, который все еще охотился в окрестностях. Лютер посчитал благоразумным последовать их совету; они знали де Вио лучше, чем он; их свидетельство относительно него было убедительным. Поэтому, когда Урбан вернулся, чтобы проводить его на аудиенцию к кардиналу, Лютер должен был сообщить ему о том, что сначала он получит охранную грамоту. Итальянец постарался высмеять эту затею; «это бесполезно, это все испортит, кардинал – сама доброта. Идемте, настаивал он, идемте, давайте уладим дело немедленно, одно небольшое слово сделает это, повторял он, вообразив, что нашел заклинание, перед которым все трудности отступают, одно небольшое слово – revoco». Но Лютер был непреклонен. «Когда у меня будет охранная грамота, тогда я явлюсь». Нахмурившийся итальянец был вынужден смириться с отказом, и, кусая пальцы, вернулся рассказать легату, что вторая миссия закончилась хуже первой.

Наконец охранная грамота была получена, и 11 октября было назначено для явки Лютера к де Вио. Д-р Линк из Нюрнберга и некоторые другие друзья сопровождали его до дворца легата. При входе итальянские придворные столпились вокруг него, «чтобы взглянуть на Герострата, который зажег такой большой пожар». Многие шли за ним в зал для аудиенций, чтобы быть свидетелями его отречения, так как,

несмотря на смелость в Виттенберге, они нисколько не сомневались в том, что монах будет достаточно сговорчивым, представ перед римским кардиналом.

Обычные церемонии закончились, наступила пауза. Монах и кардинал молча посмотрели друг на друга: потому что Лютер, будучи вызванным, считал, что Каэтан должен заговорить первым; а кардинал считал невозможным, чтобы Лютер предстал перед ним с иным намерением, чем отречение. Он должен был убедиться, что ошибался в этом.

Этот момент был очень интересным. Новая эпоха столкнулась лицом к лицу со старой. Никогда раньше они так близко не сходились. Старая эпоха сидела, облаченная в пурпур и другие знаки отличия древней и священной власти; а новая стояла в суровой простоте с соответствующей силой, которая пришла, чтобы сокрушить эпоху обрядов и форм, и внести эпоху духа и жизни. За одной виднелась вереница предшествующих веков с их традициями, указами и Папами. За другой шло будущее, будучи пока «запечатанной книгой», открытие которой ждали все люди, одни с ужасом, другие с надеждой, но все со страхом, не зная, что принесет будущее. И самые смелые не могли дерзнуть вообразить даже половину того, что было предопределено – законы, которые должны быть изменены, троны и алтари, которые должны быть разрушены, царства, которые должны быть свергнуты, разбивая на куски сильные, и поднимая слабые во власти и славе. Не удивительно, что эти две силы, впервые представ друг перед другом, сделали паузу перед тем, как начать борьбу, которая должна повлечь за собой столь обширные вопросы.

Обнаружив, что кардинал все еще молчал, Лютер заговорил: «Достопочтенный отец, в послушание призыву его папского святейшества, согласно с приказанием милостивого господина курфюрста Саксонского я явился перед Вами, как смиренный и покорный сын Святой христианской церкви, и признаю, что опубликовал положения и тезисы, приписываемые мне. Я готов весьма покорно выслушать обвинение в мой адрес, и если я заблуждался, подчиниться наставлениям в истине». Это были первые слова, произнесенные реформацией перед судом, где потом ее голос можно было часто слышать.

Де Вио думал, что это было благоприятным началом. Покаяние было недалеко. Итак, приняв самое милостивое выражение лица, и говоря со снисходительной добротой, он сказал, что хочет просить «дорогого сына» о трех вещах: во-первых, чтобы он отрекся от заблуждений, во-вторых, чтобы он в будущем воздерживался от распространения своих взглядов, и, в-третьих, чтобы он избегал всего, что может нарушить покой церкви. Предложение, несколько менее многоречивое, было уже сделано его агентом – «Отрекись».

Лютер потребовал, чтобы было зачитано папское бреве, на основании которого легат имел полномочия рассматривать это дело.

Придворные вытаращили глаза, удивляясь смелости монаха; кардинал, скрывая гнев, дал рукой знак, чтобы не исполнять просьбу.

«Тогда, продолжал Лютер, соблаговолите, преподобный отец, указать на то, в чем я заблуждаюсь».

Придворные удивились еще больше, но Каэтан оставался невозмутимым. Легат взялся за «Тезисы» Лютера: «Обрати внимание, сказал он, в седьмом высказывании ты отрицаешь, что Святое таинство полезно, если у человека нет веры; а в пятьдесят восьмом высказывании ты отрицаешь, что заслуги Христа составляют часть сокровищ, из которых Папа жалует индульгенции верующим».

Эти два заблуждения существовали во взглядах церкви. Сила духовного возрождения людей через opus operatus, то есть простое раздавание им причастия, независимо от поведения принимающего, является мощной силой, и наделяет духовенство безграничным воздействием. Если простым совершением или несовершением определенного действия, они могут спасать или губить людей, то нет предела покорности, которую они могут требовать, и нет предела богатству, которое будет стекаться к ним. И так же обстоит дело с индульгенциями. Если у Папы есть несметные сокровища, из которых он может извлекать прощение для грешников, все к нему будут приходить и платить ту цену, какой бы высокой она не была, которую он назначит. Но опровергни эти две догмы, докажи людям, что без веры, которая есть дар не Папы, а Божий, причастие недействительно, и является пустым знаком, не дающим ни благодати сейчас, ни смирения для небес потом; и что папское несметное сокровище – чистая выдумка. И кто после этого даст даже пенни, чтобы купить таинство, не имеющего благодати, и платить за индульгенции, не дающие прощения?

Именно это сделал Лютер. «Тезисы» Лютера разрушили заклинание, которое открыло Римской церкви богатства Европы. Она сразу увидела масштаб потерь: покинутые рынки, непроданные товары, пересохшие потоки золота, которые стекались к ней изо всех стран. Поэтому кардинал Каэтане, следуя указаниям сверху, направил свой палец на эти два самых опасных пунктов «Тезисов», и потребовал от Лютера беспрекословного отречения от них.

«Ты должен отречься от этих двух заблуждений, сказал де Вио, и принять истинное учение церкви».

«То, что человек, принимающий святое причастие, должен иметь веру, данную ему по благодати, сказал Лютер, - это истина, от которой я не могу и никогда не отрекусь».

«Сделаешь ты это или нет, продолжал легат, впадая в гнев, у меня должно быть твое отречение именно сегодня, или за одно это заблуждение я осужу все твои тезисы».

«Но, ответил профессор Виттенберга с той, же решимостью, но очень учтиво, я требую доказательства того, что я не прав, из Писания, так как мои взгляды основаны на Писании».

Но реформатор не мог получить никаких доказательств из Писания. Кардинал мог только повторить общие места римской церкви, подтвердить учение opus operatum и процитировать один из Экстравагантов (декреталий) Клемента VI. Лютер, возмущенный тем, какое значение легат придавал папскому указу, воскликнул: «Я не могу принять никакой подобный устав как доказательство таких важных вопросов, какие здесь обсуждаются. Такая интерпретация подвергает Писание пытке».

«Ты знаешь, возразил де Вио, что Папа имеет авторитет и власть над всем этим?» «Кроме Писания, ответил Лютер горячо. «Писание! – сказал кардинал с насмешкой – Папа выше Писания и выше соборов. Разве ты не знаешь, что он осудил и наказал Базельский собор?» «Но, возразил Лютер, Парижский университет подал апелляцию». «И парижане, сказал де Вио, расплатятся за это».

Лютер ясно понимал, что в таком темпе они никогда не придут к решению вопроса. Легат торжественно восседал, обращаясь к человеку, стоящему перед ним с показной снисходительностью и явным презрением. Когда Лютер процитировал из Писания в доказательство своему учению, то единственным ответом кардинала было пожимание плечами и иронический смех. Легат, несмотря на обещание разобраться в деле на основании Слова Божьего, не захотел или, возможно, не мог сойтись с Лютером на этой почве. Он придерживался исключительно декреталий и схоластов. Обрадовавшись тому, что может на тот момент уйти от спора, который не так легко поддавался управлению, как он надеялся, он предложил богослову из Виттенберга день на размышление, но поставил в известность, что не примет ничего кроме отречения. Так закончилась первая беседа.

По возвращении в монастырь он был в восторге, найдя там своего драгоценного друга Штаупица, главного викария августинцев, который последовал за ним в Аугсбург в надежде быть полезным ему в данном кризисе. Утром, когда Лютер вернулся на вторую беседу с кардиналом, главный викарий и четыре имперских советника сопровождали его вместе со многими другими друзьями, нотариусом и

свидетелями. После обычного поклона Лютер зачитал бумагу, в которой торжественно заявлял о своем почитании и следовании святой римской церкви; о том, что он подчиняется решению и определению этой церкви; что он готов представить в письменной форме ответ на любое возражение папского легата, выдвинутое против него. Более того он был готов представить свои «Тезисы» на рассмотрение императорским университетам Базеля, Фрибура, Лёвена, и если этих не достаточно, то и Парижа, как старейшего из христианских университетов и самого преуспевающего в богословии университета.

Легат, очевидно, затруднялся дать ответ на такие разумные и смелые предложения. Он старался скрыть свое смущение под притворной жалостью к монаху. «Оставь, сказал он очень доброжелательным тоном, эти бессмысленные советы и вернись к здравому рассудку. Покайся, мой сын, покайся. Лютер еще раз обратился к авторитету Писания, но так как де Вио стал несколько раздражителен, конференция закончилась. Затем Штаупиц настоял, чтобы Лютера отпустили для изложения взглядов в письменной форме.

На третьей и последней беседе богослов из Виттенберга прочитал полное изложение своих взглядов по всем рассматриваемым вопросам. Он придерживался всех своих прежних позиций, значительно укрепив их цитатами из Августина и других ранних отцов, но особенно из Священного Писания. Кардинал не мог даже на своем судейском месте скрыть раздражение и недовольство. Выпрямившись в своем облачении, он принял «декларацию» с презрительным взглядом и назвал ее «просто словами» и «длинной филактерией»; но сказал, что отправит документ в Рим. Между тем, легат угрожал Лютеру наказаниями, установленными Папой, если он не покается. Он предложил ему, вполне серьезно, охранную грамоту, если тот поедет в Рим и предстанет перед судом. Реформатор знал, что это значит. Это была охранная грамота в тюрьму где-нибудь в окрестностях Ватикана. Предложенная услуга была отклонена к большому неудовольствию де Вио, который, несомненно, думал, что это был лучший вариант завершения дела, которое запятнало римский пурпур, и предало блеск монашеской сарже.

Это был великий перелом в истории протестантизма, и можно вздохнуть спокойно, узнав, что он пройден благополучно. Лютер еще не до конца озвучил папские догмы. У него не было еще ясных и хорошо сформировавшихся взглядов, к которым он придет в дальнейших исследованиях. Он все еще верил, что служение Папы является Божьим указанием, и, осуждая заблуждения человека, склонялся перед авторитетом его служения. Существовал риск уступок, которые могли затруднить его продвижение вперед или совсем остановить. От этого он был спасен частично верностью своим убеждениям, частично благодаря пониманию богословами Рима того, что «элемент» веры, на котором так упорно настаивал

Лютер, составлял существенную и непреложную разницу между его и их системами. Она подменяла Божественный фактор человеческим, действие святого Духа opus operatum. В таком деле не могло быть примирения на основе взаимного согласия, и это привело их к настаиванию на полном и безоговорочном отречении. Лютер обычно говорил, «что он не познал всю божественность сразу, но был вынужден погружаться все глубже и глубже. Папа говорил, что хотя Христос является главой церкви, тем не менее, должна быть видимая и плотская глава церкви на земле. С этим бы я согласился, если бы он учил Евангелию правильно и ясно, и вместо этого не выдвигал вперед человеческие изобретения и ложь».

Так закончился первый конфликт между старой и новой силами. Победа осталась за последними. И победа была немалая. Кроме того, эти двое смогли примериться друг к другу. Лютер видел Каэтана насквозь. Он был удивлен, каким слабым полемистом и неубедительным богословом был борец, которого римская церковь отправила на битву. «Из этого можно сделать вывод, писал Лютер Спалатину, что их калибр в десять или сто раз меньше». С тех пор реформатор продолжал встречаться с могущественными людьми Рима с меньшим волнением при обсуждении проблем. Но у кардинала не сложилось пренебрежительного мнения о монахе, хотя, говоря о нем, он употреблял только пренебрежительные эпитеты. «Я больше не буду вступать в дискуссию с этим чудовищем, сказал он, когда Штаупиц настаивал на продолжении диспута по этому вопросу с богословом из Виттенберга, потому что в его голове глубокие глаза и чудесные мысли».

Глава 13 - Возвращение Лютера в Виттенберг и его труды.

Лютер пишет кардиналу и покидает Аугсбург. – Путешествие – Папская булла, осуждающая его. – Протест Лютера – Гнев де Вио – Лютер возвращается в Виттенберг – Письмо Каэтана курфюрсту Фридриху – Ответ Фридриха – Отчет Лютера о диспуте – Университетская деятельность – Изучение Библии – Папская Булла об индульгенциях – Лютер подает церкви апелляцию против Папы. – Фридрих советует Лютеру покинуть Саксонию. – Куда он пойдет? – Ужин с друзьями – Страдание и мужество

Прошло два дня с тех пор, когда легат приказал Лютеру «уйти и не появляться ему на глаза, пока не передумает». Оставив общество кардинала, Лютер написал ему письмо (16 октября), в котором, хотя и не от чего и не отрекался, выразил глубокое уважение и покорность. Кардинал ничего не ответил. Что значило его молчание? «Это не предвещает ничего хорошего, говорили друзья Лютера, он что-то задумывает вместе с императором, мы должны его опередить».

В действительности Каэтану не надо было советоваться с императором или с кем-нибудь другим. Он получил указания от своего господина из Рима в случае возможного провала миссии. Если он откладывал пустить в ход эти указания, то только потому, что думал поймать в западню свою жертву: крепостные стены Аугсбурга захлопнули ее.

Западня оказалась не такой надежной, как думал кардинал. Сев на лошадь, которой снабдили его друзья, с верным провожатым Лютер проезжает по тихим улицам Аугсбурга до рассвета. Он убегает от кардинала. Он приближается к небольшим воротам в городской стене. Дружеская рука открывает ее, и он выходит наружу. Это было утром четвертого дня (20 октября) после его последней беседы.

Позади него спящий город, впереди – страна шампанского, только начинавшая виднеться в лучах раннего рассвета. В каком направлении повернуть лошадь? На мгновение он останавливается в неуверенности. Французский посол благосклонно упомянул его имя на последнем сейме; не поискать ли защиты во владениях его господина? Его рука на поводьях, чтобы направить свое бегство во Францию. Но, нет, он поворачивает на север. Не Парижу, а Виттенбергу было суждено стать центром нового движения.

Два путешественника уезжали с такой скоростью, на которую только были способны. Лютер не привык ездить верхом, а его лошадь была крепким рысаком, поэтому он так устал, что в конце первого этапа путешествия он не мог стоять и лег на солому в конюшне постоялого двора, где они остановились на ночлег. По прибытии в Нюрнберг он впервые прочитал указания, переданные из Рима де Вио

относительно того, как избавиться от него и его дела. Они открыли ему, что он вовремя покинул Аугсбург, и, что все время его пребывания там, меч висел над его головой.

Папское бреве, которое было в руках легата на судейском месте, требовало от него, чтобы он вынудил Лютера покаяться. Из Рима поступило одно лишь слово Revoco, которое сначала Сера Лонга, а потом Каэтан продиктовали для того, чтобы Лютер сокрушенно повторил его. Если его можно было привести к покаянию и попросить прощение за причиненное иерархии беспокойство и скандал, то легат был уполномочен «соединить его со святой матерью церковью». Но, если монах будет упираться, то де Вио должен был применить быстрые и решительные меры по завершению этого дела. Он должен был схватить Лютера и держать его в надежной темнице, чтобы отправить потом в Рим. Для осуществления этого при необходимости легат должен был потребовать помощи у императора, германских князей и любых общин или властителей, как церковных, так и светских. Если, тем не менее, Лютер убежит, он должен был объявить его вне закона по всей Германии, и наложить интердикт на всех тех князей, общины, университеты и властителей с их большими и небольшими городами, странами и деревнями, которые предоставят ему прибежище или как-то помогут ему.

Даже до того, как Лютеру был вручен вызов к де Вио, его дело было решено, а он сам осужден как еретик папским судом, а именно Иеронимом, епископом Асколи. Лютер не знал ничего об этом, когда он отправился в Аугсбург. Узнав об этом, он воскликнул: «И это стиль и манера поведения римского суда, который в день вызова увещевает, обвиняет, осуждает и обвиняет виновным человека, находящегося далеко от Рима и ничего не знающего обо всем этом?» Опасность миновала, прежде чем он узнал о ее размерах; но когда он понял это, он возблагодарил Бога всей душой за свое избавление. Ангел Божий охранял и освободил его.

Подобно Пафиану Лютер посылал стрелы во время своего бегства. Покинув Аугсбург, он оставил то, что говорило бы о нем, когда он уйдет, и не только Аугсбург, но и весь христианский мир. Он написал апелляцию в Рим. В этом документе он перечислил все аргументы, с помощью которых он боролся против индульгенций и охарактеризовал процесс, который вел кардинал, как необдуманный, потому что он настаивал на его отречении, не указав на заблуждения. Он пока еще признавал авторитет Папы, почитал престол Петра, скомпрометированный недобросовестным ведением дел, поэтому он закончил апелляцию следующими словами: «Я подаю апелляцию на плохо осведомленного Святейшего Отца Папу Святейшему Отцу Папе Льву X, который по милости Божьей должен быть лучше осведомлен».

Эта апелляция должна быть вручена легату только тогда, когда составитель был на безопасном расстоянии. Проблема была в том: кто повесит колокольчик на шею кошке? Де Вио был не в том настроении, чтобы приближаться к нему с таким документом. Кардинал пришел в ярость от предчувствия катастрофы, свалившейся на него и римскую церковь из-за бегства Лютера. Немец провел его и всех ученых мужей, его советников. Ему не удалось добиться покаяния монаха; этот человек был вне предела его досягаемости; он унес с собой престиж победы; римская церковь потерпела поражение при первом обмене ударами с новой верой. Кардинал, который хотел реабилитироваться как дипломат, провел дело как «сапожник»; что о нем скажут в Риме? Чем больше он размышлял, тем очевиднее была неприятность, вытекавшая из этого дела. Он в тайне ликовал, когда ему сказали, что Лютер в Аугсбурге; но лучше этому монаху никогда бы не входить через его ворота, чем придя бросить вызов Римской церкви в лице ее легата и уйти не только без вреда, но и с победой. Кардинал был исполнен возмущения, стыда и гнева.

Между тем, Лютер с каждым днем увеличивал расстояние между собой и легатом. По Германии прошел слух, что монах стоял на своем перед кардиналом, и жители деревень и городов на его пути выходили, чтобы поздравить его с победой. Их радость была больше от того, что их надежда на его возвращение была слабой. Германия победила через Лютера. Гордая Италия, которая посылала догмы и указы через Альпы с тем, чтобы их проглатывали без рассмотрения, и за которыми следовали сборщики податей, получила отпор. Эта надменная и деспотичная власть начала падать, и рассвет свободы забрезжил над северными народами.

Лютер вернулся в Виттенберг за день до годовщины вывешивания «Тезисов» (30 октября). День всех святых был 1 ноября. В этом году в Виттенберге не было толп пилигримов, приходящих для поклонения мощам и приобретения индульгенций. Это было следствием удара, нанесенного Лютером; торговля Рима в этих областях почти прекратилась; это говорило о том, что учение Лютера распространялось.

Но если толпы паломников, приходивших в Виттенберг, практически иссякли, то толпы студентов значительно увеличились. С ростом популярности Лютера росла и слава университета, и курфюрст Фридрих с радостью наблюдал за процветанием школы, в которой он принимал живейший интерес. Это помогло перетянуть его на сторону реформатора. Лютер со всем сердцем и душой возобновил труды на своей кафедре. Он старался забыть, что Рим мог вынашивать планы; он знал, что беда недалеко, но продолжал работать, и тем больше старался использовать передышку, чем лучше чувствовал, что она может быть короткой.

Она действительно была короткой. Фридрих Саксонский получил 19 ноября письмо от кардинала Каэтана, давшего свою версию бесед в Аугсбурге, заклиная курфюрста не пятнать своего имени и чести своего рода, защищая еретика, которого

преследовал римский трибунал, и, по поводу которого он навсегда умыл руки. Результат этого обращения мог быть ужасным, так как Фридрих не был пока знаком с учением реформации. Но он был достоин эпитета, данного ему – «мудрый»; он всегда поступал рассудительно и объективно, и в этом случае вероятнее всего тоже. Как только курфюрст получил письмо от кардинала, он послал за Лютером, желая выслушать обе стороны. Лютер дал Фридриху свой отчет об этом деле, подробно остановившись на обещании Каэтана убедить его по Писанию, которое он не сдержал, на абсурдности его требований отречения и на значительном искажении отрывков Писания в своем письме к курфюрсту, на которых он обосновывал дело. И все он сделал с такой ясностью, силой и правдивостью, что Фридрих решил не покидать его. Он знал его достоинства, хотя и не понимал его учения, а также знал о недовольстве Германии, стонущей от итальянской надменности и папской жадности. Ответ Фридриха де Вио был в действительности такой же, как и Лютера: «докажите заблуждение, на которые вы указываете», ответ, который усугубил огорчение и довершил неприятности кардинала.

Для несчастного де Вио и дела, которое он представлял, одна неприятность следовала за другой в быстрой последовательности. На следующий день после того, как курфюрст отправил письмо легату, изложение Лютером Аугсбурских бесед, тщательно подготовленное им, вышло из печати. Курфюрст попросил Лютера немного придержать его, и реформатор твердо намеревался исполнить это. Но нетерпение публики и алчность печатников вышли за пределы его осторожности. Издательский дом был осажден толпой всех сословий и возрастов, шумно требовавших экземпляров. Листы из печатного станка раздавались еще сырыми, и, когда выходил один лист, десятки рук протягивались к нему, чтобы схватить. Автор последним увидел свое произведение. Через несколько дней памфлет распространился повсюду.

Лютер стал богословом не только Виттенберга, но и всей Германии. Весь народ, по крайней мере, молодежь университета была вовлечена в изучение богословия. С помощью печатного станка голос Лютера достигал каждого сердца и каждого отдельного человека его родины. Люди попробовали новую жизнь, новый мир открылся им глазам, новое действие, не испытываемое веками, волновало их сердца; старое ярмо было разбито и выброшено. В университете Писание изучалось с таким рвением и упорством, какое не встречалось в более поздние времени. Профессора и студенты, зажженные энтузиазмом Лютера, хотя и не могли идти с ним наравне, старались не отставать от него. « Наш университет, писал Лютер, кипит работой, как муравейник». Каждый день приходила новая группа студентов, пока не переполнились залы и общежития университета Виттенберга. Не только из Германия, но и из дальних стран приезжала молодежь, чтобы получить семена реформатской жизни, уносить и сеять их в отдаленных районах.

Большое внимание уделялось изучению иврита и греческого, «два языка, как привратники, сидят у входа в Библию, держа ключи». От университета желание изучать богословие передалось двору. Секретарь курфюрста, Спалатин, в переписке с Лютером, постоянно просил и получал толкование на Писание, и предполагалось, что за секретарем стоял сам курфюрст, спокойно и настойчиво ведя расспросы, что, в конечном счете, ставило его рядом с Лютером.

Между тем, дело приобретало другой оборот. Слухи о «победе» Каэтана, как он сам назвал, дошли до Рима, но новость об этой «победе» вызвала лишь ужас. Канон св.Анжело, провозглашавшись много побед раньше и позже этой, воздержался от ее провозглашения. В залах Ватикана можно было встретить мрачные взгляды и тревожные дискуссии. Римская церковь должна была восстать после произошедшей с ней катастрофы, но и здесь беды сопровождали ее шаги. Она ничем не могла лучше послужить делу Лютера, чем линией поведения, которую она выбрала против него. Сера Лонга совершил грубую ошибку, де Вио совершил грубую ошибку, и теперь Лев X совершил самую грубую ошибку. Казалось, что господин хотел изгладить ошибки слуг своими еще большими ошибками.

Понтифик издал 9 ноября новый декрет, в котором вновь одобрил учение об индульгенциях и фактически подтвердил все, чему сначала учил Тетцель, а потом Каэтан, о праве церкви прощать грехи. В декрете говорилось: «Что римская церковь, мать всех церквей, передала по традиции римскому понтифику, приемнику св.Петра, право на ключи, то есть отпускать грехи и освобождать от наказания по индульгенции, даровать верующим во Христа, живым или находящимся в чистилище, индульгенции благодаря множеству достоинств Христа и святых; может даровать индульгенции по оправданию или передавать по согласию. А те, кто приобрел индульгенции, освобождаются от наказания на содеянные грехи согласно приобретенным индульгенциям. Это учение должны исповедовать и распространять все под страхом отлучения, от которого только Папа может избавить, за исключением смертного одра». Этот указ был отправлен Каэтану, который тогда жил в Линце, Верхней Австрии, откуда его экземпляры распространялись им среди всех епископов Германии с предписанием их публикации.

Вес, который имели слова преемника Петра, как полагал Папа, сокрушат и заставят замолчать монаха из Виттенберга, совесть христианского мира перестанет волноваться и люди вернуться к прежнему состоянию покоя под скипетром Ватикана. Он плохо понимал эпоху, в которую он вступал и общественное настроение и чувства к северу от Альп. Прошло время, когда люди безоговорочно склонялись перед листами пергамента или кусочками свинца. Чем, спрашивали люди, учение Папы об индульгенциях отличается от учения Тетцеля, кроме благопристойного стиля? Учение – то же самое, только в одном случае написано на

прекрасной латыни, которой они в Риме большие мастера, в то время как другое провозглашено громоподобным голосом на грубом саксонском языке. Но ясно, что папа, как и Тетцель, приносят ящик для денег к нашим дверям и ждут, что мы наполним его. Он расхваливает свою сокровищницу достоинств, как коробейник расхваливает свой товар, чтобы его купили; чем больше мы грешим, тем богаче они в Риме становятся. Деньги – деньги – деньги – начало, середина и конец нового декрета. Так немцы отзывались об указе 9 ноября, который должен был поддержать Каэтана и уничтожить Лютера. Папа оправдал Тетцеля, но за счет принятия этого грандиозного скандала на себя и свою систему. Главный священник христианства предстал перед миром, жадно сжимающим суму, как один из нищенствующих монахов.

Еще одним способом папский декрет помог сбросить систему, которую он намеривался поддержать. Он заставил Лютера более углубиться в исследование папства, чем он это делал раньше. Теперь он посмотрел на его основы. Он думал, что учение об индульгенциях в кощунственном и богохульном виде было лишь учением Тетцеля, но теперь он понял, что оно было также учением Льва из Рима. Лев поддерживал трактовку этого дела, данную Тетцелем и Каэтаном. Вывод, к которому он пришел в процессе изучения, выражен в письме, написанному приблизительно в это время к своему другу Венцеславу Линку в Нюрнберг: «Во мне с каждым днем растет убеждение, пишет он, что Папа – антихрист». И, когда Спалатин спросил, что он думает о войне с турками, он ответил: «Давай начнем с турками дома; бесполезно воевать на плотской войне, и быть побежденными на духовной».

Вывод был сделан вовремя. Реформатор составил еще одну апелляцию, и в воскресенье, 28 ноября зачитал ее вслух в часовне Тела Христова в присутствии нотариуса и свидетелей. «Я подаю апелляцию на понтифика, человека, подверженного заблуждениям, грехам, лжи, тщеславию и другим человеческим немощам, не сверх Писания, а по Писанию, будущему собору, который должен быть законно созван в безопасном месте, чтобы моему представителю была гарантирована безопасность». Эта апелляция отмечает новый этап в просвещении Лютера. Он отрекся фактически от Папы, больше не жалуется на плохо осведомленного Папу хорошо осведомленному Папе, но на сам авторитет Папы вселенскому собору, на главу церкви самой церкви.

Так закончился 1518 год. На небе собиралась буря. Облака становились темнее и гуще с каждым днем. Реформатор написал апелляцию, зачитанную в часовне Тела Христова 28 ноября, также как евреи ели ужин последний раз, «сутана его подобрана, чресла препоясаны, чтобы отправиться в путь», хотя и не знал куда. Он знал только одно: куда бы он ни шел, Бог везде был его «щитом, высшей наградой». Он знал, что в Риме готовились папские анафемы, возможно, они были на пути в

Германию. Не то, чтобы он сам боялся, но не хотел компрометировать курфюрста Фридриха, и был готов в течение дня покинуть Саксонию. В мыслях он часто обращался к Франции. Атмосфера там казалась чище, и Сорбонские богословы выражали свои мысли с неизвестной в других странах свободой; и, если Лютеру действительно пришлось бежать, то он отправился бы в эту страну. Итак, кости были, по-видимому, брошены. Курфюрст отправил ему послание, извещавшее о том, чтобы Лютер покинул его владения. Он подчинится, но перед отъездом утешится, может быть в последний раз, в компании своих друзей. Когда он сидел с ним за ужином, пришел посланный от курфюрста.

Он хотел знать, почему Лютер медлит с отъездом. Какой болью отозвалось это послание в его сердце! Какое чувство печали и одиночества он испытывал! У него не было заступника на земле. У него не было прибежища под небесами. Любимые друзья собрались вокруг него – Ионас, Померанус, Карлштадт, Амсдорф, юрист Шурф и самый дорогой Меланхтон – покруженные в печаль, почти в отчаяние, так как они видели, что светильник их университета вот-вот погаснет, и великое движение, обещающее новую жизнь всему миру, на грани краха. Они не ожидали столь внезапного помрачения дня. Они ждали света, а увидели тьму. Ни один правитель христианского мира, ни даже их мудрый и благородный курфюрст не посмел дать прибежище человеку, который за дело истины восстал против Рима. Горькую чашу пил теперь Лютер. Он должен идти вперед. Он знал, что враг будет преследовать его из одной страны в другую, и не прекратит идти по его следу, пока не настигнет и не схватит его. Но не это его волновало. Душу, единственную свою ценность, он предал Тому, Кто может сохранить ее, а тело – в распоряжении римской церкви на гниение в тюрьмах, чтобы быть повешенным на виселице, превращенным в пепел на ее костре, как она захочет. Он пойдет на костер с гимнами, но то, что ему надо было уйти и оставить страну во тьме, разрывало его сердце и вызывало потоки слез.

Глава 14 - Милтиц, Карлштадт и д-р Екк.

Милиц – Немецкое происхождение – Итальянские манеры – Путешествие в Германию – Золотая роза – Беседа с Лютером – Лесть – Перемирие – Опасность – Война возобновляется. – Карлштадт и д-р Экк – Диспут в Лейпциге – Характер Экка – Приезд двух партий в Лейпциг – Место и формы диспута – Его огромное значение – Портрет участников.

Мы оставили Лютера удрученного до крайней степени. Ужасная буря, казалось, собиралась над ним, над работой, которую он удостоился начать, и при счастливом стечении обстоятельств, продолжить. Он навлек на себя неудовольствие врага, под чьим руководством находились все власти Европы. Максимилиан, император Германии, был скорее полон решимости сокрушить монаха из Виттенберга, чем сам Лев. Он отправлял в Рим письмо за письмом, ругая Ватикан за задержку, и требуя не относиться легкомысленно к движению, которое угрожало создать серьезную проблему престолу Петра. Папа не мог закрыть уши на столь требовательные призывы от такого властного лица. Курфюрст Фридрих, земной защитник Лютера, стоял в стороне. Виттенберг далее не мог оставаться домом для реформатора. Он распрощался со своей паствой, сказал несколько слов на прощание молодежи, которая собралась вокруг него из всех провинций Германии и отдаленных стран, сказал до свидания плачущим друзьям, и поднялся с посохом в руке, готовый отправиться в путь, не зная куда, когда неожиданно обстоятельства изменились.

Римская церковь пока не была готова к чрезвычайным мерам. Она даже не понимала всю глубину движения. Прошел всего один век, как один священник-бунтарь угрожал ее правителю, но все попытки против понтифика были напрасны. Движения Виттенберга выдохлось подобно бури, и его волны безобидно разбивались о скалу церкви. Правда, попытки Льва уладить Виттенбергский конфликт были безрезультатными, и даже усугубили дело. Но как у волшебника из сказки, у римской церкви был не один, а сотни фокусов; у нее были дипломаты, чтобы льстить, красные шапочки, чтобы ослеплять блеском тех, кого пока неудобно было сжечь, и поэтому она решила созвать еще одно примирительное заседание.

Человеком, выбранным для новой операции, был Карл Милтиц. Каэтан был слишком горделивым, высокомерным и агрессивным; Милтиц не должен был разбиться об эту скалу. Он был управляющим Папы, саксонцем по происхождению, но он так долго жил в Риме, что стал знатоком итальянского искусства, добавив к нему любовь к музыке. Новое доверенное лицо было скорее дипломатом, чем богословом. Это не имело большого значения, так как он приехал не обсуждать узловые вопросы, а расточать ласки и ставить западни. Он был немцем по происхождению, и поэтому предполагалось, что он знает как обращаться с немцами.

Задание Милтица в Саксонии не афишировалось. Он нанес визит курфюрсту не по делу Лютера, ни в коем случае. Он привез Фридриху от Папы «золотую розу», знак расположения, который Папа оказывал только самым уважаемым из своих друзей. Заботясь о том, чтобы Фридрих причислил себя к ним, и, зная, что он желал получить этот особый знак расположения Папы, он послал Милтица в столь дальнюю дорогу с ценным и долгожданным подарком. Будучи на месте, он, возможно, постарается уладить дело «брата Мартина».

Но никого нельзя было обмануть. «Приезжает папский управляющий, сказали Лютеру друзья, нагруженный льстивыми письмами и папскими бреве, веревками, которыми он надеется связать тебя и увести в Рим». «Я жду волю Божью», ответил реформатор.

Во время своей поездки Милтиц был занят выяснением общественного мнения по поводу обсуждаемого вопроса. Он был удивлен, обнаружив насколько взгляды Лютера, овладели умами немцев. Во всех обществах, куда бы он ни входил, в придорожных тавернах, в городах, в замках, где бы он ни останавливался, он находил полемику, предметом которой были монах и Папа. Из пяти немцев трое были на стороне Лютера. Как отличался менталитет по эту сторону Альп от банального итальянского мышления! Это предвещало приближавшееся освобождение молодого и простого тевтонского интеллекта от рабской зависимости итальянского традиционализма. Иногда папский управляющий получал удивительные ответы на свои вопросы. Однажды он спросил хозяйку гостиницы, где он остановился, об ее мнении по поводу престола Петра. «Что мы простые люди, ответила она хитро, знаем о престоле Петра? Мы никогда не видели его, и не можем сказать, сделан он из дерева или из камня».

Милтиц добрался до Саксонии в конце 1518 года, но его прием при дворе Фридриха не подавал ему больших надежд. Курфюрст не проявил особого энтузиазма при виде «золотой розы», ее благоухание было испорчено последними бризами из Аугсбурга и Рима, он приказал, чтобы она была доставлена ему одним из придворных. Письма, которые Милтиц привез Спалатину и Пфефингеру, советникам курфюрста, хотя и старательно написанные, не растопили холод этих государственных мужей. Ясно, что посланник должен был приберечь все свои силы для самого Лютера, он сберег их и приблизился к цели ближе, чем Каэтан. Движение было тогда в меньшей опасности, когда буря готова была разразиться над ним, чем сейчас, когда облака разошлись, и солнце выглянуло вновь.

Милтиц хотел, во что бы то ни стало, личной встречи с Лютером. Его желание, наконец, осуществилось, и посланник с монахом встретились в доме Спалатина в Альтенберге. Придворный исчерпал все приемы, мастером которых он был. Он был не только вежлив, но и любезен, он лебезил перед Лютером. Смотря ему в лицо, он

сказал, что ожидал увидеть старого богослова, скучно рассуждающего о сложных вопросах у камина, и к своему восторгу он увидел человека в расцвете сил. Он польстил его самолюбию, сказав, что он, по его мнению, более верный последователь, чем сам Папа, и постарался развеять его опасения, заверив, что хотя за ним стоит 20 000 армия, он никогда не будет таким глупым, чтобы даже подумать схватить того, кто является кумиром для народа. Лютер прекрасно понимал, что с ним разговаривал придворный, а слова придворного и дела посланника могли значительно отличаться. Но он постарался, чтобы Милтиц не догадался о том, что происходит в его голове.

Итак, посланник перешел к делу. Его прикосновение было умелым и деликатным. Тетцель, сказал он, превысил свои полномочия, он делал дело возмутительно, и не удивительно, что Лютер восстал против него. Даже архиепископ Майнца был виновен в том, что слишком закрутил гайки относительно Тетцеля по части денежной стороны дела. Все же учение об индульгенциях является спасительным, немцы были отвлечены от этого учения, и отвлечены тем направлением, по которому Лютер считал своим долгом следовать. Покается ли он в своих заблуждениях и примирится с церковью? – это дело, как заверил его посланник, камнем лежало у него на сердце.

Лютер смело ответил, что главным правонарушителем в этом деле является не Тетцель, и не архиепископ Майнца, а сам Папа, который хотя и мог дать паллий даром, назначил за него такую непомерную цену, что ввел архиепископа в искушение нанять Тетцеля, чтобы достать для него денег всеми правдами и неправдами. «Что же касается отречения, сказал Лютер твердо, не ждите его от меня».

Последовали вторая и третья беседы. Милтиц, отчаявшись добиться от Лютера отречения, признался, что доволен достигнутым. А достиг он больше, чем мог ожидать. Очевидно, что мастерство посланника, его притворная честность и сдержанность, а также не совсем поддельное негодование, выраженное против Тетцеля, произвели эффект на Лютера. Последняя договоренность была о том, что ни одна из сторон не будет ни писать, ни действовать относительно этого вопроса; что Лютер должен аннулировать доказательства своих заблуждений, и что дело должно быть передано на суд осведомленному епископу. В конце концов, судьей был избран архиепископ Майнца.

Результат, к которому пришли встречи, угрожал катастрофой всему делу. Он, казалось, был прелюдией к тому, чтобы положить дискуссию на книжную полку. Он был направлен к этой цели. О «Тезисах» скоро забудут, скандал с Тетцелем выветрится из общественной памяти, Рим проявил чуть больше выдержки и благопристойности с продажей индульгенций, и, когда шторм стихнет, все вернется

на свои места, и Германия вновь смирится с цепями. К счастью главой этого движения был более Великий, чем Лютер.

Милтиц радовался. Это беспокойное дело, как он думал, подходило к концу. Его ошибка заключалась в том, что он думал, что дело ограничивалось одним монахом. Он не видел, что это была новая жизнь, пришедшая с неба и принесшая пробуждение в церковь. Милтиц пригласил Лютера на ужин. За столом он не мог скрыть беспокойства, которое это дело вызвало в Риме. Ничего из того, что произошло за последние сто лет, не послужило поводом для такого беспокойства Ватикана. Кардиналы отдали бы «десять тысяч дукатов», чтобы его уладить, и новость о том, что оно устроено, вызовет безграничную радость. Трапеза была праздничной, и, когда она закончилась, посланник встал, обнял монаха из Виттенберга и поцеловал его – «поцелуй Иуды», писал Лютер Штаупицу, но я не дал ему понять, что вижу сквозь итальянские фокусы».

В дискуссии наступила пауза. Лютер отложил в сторону перо и ничего не писал об индульгенциях; он занялся делами на кафедре, но к счастью для дела, которое находилось под угрозой, пауза была недолгой. Его враги нарушили перемирие. Были бы они умнее, они бы оставили Лютера в тех оковах, которые одел на него Милтиц. Не зная, что они делают, они ослабили его путы.

Это приводит нас к Лейпцигскому диспуту, который наделал много шума в то время, и имел огромные последствия для реформации.

Такие диспуты были обычны в ту эпоху. Они были вроде турниров, на которых рыцари науки подобно средневековым рыцарям хотели показать свое искусство и завоевать славу. Они имели свое назначение. Тогда не было открытых собраний, трибун, ежедневной прессы; в их отсутствие эти диспуты между образованными людьми были вместо них, как арены для обсуждения важных вопросов.

Человек, запустивший остановившееся движение, которое он думал уничтожить, был богослов Иоганн Эккиус или Экк. Он был известным во всей Европе полемистом. Он был канцлером университета Ингольштадта, хорошо образованным, проницательным человеком, софистом, выдающимся борцом за папство, чрезвычайно тщеславным относительно своих диалектических способностей, хвалясь победами, одержанными во многих областях, и всегда страстно желая получить новые возможности, чтобы показать свое умение. Новый соратник Лютера, Андрей Боденштайн, больше известный как Карлштадт, архидьякон кафедрального собора Виттенберга, ответил на Обелиски д-ра Экка, воспользовавшись случаем защитить взгляды Лютера. Экк ответил ему, и Карлштадт ответил. После обмена обычными любезностями схоластического спора, в конечном счете, было достигнуто соглашение, что два воина встретятся в Лейпциге и решат

спор в устной дискуссии в присутствии Георга, герцога Саксонского, дяди курфюрста Фридриха, и других князей и важных персон.

За день до прибытия на пробу сил между Карлштадом и Экком, последний нацелился на более высокую игру. Победа над Карлштадтом прибавит ему славы; предметом устремления Экка было скрещивание оружия с монахом из Виттенберга, «маленьким монахом, который неожиданно превратился в исполина». Поэтому он опубликовал тринадцать Тезисов, в которых опровергал взгляды Лютера.

Нарушение перемирия римской стороной освободило Лютера; и он охотно попросил разрешения у герцога Георга приехать в Лейпциг и принять вызов, брошенный ему Экком. Герцог, который беспокоился об общественном спокойствии, отклонил просьбу, так как уже двое воинов должны были сражаться на его территории. Однако, в конце концов, он дал Лютеру разрешение поехать в Лейпциг в качестве зрителя; и в таком качестве богослов из Виттенберга появился на сцене, на которой ему было предназначено занять самое выдающееся положение.

Это дает нам возможность бросить любопытный взгляд на манеры того времени, отметить пышность, с которой две стороны вступили в Лейпциг. Д-р Экк и его друзья приехали первыми 21 июня 1519 года. Он въехал в город, сидя на колеснице, одетый в священнические одежды, во главе процессии, состоявшей из гражданских и церковных высокопоставленных лиц, приехавших, чтобы оказать ему честь. Он важно проехал по улицам, запруженным горожанами, которые высыпали, чтобы взглянуть на воина, обнажавшего свой научный меч на многих полях – в Паннонии, Ломбардии, Баварии – и никогда не вкладывавшего его опять в ножны без победы. Его сопровождал Полиандер (Иоганн Граманн), которого он взял с собой, чтобы быть свидетелем победы, но кого божественное провидение предназначило через Лютера пристать к колеснице реформации. На любом пиру бывает нечто неприятное; Экк жаловался, что в народе ходит слух о том, что в битве, которая должна была начаться, удача изменит ему. Желание в этом случае, конечно, было недалеко от мысли, так как священники и горожане Лейпцига, все до одного, были на стороне Экка. Богословы из Виттенберга торжественно въехали в Лейпциг 24 июня. Возглавлял процессию Карлштадт, который должен был состязаться с Экком. Из выдающихся людей Виттенберга Карлштадт был, возможно, самым горячим, но наименее глубоким. Он едва-едва подходил к роли, которую выбрал. Он наслаждался овациями при въезде, когда колесо его кареты отвалилось, и он упал в грязь. Те, кто был свидетелем его неудачи, приняли это за предзнаменование более серьезного падения, ждавшего его, и говорили, что если Экк будет побежден, то не Карлштадт будет победителем, а кто-то другой. В карете следом за Карлштадтом ехал герцог Померании, а по обе стороны от него два видных богослова, Лютер и Меланхтон. Затем следовала целая вереница богословов, магистров искусств,

лиценциатов богословия, и, сопровождая их кареты, шли 200 студентов с пиками и алебардами. Не только интерес к дискуссии привел их туда, они знали, что отношение жителей Лейпцига не было особенно дружественным, и думали, что их присутствие будет не лишним при защите профессоров от оскорблений и телесных повреждений.

Утром 27 числа состоялась месса в церкви св.Фомы. Принцы, графы, аббаты, советники и профессора шли к часовне торжественной процессией под звуки военной музыки, с развивающимися знаменами, в сопровождении охраны из 100 горожан, которые несли алебарды и другое оружие. После службы они вернулись в том же порядке в герцогский замок Плизенберг, большой зал которого был оборудован для проведения диспута. Герцог Георг, наследный принц Саксонский Иоганн, Герцог Померанский и принц Анхальтский Иоганн заняли почетные места; менее знатная публика разместилась на скамьях. В обоих концах зала возвышались деревянные кафедры для участников диспута. Над кафедрой, которую должен был занять Лютер, висел портрет св.Мартина, чье имя он носил; а над кафедрой, предназначенной д-ру Экку – изображение св.Георгия, топчущего конем дракона, символ подвига, который как, несомненно, представлял ученый богослов, он должен был совершить, сокрушая научным мечом дракона реформации. Посреди зала были столы для нотариусов, которые записывали диспут.

Все на своих местах, молчание в зале. Моселлан поднимается на кафедру и произносит вступительную речь. Он убеждает борцов вести себя смело, но вежливо; помнить, что они богословы, а не дуэлянты, и не должны стремиться победить, а быть побежденными, чтобы Истина была единственным победителем на предстоящем поле. Когда обращение закончилось, в зале Плезенберга прогремел орган, и все собрание, опустившись на колени, пропело старый гимн – Veni, Sancte Spiritus (Приди, Святой Дух). Три раза торжественно повторили эту молитву.

Церковь сейчас стояла на линии, отделявшей ночь ото дня. Воины тьмы и глашатаи света были еще вместе в одном собрании, все еще объединенные ниточкой одной церковной общины. Еще немного и они расстанутся и никогда не встретятся вновь, но пока они собраны под одной крышей, склоняют головы в одной молитве, возвышают голоса в одном гимне Святому Духу. И эта молитва должна быть услышана. Дух Святой должен был сойти; мертвые должны быть приложены к мертвым, живые к живым, а святая церковь должна смотреть вперед «прекрасная как луна, ясная как солнце, внушающая страх, как армия со знаменами»».

Было уже после полудня. Открытие диспута перенесено на время после обеда. Герцог Георг приготовил праздничную трапезу для двоих участников диспута и их друзей, и поэтому они переместились за герцогский стол. В два часа они вновь собрались в зале, где должен был проходить диспут.

Битва началась и продолжалась этот и следующие шестнадцать дней. Обсуждавшиеся вопросы были чрезвычайной важности, так как лежали в основании двух теологий и представляли существенное отличие между римской и протестантской церковью по своей основе, характеру и направлению. Обсуждение было также практически чрезвычайно важным. Оно позволило реформаторам глубже взглянуть на основные положения, чем ранее. Оно убедило их, что противоречие между двумя мировоззрениями было значительнее, чем они предполагали. Расхождение было не просто на поверхности, не просто в духовном захвате иерархии, не просто в скандальных индульгенциях и беспорядках папской курии, но в самых первых принципах, на которых была основана папская система. Обсуждение этих принципов неотвратимо ведет к исследованию нравственного и духовного состояния народов и истинного характера самого первого события человеческой истории.

Перед тем, как перейти к краткому содержанию этого знаменитого диспута, а это все, что дошло до нас, небезынтересно будет посмотреть на набросок, сделанный пером беспристрастного современника и свидетеля, трех людей, которые в основном фигурировали в нем. Портреты сделаны Петром Моселланом, профессором греческого языка в университете Лейпцига, оратором, открывшим заседание.

«Мартин Лютер – человек среднего телосложения, но так изнурен постоянными занятиями, что можно пересчитать его кости. Он – в расцвете сил, голос у него чистый и звонкий. Его владение Священным Писанием не поддается сравнению; он всецело владеет Божьим Словом. В добавление к этому у него большой запас доводов и идей. Хотелось бы, чтобы у него было бы немного больше рассудительности в распределении своего материала. В разговоре он искренен и вежлив, в нем нет ничего стоического или надменного; он умеет общаться с любым человеком. Его речь приятна, изобилует юмором, он проявляет твердость, и никогда не расстраивается из-за угроз противников, даже если они реальны. В известной мере можно предположить, что Бог помогал ему вершить великие дела. Его обвиняют, однако, что он более саркастичен в своих возражениях, чем подобает богослову, особенно, когда он провозглашает новые идеи».

«Карлштадт – человек небольшого роста, цвет лица темный и болезненный, голос неприятный, память менее цепкая, он быстрее теряет самообладание, чем Лютер. Однако, обладает, хотя и в меньшей степени, теми же качествами, что и его друг».

«Экк – высокий и широкоплечий. У него сильный голос немца и такие превосходные легкие, что его бы хорошо было слышно со сцены, или он мог бы быть замечательным глашатаем. Стиль речи скорее грубый, чем изысканный, никакой изящности, превозносимой Цицероном и Квинтилианом. Рот, глаза, вся фигура создают скорее впечатление солдата или мясника, чем богослова. Память у него

отличная, и если бы ум был равен ей, то он был бы совершенен. Но он медленно схватывает, ему недостает рассудительности, без которой все другие дары бесполезны. Поэтому, когда он дискутирует, то нагромождает без разбора или рассуждения отрывки из Библии, цитаты из Отцов и всевозможные аргументы. Его самонадеянность безгранична. Если он попадает в трудное положение, то бросает рассматриваемый вопрос и переходит к другому; иногда он даже принимает мнение противника и, меняя форму высказывания, искусно обвиняет его в той самой абсурдности, которую сам защищал».

Такими были три человека, готовые вступить в бой, зарисованные тем, кто был насквозь пропитан духом античной языческой литературы, чтобы интересоваться состязанием больше, чем просто небольшим увеселением или приятным волнением. Однако это были не настоящие столкновения по сравнению с грандиозной борьбой, начинавшейся сейчас, и исполинами, которые должны были в ней бороться. Войны Греции и Рима были лишь детскими сказками, но эта война, хотя Моселлан не знал об этом, была настоящей трагедией народов – истинным конфликтом всех веков.

Глава 15 - Лейпцигский диспут.

Два богословия – Водораздел – Вопрос о свободной воле – Суть вопроса – Отличие умственной свободы от нравственной способности – Августин – Павел – Спасение от Бога – Спасение от человека – Диспут между Лютером и Экком о превосходстве – Скала – Ложные декреталии – Гуссизм – Соборы ошибаются. – Лютер основывается только на Библии. – Результаты диспута – Покончено с чудовищной выдумкой. – Более широкие взгляды – Более кафоличная церковь, чем римская.

Человек, стоящий на вершине горной гряды, видит воды, устремляющиеся вниз по склону, одни по эту сторону водораздела, другие по ту. Очень близко друг от друга могут находиться источники рек; но как отличается их течение! Как не похожи страны, которые они орошают, как далеко друг от друга находятся океаны, куда, в конце концов, они приносят свои воды! Эта разница в судьбе определяется, казалось, незначительным обстоятельством. Линия горной вершины проходит между источниками, и, следовательно, их начало здесь, у ног путешественника, на одной горной вершине, а устья разделены, может быть, сотнями миль.

Мы подошли к такой же точке в истории двух великих систем, чье возникновение и ход мы прослеживаем. Мы стоим у водораздела двух теологий. Мы можем четко проследить разделительную линию, идущую через первозданные источники протестантской и римской теологий. Эти источники расположены очень близко друг от друга, и, однако, одна – по одну сторону линии, отделяющей правду ото лжи, другая – по другую. Поэтому мы видим разное и противоположное течение, они далеки друг от друга, чем дальше текут, тем дальше расходятся. Диспут в Лейпциге прошел по этой линии. В действительности, это было первым четким прослеживанием и установлением этой линии, как существенной и непреложной границы между двумя теологиями, между римской и протестантской церквями.

Форма, которую принял вопрос, касалась воли человека. Что является нравственным состоянием воли человека? Другими словами, что является нравственным состоянием самого человека? Какова воля, таков и человек, так как воля или сердце являются термином, выражающим окончательное намерение человека; это – орган, который сосредотачивает все данные животной, разумной и духовной природы – тела, ума и души – и посылает их в виде воли и действия. Способен ли человек выбрать духовно хорошее? Другими словами, когда грех и святость предлагаются ему, и он должен сделать выбор, данные всей его природы, суммированные и выраженные в этом выборе, будут ли на стороне святости? Д-р Экк и римские богословы Лейпцига ответили утвердительно, заявив, что человек обладает способностью, без помощи Духа Божьего, и просто сам может выбрать

духовно хорошее и подчиниться Богу. Лютер, Карлштадт и новые богословы ответили отрицательно, заявив, что человек потерял способность при грехопадении; что теперь он нравственно не способен выбрать святость, и пока его природа не будет обновлена Святым Духом, он не может любить и служить Богу.

Необходимо отметить, что этот вопрос не касается свободы человека. Об этом не было спора. Обе стороны, паписты и протестанты, признавали, что человек является свободной личностью. Человек может делать выбор, нет ни физического, ни умственного ограничения его воли, и, сделав выбор, он может поступать сообразно ему. Это делает человека нравственной и ответственной личностью. Но вопрос касается нравственной способности воли. Предполагая свободу выбора, способны ли мы выбрать хорошее? Будут ли восприятие, склонность и желание нашей природы, суммированные и выраженные волей, на стороне святости как святости? Не будут, говорит протестантское богословие, пока природа не возродится Святым Духом. Воля может быть физически свободна, умственно свободна, и, однако, по причине склонности к греху и отвращению к святости, которые грехопадение насадило в сердце, воля не может быть нравственно свободной; над ней господствует ненависть к святости и любовь к греху, и она не выберет путь святости и любви к Богу, пока не освободится от духовной неспособности, которую привила ей ненависть к хорошему.

Но давайте вернемся к воинам на арене Лейпцига. Сражение уже началось, и мы находим участников спора у самых истоков соответствующих теологий, лишь наполовину осознающих значение области, в которую они вступили, и далеко идущие последствия суждений, за которые они соответственно боролись.

«Человеческая воля до его обращения, говорит Карлштадт, не может делать ничего хорошего. Любая благая деятельность исходит всецело и исключительно от Бога, который дает человеку сначала желание, а потом и силу для совершения». Такое суждение поддерживали в одном конце зала. Это было очень старое суждение, но оно казалось новым, когда его провозгласили в зале Плезенберга, так как оно было совсем непонятно богословам. Реформаторы могли ссылаться в своих суждениях на авторитет Августина, и даже на еще больший авторитет Павла. Апостол высказывался по этому поводу и отрицательно, и утвердительно. Он называл «плотской ум» «враждой против Бога», он говорил о разуме, как о «помраченном», о людях, как «отчужденных от жизни Божьей, по причине их невежества». То же учение он облек также в положительную форму. «Потому что Бог производит в вас и хотение, и действие по Своему благоволению». Наш Спаситель установил важный принцип, равный этому; о том, что испорченная человеческая природа не может произвести ничего, кроме порочности, Он сказал: «Рожденное от плоти есть плоть». И тот же принцип проявился с той же точностью

в образном языке, когда Он сказал: «Гнилое дерево не может принести доброго плода». И, если бы понадобились комментарии, чтобы выявить полный смысл этого утверждения, у нас есть личное высказывание апостола о себе. «Ибо я знаю, что не живет во мне, то есть в моей плоти, доброе». Если вся человеческая природа испорчена, - сказал реформатор - то она не может произвести ничего, кроме порочности, пока человек не будет возрожден Духом Святым. Прежде воздействия Святого Духа на его разум и сердце ему не хватает нравственной силы любить и повиноваться Богу, и совершать то, что действительно содействовало бы его освобождению и спасению; тот, кто ничего не может сделать сам, всем обязан Богу.

На другом конце зала, где располагалась кафедра с висевшем над ней изображением св.Георга с драконом, возвышалась дородная фигура д-ра Экка. Громовым голосом и выразительными жестами он отказывается признать учение, только что выдвинутое Карлштадтом. Экк признает, что человек пал, и его природа испорчена, но он склонен определить степень этой порочности. Он утверждает, что она не является общей, что не вся природа порочна, что у человека есть способность делать что-то духовно хорошее, и, что до воздействия Духа Божьего на его ум и сердце, человек может совершать дела определенного достоинства. И Бог вознаграждает за благие дела, совершенные стараниями человека, благодатью, с помощью которой он сможет сделать остальные дела своего спасения.

Бойцы на одном конце зала сражаются за спасение по благодати – благодати, исключающей человеческие заслуги: спасение от Бога. Бойцы на другой стороне сражаются за спасение по делам, спасение, начинающееся с заслуг и добрых дел, и заслуги с добрыми делами сопровождают все направление деятельности. Хотя они привлекают к себе сверхъестественную благодать и делают ее товарищем, однако они в значительной степени и похвально совершают свою работу. Таково спасение человека.

Если учение о порочности всей природы человека верно, если он потерял способность выбирать духовное добро и совершать духовно пригодную для Бога работу, то протестантское учение справедливо. Если он сохранил эту способность, то истина на стороне римских богословов. Другого не дано.

Таким образом, спор зашел в тупик в одном вопросе – обладает ли воля способностью выбирать и совершать духовное добро? Это стало, как говорят, основным противоречием между католицизмом и протестантизмом. Все доводы с обеих сторон выливались и натыкались на этот вопрос. Это был самый важный вопрос в богословии, рассматриваемый со стороны человека, и в соответствие с тем, как он решится, будет прав католицизм и заблуждаться протестантизм, или прав протестантизм, а заблуждаться католицизм.

«Я признаю», - сказал Экк, чувствуя себя связанным в этом споре мнениями, поддерживавшими учение о благодати, которое передалось со времен Августина и сохранялось, хотя и не полно и не всегда некоторыми богословами, и полностью не исчезшее из римской церкви до сих пор. « Я признаю, что первое побуждение к обращению человека исходит от Бога, и что воля человека в этом случае абсолютно пассивна».

«Тогда – спросил Карлштадт, думая, что он выиграл в доказательстве – после этого первого побуждения, которое исходит от Бога, что делает человек со своей стороны? Разве это не то, что Павел называет желанием, а Отцы согласием?

«Да, - ответил канцлер Ингольштадта – но согласие человека исходит частично из его естественного желания, и частично из Божьей благодати». Таким образом, вспоминая то, что он, кажется, предположил, сделав человека сообщником с Богом при зарождении желания или первом действии выбора в деле его спасения, и разделившего с Ним заслуги совершения этой работы.

«Нет, - ответил Карлштадт – согласие и действие желания полностью исходят от Бога, именно Он творит его в человеке».

Оскорбленный учением, которое полностью лишает человека повода для прославления, Экк, притворившись удивленным и разгневанным, воскликнул: «Ваше учение превращает человека в камень или бревно, не способное на какие-то действия».

Апостол выразился лучше: «мертвым по преступлениям и грехам». Он не считал, что те, к кому он обращался, были в положении камня или бревна, так как дал им повод верить, и считал их виновными перед Богом, если они отвернутся от Евангелия.

Бревно или камень! Послышалось с того конца зала, где был Карлштадт. Разве наше учение делает человека таким? Разве оно низводит человека до уровня неразумного животного? Ни в коем случае. Разве он не может созерцать, размышлять, сравнивать и выбирать? Разве он не может читать и понимать положения Писания, признаваясь себе в каком случае он упал, что у него «нет сил», и попросить помощи у Духа Божьего? Если он попросил, разве не будет ему дан Дух Святой? Разве свет истины не воссияет в его разуме? И разве через истину не возродится его сердце Духом Святым, будет взято нравственное предубеждение против святости, и он станет способным любить и слушаться Бога? В силах человека стать предметом таких перемен. В его владении имеется структура таких способностей и даров, которая при воздействии Святого Духа может приводиться в движение по направлению к благим делам, а если бы не было таковой, говорили реформаторы, отличался бы человек от камня, бревна или неразумного животного?

Папские богословы проигнорировали отличие, которое протестантские богословы всегда и справедливо подчеркивали, отличие между рациональными и духовными способностями человека.

Разве это не вопрос опыта, спорили католики, что люди сами, то есть путем подсказок и способностей своей невозрожденной природы, совершают добрые дела? Разве античная история не показывает нам многие благородные, великодушные и добродетельные поступки, совершаемые язычниками? Разве они не любили и не умирали за свою страну? Все просвещенные протестантские богословы охотно допустили это. Человек, даже невозрожденный Божьим Духом, может быть правдивым, великодушным, любящим и патриотичным, и, применяя эти качества, он может придать своему характеру исключительное благородство и славу, и в очень большой степени принести пользу человечеству. Но вопрос стоит о высшем благе, которое Библия определяет как святость, – «без которой никто не увидит Господа» - действия, совершаемые соответственно высшему критерию, которое есть Божий закон, и, исходя из высших побуждений, которые есть слава Божия. Такие действия, учат протестантское богословие, могут исходить только из сердца, очищенного верой, и возрожденное Божьим Духом.

Лютер вышел на арену 4 июля. Он получил разрешение присутствовать просто как зритель, но по настойчивому ходатайству с обеих сторон герцог Георг отменил ограничение, и теперь он и Экк готовились вступить в бой. В семь часов утра два борца появились за соответствующими кафедрами, вокруг которых собрались друзья и сообщники каждого. У Экка был решительный и победоносный вид с претензией на то, что он забрал пальму первенства у Карлштадта, и это позволило ему зарекомендовать себя более сильным полемистом. Лютер появился с букетиком цветов в руке и лицом, носившим следы ужасных бурь, сквозь которые он прошел. Зал опустел после последней дискуссии, она была слишком серьезной и метафизической, чтобы зрители смогли оценить ее значение. Теперь выходили более сильные борцы с более ясными вопросами. Публика наполнила зал Плезенберга и смотрела, как два исполина вступят в единоборство.

Было понятно, что Лютером и Экком будет обсуждаться вопрос о главенстве Папы. Освобождение Лютера от этой, как и от других частей католической системы было постепенным. Когда он начал борьбу против продавцов индульгенций, он ни разу не усомнился в том, что когда дело дойдет до Папы и других высокопоставленных лиц, то они впредь как и он будут осуждать чудовищное злоупотребление. К своему удивлению он обнаружил, что они выгораживали это злоупотребление и приводили доводы из Писания, что убедило его в том, что люди, которых он воображал сидящими в области яркого света, в действительности были погружены во мрак. Это привело его к исследованию основ превосходства римской

церкви, и вскоре он пришел к заключению, что для этого нет оснований ни в ранней церкви, ни в Слове Божьем. Он отрицал, что Папа является главой церкви по божественному праву, хотя он все еще признавал, что является главой церкви по человеческому праву, то есть с согласия народов.

Экк открыл дискуссию с утверждения о том, что высшая власть Папы есть Божественное произволение. Его основным доказательством, как и католиков до сих пор, является хорошо известный отрывок: «Ты – Петр, и на этом камне Я создам церковь Мою». Лютер отвечал, как отвечают сегодня протестанты, что неправильно интерпретировать слово Петр как камень, более очевидный и естественный смысл этих слов в том, что истина, которую исповедовал Петр, другими словами Сам Христос, является камнем; что Августин и Амвросий именно так толковали этот отрывок, и с этим согласуется недвусмысленное высказывание Писания: «Ибо никто не может положить другого основания, кроме положенного, которое есть Иисус Христос»; и что Петр сам называет Христа «краеугольным камнем, живым камнем, на котором мы устрояем дом духовный».

Нет необходимости вдаваться в подробности диспута. Ход доказательств, так часто обсуждавшийся с того дня, хорошо известен протестантам. Но мы не должны игнорировать проницательность и смелость человека, который первым встал на этот путь, а также мудрость, которая научила его уверенно отвечать по Писанию, и независимость, с помощью которой он смог освободиться от сетей рабства, вызванного вековой покорностью.

Лютер был в невыгодном положении на диспуте, так как ему приходилось противостоять многочисленным цитатам из неправильных декреталий. Эта гигантская фальсификация, которая составляет большую часть римского превосходства, не была тогда разоблачена. Тем не менее, Лютер, смотря просто на это существенное доказательство, благодаря своей интуитивной проницательности, смело объявил, что доказательство, представленное против него, из фальшивого источника. Он обратился к своей крепости, ранним векам христианской истории, и особенно к Библии, ни в одной из которых не было обнаружено подтверждения или следа главенства Папы. Когда богослов из Ингольштадта обнаружил, что, несмотря на его искусную логику, огромную начитанность и красноречие, он не одерживал победы, и что все его искусство было встречено и отражено простой силой, знанием Писания, знакомством с Отцами, которые показал монах из Виттенберга, он снизошел до позорного приема. Он попытался сформировать предвзятое мнение о Лютере, объявив его «защитником ереси Виклиффа и Гуса». В наше время мы слабо можем представить ужас такого обвинения. Учение Гуса и Иеронима все еще вызывало неодобрительное отношение на Западе; Экк надеялся сокрушить Лютера, заклеймив его гусситом. Возбуждение в зале было огромным, когда против него

было выдвинуто это обвинение; герцог Георг и многие из присутствующих привстали со своих мест, стремясь услышать ответ.

Лютер хорошо понимал опасность, которой подверг его Экк, но он был верен своим убеждениям. «Богемцы – раскольники, - сказал он – и я осуждаю раскол, высший божественный закон – милосердие и единство. Но среди положений Яна Гуса, осужденных собором в Констанце, некоторые – явно самые христианские и евангельские, которые вселенская церковь не может осуждать». Экк невольно оказал услугу Лютеру и реформации. Удар, который, как он думал, будет смертельным, разорвал последнее звено цепей реформатора. Раньше Лютер отказывался признавать главенство Папы и подавал апелляцию на Папу собору. Теперь он открыто обвиняет собор за осуждение того, что было «христианским», короче, в заблуждениях. Ясно, что нужно покончить с непогрешимым авторитетом соборов и Папы. С тех пор Лютер опирался только на авторитет Писания.

Польза для протестантского движения от Лейпцигского диспута была большой. Герцог Георг, напуганный обвинением в гуссизме, с тех пор стал ярым врагом протестантизма. Были и другие, безнадежно предубежденные против него. Но эти потери были более чем уравновешены многочисленными и значительными победами. После этого взгляды Лютера стали более четкими. Дело получило более широкое и устойчивое положение. Из тех, кто сидел на скамьях, многие обратились в протестантизм. Лютер особенно привлекал студентов, и они, оставив Лейпцигский университет, стекались в университет Виттенберга. Некоторые имена, которые потом стали самыми блистательными в рядах реформаторов были в то время записаны среди евангелистов – Полиандр, Целларий, юный принц Анхальтский, Круцигер и последний, самый значительный из них, Меланхтон. Литература до этого занимала разум и наполняла сердце этого выдающего человека, но теперь, став как дитя, он склонился перед авторитетом Божьего Слова, посвятив всю свою эрудицию делу Евангелия, и стал толковать Евангелие с характерной для него приятностью и ясностью. Лютер любил его и раньше, но с этого времени он полюбил его еще больше. Лютер и Меланхтон были истинными товарищами, они были, как один человек, они вместе составляли совершенную личность для того времени и работы. Как чудесно Лютер выразил это в нескольких словах. «Я рожден, - сказал он – чтобы бороться на поле битвы с различными фракциями и злыми духами. Моя задача выкорчевать стволы и очищать от колючих кустарников и порослей. Я – чернорабочий, который должен подготовить путь и выровнить дорогу. А Филипп продвигается тихо и неторопливо. Он возделывает и насаждает землю; сеет и поливает с радостью, согласно дарам, которые Бог дал ему щедрой рукой».

Война в Лейпциге была не просто делом отдаленных поселений. Она велась вокруг самой цитадели римской системы. Первый удар был направлен на то, что

являлось ключом к римской позиции, самому глубокому основанию ее теологии – независимости человека от Божьей благодати. Так как именно на учение о возможности человека начать и – с помощью некоторой дополнительной благодати, переданной ему по единственному каналу таинств – завершить свое спасение, римская церковь строит свою программу дел с сопутствующими наказаниями, отречениями и обременительными обрядами. Второй удар был нанесен по догме, которая является краеугольным камнем римской церкви, а именно об иерархии – главенстве Папы.

Реформаторы пытались сбросить обоих, кто мог бы подменить, во-первых, Бога, как единственного автора человеческого спасении, и, во-вторых, Христа, как единственного Владыку церкви.

Лютер вернулся из Лейпцига более свободным, доблестным и смелым человеком. Оковы папизма были сброшены. Он стоял уверенно в свободе, посредством которой Евангелие делает свободными всех, кто принимает и следует ему. Он больше не склонялся перед соборами, он больше не чтил «престола», установленного в Риме, к которому прислушивались веками, веря, что голос, который исходил от него, был голосом Божьим. Лютер больше не знал никакого другого наставника на земле, кроме Библии. С этого дня в каждом слове реформатора было больше силы, и в каждом действии больше свободы.

Вновь Лютер возобновил свою работу среди друзей в Виттенберге. Профессора и студенты вскоре почувствовали новую силу, исходившую из обновленных и углубленных взглядов, с которыми реформатор вернулся после встречи с Экком.

Он покончил с чудовищной выдумкой главенства Папы. Подняв глаза выше престола на Семи Холмах с сидящем на нем в тиаре, он устремил их на Царя, которого Бог поставил на святой горе Сион. Он признавал единственной главой церкви живого, воскресшего Искупителя, кому дана вся власть на небе и на земле. Это позволило расширить взгляд на саму церковь. Церковь в понимании Лютера не была больше сообществом, над которым простирался скипетр Папы. Церковь была святым и прославленным собранием, собранным изо всех стран через Евангелие. На всех членов этого собрания сошел один Дух, связав их в одно целое и построив из них святой храм. Тесные стены Рима, которые прежде связывали его видение, пали. И реформатор увидел дальние народы, которые никогда не слышали о Папе, и которые никогда не носили этого ярма, собравшиеся, как предсказал древний пророк, идти в Шило. Это была церковь, к которой Лютер пришел, и членом которой он был счастлив быть.

Драма продолжалась, и новые актеры должны были выйти на сцену. Те, кто составляет первые ряды, созидающие духи, люди, чьи слова сильнее законов и

армий, выносящие смертный приговор старому порядку и предлагающие новый точку зрения, уже на сцене. Мы узнаем их в этой избранной группе просвещенных и сильных интеллектов, а также чистых душ Виттенберга, из которых главным был Лютер. Но это движение должно было обязательно привлечь к себе политические и материальные силы мира, либо для сотрудничества, либо для противостояния. Такие второстепенные личности, часто ошибочно принимаемые за главных, начали во множестве появляться на сцене. Они пренебрегали движением в его начале – материальное всегда недооценивает духовное – но теперь они поняли, что ему предназначено изменять царства – изменять мир. Средневековье забило тревогу. Разве оно позволит спокойно забрать у него господство? Возродившись в силе и славе, неизвестные ему с дней Карла Великого, оно бросило вызов протестантизму. Давайте обратим внимание на новое развитие старой власти в этот переломный момент.

Ничего более печального, как кажется, не могло произойти с мировым прогрессом. Все предсказывало новую эру. Возрождение античного образования дало стимул человеческому разуму. Пробудился дух свободного познания и жажды к образованию, общество сбрасывало ярмо закостенелых предрассудков и страхов. Мир радовался надежде избавления от Темных Веков. Но, увы! Темные Века вернулись. Они воплотились в могущественной империи Карла. Известный закон, прослеживаемый по всей истории: перед падением у сил зла бывает некоторый подъем.